

МАЙ '87

XX съезд ВЛКСМ. Репортаж из Кремля
Виктор Астафьев. Мой друг Чаталбашев
Музей Булгакова. Быть ли ему?

Николай Тряпкин. Стихи

Отечество. Вершины Дагестана

Записки адвоката. Право на защиту

Иван Крамской. Художник и бунтарь

Повесть Сергея Иванова «Не стрелять!»

10 СМЕНА

ISSN 0131-1656

О XX СЪЕЗДЕ
ВЛКСМ,
РАЗРАБОТАВШЕМ
ПРОГРАММУ
ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЕНИНСКОГО
СОЮЗА
МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УСКОРЕНИЯ
СТРАНЫ,
РАССКАЗЫВАЮТ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КОРРЕСПОНДЕНТЫ
«СМЕНЫ»

СТАТЬ МОЛОДОЙ ГВАРДИЕЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Как быстро летит время! Кажется, еще вчера мы строили прогнозы, горячо спорили: каким будет XX съезд комсомола, какие решения примет? И вот уже съезд позади. Его материалы, отчеты с пресс-конференций и дискуссий опубликованы в газетах. Делегаты вернулись на свои рабочие места.

Это был съезд, которого ждали. Ведь в прежние времена комсомольские выступления были больше похожи на здравицы и задорные рапорты и далеки от дел. На словах было одно, а реальная жизнь молодежи текла совсем по-иному.

Борьба с этими застойными явлениями в комсомоле началась еще до съезда, но именно он, XX съезд ВЛКСМ, точно расставил все акценты, выветил важнейшие проблемы, наметил конкретную программу действий.

Четыре дня на съезде показались такими насыщенными, что нас не покидало ощущение: времени прошло гораздо больше. Под вечер, после заседаний, мы возвращались из Кремлевского Дворца съездов, и знакомые спрашивали нас: ну, как там? Так ведь телевидение, газеты обо всем подробно рассказывают, удивлялись мы вопросу. Нет, говорили нам, одно дело — по телевизору, другое — живые впечатления.

Атмосфера съезда, какой она была?

Все было не так, как прежде. Очень молодые делегаты (62,5 процента — в возрасте до двадцати пяти лет), наверное, самые молодые за всю историю комсомольских форумов. Вместо привычных, бодрых рапортов — деловые, конкретные выступления по самым острым, болевым проблемам.

Съезд бурлил, спорил, предлагал, не соглашался. Мнения по каким-то вопросам порой были чуть ли не полярными, бескомпромиссными. Комсомол не рапортовал съезду — отчитывался перед съездом. Давно уже не было столь откровенного и самокритичного разговора, такой искренней заинтересованности молодежи в проведении перестройки в своем союзе.

А сколько было дискуссий на съезде! Они придавали ему особые яркие краски. «Что тормозит перестройку в комсомоле?», «Досуг молодежи: проблемы и решения», «Подросток: как помочь ему стать гражданином?» — вот только несколько названий их тем. Не отрепетированные спектакли — они проходили не по сценарию, люди гово-

рили не по бумажке, и пусть не всегда хватало слов у спорящих, пусть порой чересчур углублялись в частные, мелкие вопросы — это не главное. Дискуссиям еще нужно учиться. Но было главное — азарт, заинтересованность, острота не ради остроты, а ради дела, искренность, желание многое изменить. И изменить не какие-то мелочи, добиться не льгот и привилегий комсомолу, а желание упразднить устаревшие формы работы, расширить права комсомола.

Высказаться мог каждый, не согласиться с другими, такими же, как он, делегатами, а то и с самим министром. Более 700 делегатов получили слово во время съезда. Факт беспрецедентный! В дискуссионном центре был жесткий регламент: на выступление — пять минут. Но желающих выступить было столько, что время это сократили до двух минут. Учитесь говорить по существу, конкретно!

Все дискуссии, встречи, вся атмосфера съезда были пронизаны духом поиска. Поиска ответов на важнейшие вопросы, которые стоят сейчас перед советской молодежью. И главный вопрос — какими мы вступим в XXI век?

— У меня такое чувство, что сегодня комсомол как бы переживает второе рождение, — сказал со съездовской трибуны старший оператор Новолипецкого металлургического комбината имени Ю. В. Андропова Николай Жигулин.

Да, съезд показал, что комсомол не только голосует за перестройку, но и активно включился в нее и начал с себя, с преодоления недостатков, накопившихся за целый ряд лет. В зале мы не видели равнодушных, скучных лиц. Комсомольцы всей страны прислали в Москву своих делегатов работать, решать конкретные вопросы, планировать реальные дела.

«Ваш съезд был на высоте, вы просто молодцы, — сказал на заключительном заседании Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, обращаясь к делегатам. — Вы, по-моему, и сами удивились, и нас удивили, и страну. Но, думаю, самое главное, чем вы должны удивить, — обязательно выполнить то, о чем вы договорились здесь... Будет трудно, могут быть даже ошибки. Держитесь, закаляйте свой характер. Мы на правильной дороге».

Уезжая со съезда, делегаты делились своими планами, рассказывали о конкретных делах, которые им предстоит в ближайшее время, проблемах.

20 БЕЗД ВЛКСМ

Алевтина ШЕЛУДЯКОВА, бригадир Ленинградского производственного объединения «Светлана», депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола:

— Долгое время комсомол не заботился о расширении своего актива, в различные выборные органы выдвигали одних и тех же «проверенных» людей. Скажу о себе. На XIX съезде ВЛКСМ меня избрали членом ЦК и тут же «автоматом» — членом обкома и комитета ВЛКСМ объединения. А ведь я еще депутат Верховного Совета СССР. Целесообразно ли это? Ведь один человек, даже очень активный и энергичный, тем более руководитель трудового коллектива, не может с полной отдачей работать в нескольких выборных органах. Так почему бы не расширить круг молодых активистов? Комсомолу не нужны «свадебные генералы». И потом, надо подумать и о производстве, и о личной жизни сверхзанятых активистов, не так ли?

Нужно искать более эффективные формы совместной работы комсомола и комиссий по делам молодежи, созданных в Советах народных депутатов. Мы смелее, действеннее должны представлять интересы молодежи. Поэтому от имени депутатов-комсомольцев я горячо поддерживаю предложение о разработке Закона о молодежи и обещаю принять в этом деле самое активное участие.

Дмитрий САБУРОВ, капитан милиции, заместитель начальника отдела Свердловского областного УБХСС:

— Накануне съезда мы встречались с министром внутренних дел СССР

А. В. Власовым. Александр Владимирович спросил меня: «Товарищ Сабуров, когда перестанете «стрелять из пушки по воробьям», активизируете деятельность органов БХСС в раскрытии наиболее крупных и опасных преступлений?»

Упрек в чем-то и справедливый, хотя над раскрытием крупных хищений и махинаций мы работаем постоянно. Но тут еще вот такая ситуация. Нашу деятельность оценивают прежде всего по количеству выявленных правонарушений. Не берусь судить, насколько это отвечает интересам дела. Если следователь знает, когда и где совершено преступление, мы должны выявлять его сами. Это очень объемная работа, и без добровольных помощников, штатных инспекторов БХСС не обойтись. У нас есть отличные помощники, но их число невелико. Думаю, что штатные инспектора под руководством юристов могли бы наладить контроль за предприятиями торговли и общественного питания, помогать в раскрытии хищений. Маловата отдача и от «комсомольских прожектористов», молодых народных контролеров.

Сейчас, как никогда, милиции и сотрудникам БХСС нужна действенная помощь комсомола, чтобы вести непримиримую борьбу с расхитителями и несутунами, спекулянтами и взяточниками, невзирая на лица и чины. Для этого, конечно, нужно иметь смелость. Так что, будьте посмелее, комсомольцы!

Андрей ГОЛОМАЗОВ, первый секретарь Новосибирского ГК ВЛКСМ:

— С трибуны съезда мы услышали очень важную для нас мысль: самостоятельные молодежные объединения типа нашего фонда молодежной инициа-

тивы — не альтернатива комсомолу (а когда-то было и такое мнение!), они должны развиваться. В марте мы приняли новый устав фонда, сделали его более конкретным. Теперь в фонде не будет коллективных членов (они будут существовать как объединения по интересам) — только индивидуальные. А то произошло «размывание» фонда. Сейчас членом фонда может быть автор или соавтор проекта реализации социально значимой идеи. Именно проекта реализации, а не просто идеи.

Журнал «Смена» писал о нашем фонде, поддержал нас. Это очень помогло нам. Я знаю, что по стране в нескольких городах организованы фонды молодежной инициативы наподобие нашего, в частности, в Перовском районе Москвы.

Если в начале года, когда «Смена» рассказывала о нашем опыте, мы только приступали к созданию творческого объединения мастеров при фонде, то теперь оно уже работает, народные умельцы изготовили изделий на несколько тысяч рублей. Продвигаются дела и с подготовкой производства персональными компьютерами молодыми инженерами-электронщиками. Короче говоря, дел много, и надо спешить!

Галина ГЛУШКОВА, швея-мотористка Калмыцкого производственного швейного объединения:

— Пожалуй, наша легкая промышленность, как никакая другая отрасль, в огромном долгу перед молодежью. Парни и девушки идут в магазины с неохотой. Там все равно ничего не купишь по своему вкусу. Разве что когда на прилавок выбросят «импорт»...

А кто в этом виноват? Да все мы виноваты! Как было в прошлые годы? Ткачи и швейники работали сами по себе, торговля — сама по себе, а дома моделей что-то там придумывали и фантазировали для «избранной» публики и международных фестивалей. Мы гнали «валовку», текстильщики старались перевыполнить планы по километражу «вторсырья» и тканей, которые давно уже не пользовались спросом. Конструкторы и модельеры опять же занимались творчеством, предназначенным... для певцов и кинозвезд. И чтобы пошикарнее, подороже! И чтобы из импортных материй!..

А остальные были вроде как не в счет. Из тех четырнадцати лет, что я работаю на фабрике, только в последнее время перестала стыдиться изделий с нашим фирменным клеймом. Сейчас, наконец, своими товарами калмыцкие швейники стали вновь завоевывать доверие покупателей. Но проблем еще очень много, и не все от нас зависит... Ясно одно, что мы все — ткачи и швейники, продавцы и модельеры — должны работать в одной упряжке. А ведь долгое время наши взаимные контакты были чисто формальными, у каждого ведомства — свой план, обязательства, свои проблемы.

Я, между прочим, выступала на XI пленуме ЦК ВЛКСМ и как раз говорила о плохом качестве поставляемых тканей, о трудностях швейного производства и внедрения новых моделей. О том, что нужно налаживать контакты на уровне комсомольских комитетов предприятий-смежников, шире использовать систему трудовых договоров. Меня послушали и... забыли. Я пришла

к мнению, что некоторые комсомольские работники и в ЦК, и в обкомах только лишь брали «на заметку» предложения, поступающие от членов Центрального Комитета. Ну выступила я, покритиковала, свою «функцию» выполнила. И только. Никто даже не обязал комсомольские комитеты ответить на критику, высказанную членом ЦК. Значит, невелики были мои полномочия. Так получается? Значит, отдел рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ слабо контролировал, как выполняются на местах замечания и предложения, прозвучавшие с трибуны пленумов. Не поздно ли на моей родной фабрике говорят, что не видели отдачу от меня как от полпреда Центрального Комитета? Вполне справедливые претензии!

Считаю, нужно расширять полномочия члена ЦК, а не ограничивать их лишь участием в работе пленумов и всевозможных заседаниях. Нужно активнее использовать опыт и авторитет полпредов в налаживании комсомольских контактов между отраслями и предприятиями-смежниками.

Татьяна БЕЛИЦКАЯ, студентка Ставропольского государственного пединститута, секретарь бюро ВЛКСМ:

— Я не согласна с министром высшего и среднего специального образования СССР товарищем Г. А. Ягодиным, который в своем выступлении на съезде сказал, что в вузах не нужно создавать новые органы студенческого самоуправления. Мы считаем, что они необходимы! Прежде всего следует поднять авторитет группы в решении всех учебных, воспитательных и культурно-бытовых вопросов. Студенты сами должны выбирать себе куратора и обязательно из числа преподавателей.

На съезде правильно было сказано: нужно вернуть принцип добровольности студенческим строительным отрядам. Иначе что получается? Каждый год пединституту спускают разрядку с требованием организовать двенадцать ССО. И только из оставшихся студентов формируют педагогические отряды, которые работают в пионерских лагерях, интернатах и детдомах. Неужели будущих педагогов целесообразнее использовать на строительстве коровника, чем по их прямому назначению? Разве воспитательная работа с детьми — менее важное занятие?

В современной школе есть немало замечательных педагогов — Шаталов, Волков и другие новаторы, но мы, студенты, будучи учителя, очень мало знаем об их опыте работы. А ведь давно пора сделать этот опыт достоянием всех педагогов и родителей.

Татьяна НОВИКОВА, первый секретарь Кемеровского горкома ВЛКСМ:

— Много ждала от дискуссии по проблемам молодежного досуга. Увы, все свелось к взаимным претензиям. Комсомольские вожаки упрекали профсоюзы, работников культуры в невнимании к запросам молодежи. Те выдвигали свои, хорошо известные нам доводы. На том и разошлись.

Выходит, комсомолу надо рассчитывать только на свои силы? Но ведь это неправильно. Нужны взаимопонимание, взаимодействие. У нас в Кемерове, к примеру, 15 клубов и домов культуры. И все принадлежат профсоюзам. У них своя ориентация, свои критерии работы. Поневоле приходится подстраиваться, вести дело в зависимости от личных отношений с дирекцией. Теперь-то, надеюсь, сил у нас будет больше: съезд открывает дорогу молодежной инициативе и самостоятельности.

Майор Сергей ВАРФОЛОМЕЕВ, помощник начальника политотдела Воздушно-десантных войск по комсомольской работе:

— Сегодня очень остро стоит проблема воспитания и подготовки ребят к службе в армии. Комсомол же этим занимается еще слабо. И, думаю, не случайно. В оборонно-спортивных отделах горкомов, обкомов работают люди, которые в своем большинстве сами не служили и имеют очень абстрактное представление об армейской службе. Поэтому они куда охотнее занимаются спортивными мероприятиями, переключая работу с допризывниками на плечи ДОСААФ и военкоматов. Те тоже не отличаются большой активностью в пропаганде военно-технических видов спорта, поиске новых форм работы с допризывниками. Вот почему в последние годы аэроклубам и автототосекциям многие подростки предпочитают бездумное времяпрепровождение, а на призывные пункты часто приходят этакие «женственные» паренки, подражающие не летчикам и космонавтам, а солистам «Модерн Токин».

Александр БРОНДУКОВ, бригадир слесарей-сборщиков ленинградского производственного объединения «Ижорский завод» имени А. А. Жданова:

— Сегодня свыше двух тысяч комсомольско-молодежных бригад Ленинграда поддержали начин рабочих — делегатов XXVII съезда КПСС выполнить план двух лет пятилетки к 70-летию Великого Октября. На большинстве предприятий у нас в городе созданы и действуют 800 комсомольско-молодежных коллективов.

И все-таки в организации КМК еще немало проблем. Одна из них — процентомания. Ох как в иных организациях прежде любили блеснуть впечатляющей цифрой! Дескать, столько-то охвачено и привлечено, столько-то планируется создать... А толку-то! На съезде верно говорились: дело не в количестве КМК, а в реальной отдаче.

В свое время наша бригада решила объединиться с отстающим коллективом, где в основном работали люди среднего возраста. Понятно, что с комсомольской точки зрения мы «постарели», зато подтянули до своего уровня десять слесарей, и производство от этого только выиграло. Сейчас наша бригада работает на единый наряд, стала одной из лучших в цехе. Большинство слесарей имеют личное клеймо качества. Я это говорю к тому, что производству не нужны искусственно омоложенные коллективы, здесь надо исходить прежде всего из интересов дела.

Евгений СЛИДЕНКО, старший сержант, кавалер ордена Красной Звезды, кандидат в члены ЦК ВЛКСМ:

— Все мы в огромном долгу перед теми, кто погиб в Афганистане, выполняя свой интернациональный долг. Перед теми, кто вернулся на Родину инвалидом. Комсомольским организациям нужно больше внимания и заботы уделять семьям и родителям погибших, ребятам, которые потеряли на воинской службе свое здоровье. К сожалению, некоторые комсомольские активисты вспоминают о них редко, от случая к случаю.

А разве не нужна помощь молодым семьям, мужа и отцы которых продолжают службу в Афганистане? Они очень нуждаются в комсомольской, человеческой заботе, в поддержке и сердечном отношении. Мы не имеем права об этом забывать.

Татьяна МАКСИМЮК, актриса Львовского театра юного зрителя имени М. Горького:

— Не ждите восторженных слов о театре. И так мы слишком долго убаюкивали себя прекрасными иллюзиями. Дескать, молодым открыты все богатства культуры. А что в итоге? Оказывается, в среднем по стране ребенок бывает на детском спектакле лишь раз в пять лет. Тревожит, что и юноши, и девушки не очень-то охотно идут в ТЮЗ. На съезде я познакомилась с коллегами из других республик и городов — картина та же. И вот уже на полном серьезе звучит вопрос: «А нужны ли вообще сегодня ТЮЗы?»

Неужели молодежь разлюбила театр? Никогда не поверю в это. В Москве видела очереди за билетами у Театра имени Ленинского комсомола, ЦДТ и ТЮЗа... Почему же к нам молодые люди не идут?

Да просто в нашем театре молодым неинтересно! Спектакли, которые мы играем, не волнуют, не затрагивают острые проблемы воспитания, школы и семьи. Беден репертуар, с опозданием на 3—4 года ставим пьесы, которые уже «оттремели». Так почему бы комсомолу не объявить конкурс на лучшую молодежную пьесу? Почему бы не привлечь к сотрудничеству с ТЮЗами молодых драматургов?

Из рук вон плохо поставлена реклама, пропаганда нашей работы. Когда в театр идут по принуждению — а такое в школе бывает, — то от таких «встреч с прекрасным» не польза, а один вред. Об этом мне говорили и школьники, с которыми я встречалась как член бюро Ленинского райкома ЛКСМУ Львова.

Марина БОЕВА, командир студенческого отряда «Горнячка» Свердловского горного института:

— В этом году наш студенческий строительный отряд отмечает свое десятилетие. За его спиной — освоение Уральского Нечерноземья. Уже несколько лет вместе с нашим отрядом едут работать и «трудные» подростки. Причем не из-под палки, не по принуждению, а с огромным желанием, добровольно. Да еще и пройду специальный отборочный конкурс, увеличивающийся год от года. Скоро в наш отряд конкурс будет не меньше, чем в ГИТИС...

Несколько лет назад был отменен принцип добровольности комплектования студенческих отрядов, даже в больших вузовских, университетских городах. Летняя практика стала своего рода формальной обязателькой. Но у нас в Свердловске принцип добровольности всегда сохранялся. Именно он обеспечил студенческому трудовому семестру дух здорового соревнования, самостоятельности, инициативы.

Жанна МУХИТДИНОВА, секретарь комсомольской организации школы № 21 города Джумы Самаркандской области:

— В нашем городе немало вернувшихся домой воинов-интернационалистов. Среди них и выпускники моей школы. Никогда уже не взойдет на ее порог Нуриддин Хаккулов, героически погибший в Афганистане. Но каждый из учеников и учителей нашей школы о нем помнит. Память о Нуриддине мы решили увековечить. Уже посажена аллея имени Хаккулова. Здесь же будет стоять обелиск Нуриддину — нашему сверстнику, комсомольцу, солдату.

Для того чтобы собрать деньги на памятник, комсомольцы всего нашего района провели ярмарку солидарности. Пекли хлеб, рисовали, вышивали и мастерили. Никто нам этого не подсказал. Почин шел от сердца.

Лейла НАДЖЕФОВА, инженер НГДУ «Азизбековнефть», член комитета комсомола:

— Нас, молодых специалистов, недавно окончивших институт, в управлении 26 человек. Всем известно, как трудно найти себя новичку в трудовом коллективе. Кто у нас самый «бесправильный»? Молодой специалист. Скажу о себе. Вместо того чтобы заниматься своими непосредственными инженерными обязанностями, я половину времени трачу на канцелярско-бумажную работу, с которой вполне могла бы справиться вчерашняя школьница. А совет молодых специалистов не всегда умеет отстаивать наши права перед администрацией.

У кого самая низкая зарплата в управлении? Опять же у молодого инженера! А ведь все работают по-разному: кто-то «горит» на производстве, а кто-то просто отбывает положенное время. Я считаю, что комитету комсомола совместно с советом молодых специалистов нужно предоставить право определять зарплату инженерам по коэффициенту трудового участия, как это делается в рабочих коллективах. Инициативные инженеры-рационализаторы должны зарабатывать больше, чем заурядные исполнители. Никакой уравниловки тут быть не должно.

Сергей БУБКА, заслуженный мастер спорта СССР, член ЦК ВЛКСМ:

— Меня как спортсмена не могут не волновать вопросы физической подготовки молодежи. Считаю, необходима серьезная перестройка преподавания физкультуры в школе. Два часа в неделю — этого мало. Будь моя воля, я бы ввел в расписание урок физкультуры каждый день. Занятия эти должны быть интересными — привлекать ребят к спорту, а то порой они так скучны и неинтересны, что школьники стараются их пропускать...

Сергей МАРТАЗОВ, тракторист совхоза имени 50-летия СССР Тутаяевского района Ярославской области:

— Меня особенно взволновали два выступления: Алексея Фищева, школьника из Григоропольской средней школы, рассказавшего, как по-новому, по-хозяйски, на принципах хозрасчета и бригадного подряда работают их ученические производственные бригады. И Маши Астафуровой, мастера машинного доения совхоза «Майский» Вологодской области. Проблемы, поднятые ими, мне глубоко близки. Наконец-то сельские школьники завоевывают официальное право на самостоятельный «взрослый» труд.

В выступлении Маши Астафуровой прозвучала важная, хотя и нерадостная мысль: мало еще наши министры и профессора сельской науки заботятся о сельских тружениках. Действительно, приходится нашим девушкам на фермах катать тяжеленные тачки с кормами, таскать пятидесятикилограммовые мешки. Разве это справедливое хозяйственное использование самых важных наших человеческих ресурсов? Тут комсомол совхозов и колхозов должен веско и принципиально сказать свое слово.

Думаю, что моих товарищей (наша комсомольская организация насчитывает 120 человек) особенно порадует предоставление большей самостоятельности комсомолу, право решать совместно с администрацией важнейшие производственные вопросы: устройство молодежи на работу, поощрение за ударный труд, решение конфликтных ситуаций. Мы хотим не только работать, но и отвечать за качество своего труда. И за своих товарищей.

Фото Владимира Чейшвили

ТЕ

Константин
ПЕСОЦКИЙ

КТО ОСТАЛСЯ

Акты предельно коротки. Нервным ознобом отзывается в груди каждое занесенное в них слово.

Виктора Кибенка, Владимира Правика, Николая Титенка, комсомольцев-пожарных, снимает с учета Светлана Лушенкова, заведующая сектором Припятского горкома ЛКСМ Украины. Так положено. Причина?.. Она указана в четвертой графе актов — для всех троих одна: «Погиб при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Комсомольские документы из рук Светланы бережно принимает Галя Смирнова, которая специально за ними приехала из Москвы.

Небо рядится в свинцовые, тяжелые краски. Тот же свинец тоски и в глазах работников горкома. Да, они хорошо знали этих ребят, молодых героев Чернобыля. Горкомовцы знали их по веселым голосам, по крепким пожатиям рук, по задиристым выступлениям на собраниях.

Тогда казалось, что в их работе, в их облике нет ничего героического: обычные парни, обычные заботы.

Сколько же душевной энергии кроется в недрах человеческого «я»? Какой заряд гуманизма там таится? Заряд любви, страсти, нравственной чистоты!

Нелли Перковская говорит об этом просто, тихо, и мы все умолкаем, настигнутые мыслью о человеческом величии. Ведь дело не в том, сколько положительных качеств можно насчитать в человеке. Главное — что дают они в сумме.

У Николая Титенка, Владимира Правика, Виктора Кибенка эта сумма равна ПОДВИГУ.

Разве это не тот же бросок грудью на амбразуру вражеского дзота? Только вместо заснеженной матушки-земли, что придавала силы Александру Матросову, у пожарных кипел под ногами битум, среди которого дымилась графитовые обломки, излучая жестокую радиацию.

Но и тогда, в годы войны, и сейчас, в мирное время, за победу заплачено одинаково — жизнью. Иное дело — не нужно бы таких испытаний. Испытаний, после которых люди разделились на тех, кто не дрогнул (их, к счастью, подавляющее большинство), и на тех, кого в самый напряженный, ответственный момент не оказалось в цепи атакующих. Таких ничтожное количество, но они есть...

Они жили рядом: Виктор Кибенок и Саша Рагулин, Владимир Правик и Геннадий Павлов, Николай Титенок и Галя Лупий... Почти все — члены бюро горкома. Чернобыль развел их по разные стороны баррикад.

Я долго думал: называть ли фамилии, имена тех, кто сдрейфил, забыл о долге, сбежал? Только кто сможет вычеркнуть их из памяти Нелли Перковской, Светланы Лушенковой, Маши Гриненко, Николая Черниговца, Игоря Овечкина,

Саши Сергиенко — кто? Это бессилён сделать даже звонок из Киевского обкома комсомола, в котором звучал призыв к тактичности и т. п.

Впрочем, позже кое-кто вернулся. Именно на четвертый блок. И работал вволю, храбро лез на рожон, чтобы соленым потом смыть с себя остатки трусости. Чернобыльские добровольцы называли таких холодно и метко — «добирающие дозу». Нет, не радиации. Имелась в виду совесть. Добирающие дозу совести!

Ровное, привычное течение жизни Припятского горкома комсомола, взорванное той страшной ночью, разделилось надвое: **до** и **после** Чернобыля. В активе горкома все ребята, казалось, были как на подбор — деловые, надежные. Почему же не всегда одни и те же качества дают в итоге одну и ту же сумму? Почему?

В этом еще нужно разобраться. И материала для раздумий более чем достаточно.

...Не сразу пришло понимание чернобыльской трагедии. Отчасти потому, что не хотелось верить в страшную и неестественную для этого цветущего края беду. Сработала инерция сытой беззаботности: пронесет, мол... Но больше — из-за отсутствия информации о том, что все-таки произошло на АЭС, на четвертом энергоблоке.

Мальчишки продолжали играть в футбол, а девчонки, наблюдая за ними, лакомились мороженым. И весь город — молодой, энергичный! — был весел, повоскресному шумлив.

В горкоме комсомола также практически ничего не знали об аварии. Не было достоверной информации. И это усугубило беду, масштабы которой — это нам сегодня понятно — непредсказуемо велики. Воображение в попытке осмыслить случившееся оказывается бессильным, ибо не годятся прежние мерки, сравнения, чтобы соизмерить.

Какой-то парень зашел в горком. Нелли Перковской он запомнился лишь потому, что был первым, — чернявый, коренастый, озабоченное лицо. Спросил: «Может, чем-то помочь?» Было не до него: горком жил своей суетной жизнью. Уже вечером Нелли увидела его во второй раз: он насыпал в мешки песок. Много мешков потребовалось — тысячи! Чтобы бросить в пасть взбесившегося реактора...

Только вечером, когда сумерки сгустились, беда стала ощутимой. Город был наводнен автобусами. Пришла Марина Березина, старшая пионервожата 2-й средней школы, тихая, застенчивая: «Что делать?» — «Немедленно в автобус!» — распорядился Саша Сергиенко. — «Эвакуация!» Марина плотно стиснула губы и отрицательно покачала головой: «Я должна быть здесь!» Ее усадили в автобус (запомним этот факт, ибо кто-то уже лез в дверь, рвался первым), но когда машина ушла, Марина снова появилась в горкоме: «Что делать, скажите?» В третий раз ее

«выявили» с помощью милиции, когда ушли все автобусы.

Оказывается, даже посадка в автобус при чрезвычайных обстоятельствах может превратиться в экзамен на мужество, гражданственность, чувство долга.

Неведение и невежество. Вот факторы, усугубившие трагедию. Так было: угрюмая ночь, возле каждого подъезда — автобусы, встревоженные (уже понастоящему) люди со своими сомнениями и слезами (да, было!), со своими бесконечными вопросами. К кому обратиться? У кого спросить?

И вот в этой смешанной со страхом неведения темноте ярко зажглись окна горкома комсомола, и туда повалил люд. Одни — за информацией, которая, к счастью, уже имелась у членов бюро почти в полном объеме; другие — за моральной поддержкой, третьи — за сочувствием и пониманием... У пожилого мужчины слезы на глазах: «Мать престарелая, болеет, не встает, как с нею эвакуироваться?» У молодой женщины трое детишек, вещи: «Помогите, ради бога, кто-нибудь!» Кто-то из девушек, разорвав косынку, быстро повязал малышам рты: беда сразу же стала как бы зримее, опасность — явственнее.

Люди несли в горком страхе, недоумении, непонимании, граничащую с отчаянием боль. В горкоме их понимали. «Пропускная способность» его мгновенно увеличилась во много раз.

За полночь Светлана Лушенкова и Маша Гриненко получили распоряжение о немедленной сдаче в архив комсомольских документов. Обдало холодком: значит, положение серьезное. А работников с каждым часом оставалось все меньше: ушли на свой участок эвакуации Нелли Перковская, Игорь Овечкин, Саша Бочаров и Саша Сергиенко. Им предстояло отправить без малого шесть тысяч жителей 5-го микрорайона. Поименно!

В оцеплении находился еще один член бюро — инспектор по делам несовершеннолетних Николай Черниговцев: 6 мая он получил большую дозу радиации. Специальное задание выполнял Сережа Филин (после обследования ему сразу же назначат полное, двукратное переливание крови).

Да, комсомол в один миг стал самим собой. И выявился его паразитическое сходство с тем комсомолом, в рядах которого состояли Николай Островский, Александр Матросов, Олег Кошевой, Зоя Космодемьянская, Надя Курченко... Отныне этот список продолжат Виктор Кибенок, Владимир Правик, Николай Титенок.

Слетела бумажная суета — шелуха, осталось главное — работа с людьми.

Чернобыльская авария — еще одно испытание советских людей на излом. Испытание непредвиденное, жестокое, коварное, дорогостоящее. Враг-невидимка — что может быть опаснее, рискованнее? Мы знаем, как укрощался этот разъяренный зверь: события,

вплоть до мельчайших, разложены теперь уже по дням, часам и даже минутам.

Офицер-политработник Александр Тимченко писал в те дни:

*Мы вышли в бой, как в 41-м деды,
Чтоб человек вернулся в отчий дом.*

Разные это и не похожие друг на друга люди. Их объединила, сплотила в единую несокрушимую силу беда, черной тучей нависшая над нашим краем. Все они — добровольцы. Их было много. Намного больше, чем требовалось. И они не просто шли на самые трудные, опасные операции, где не могли справиться роботы. Они рвались в бой! Потому что сумма человеческих качеств каждого из них оказалась на поверку готовностью к подвигу! С первоначальной силой и мощью звучали в трудные для Чернобыля дни слова — **ДОЛГ, СОВЕСТЬ, ЧЕСТЬ.**

Всех нас, кого в большей, кого в меньшей степени, переиначил, переключил Чернобыль. Разом поняли: чужого горя не бывает, все мы дети одной матери — Родины. И она вправе рассчитывать на духовный потенциал каждого из нас. Именно несокрушимую силу духа, таящуюся до поры до времени в людях, выявил Чернобыль. Много лучше оказался на поверку наш современник, чем кое-кто о нем думал. Более сплоченным, молившимся оказалось советское общество, чем кое-кто на Западе предполагал. Ближе друг к другу, ближе даже, чем мы привыкли считать, оказались люди.

Сквозь душу народа прошла беда. И вмиг выветрилась пыль благодушия, высветилось золото чистой пробы: люди оказались как всегда отзывчивыми, а главное — умеющими сострадать. Они как бы подключились к Чернобылю невидимыми нервами, как бы замкнули на себе его трудности, горечь...

Особо надо сказать о девушках — комсомольских работниках. Настоящими рыцарями проявили они себя, хоть и не очень подходит к ним это чисто мужское слово. Последними из Припятского горкома комсомола покинули зараженный город Саша Сергиенко и Игорь Овечкин, но именно они дали девушкам Чернобыля, принимавшим участие в эвакуации, это определение: рыцари.

Нелли Перковская... Ей выпало испытать все. В том числе и большую дозу, и многократное переливание крови... И несмотря ни на что, она вернулась в свой — не побоюсь громких слов — испытанный боем горком, на пост секретаря и заведующей отделом учащейся молодежи.

О рыцарях духа идет речь. Потому что не делится понятие долга, мужества, совести и чести на две — мужскую и женскую — половины.

Идут в горком люди. Идут! Значит, связь срабатывает. Значит, получают люди в горкоме то, что так необходимо каждому для душевного равнове-

Ошибки, неудачи на первых порах, неудовлетворенность условиями труда — все это часто заставляет новичка менять место работы, а то и профессию. Отчего такое происходит?

“НЕРВНЫХ ПРОСИМ УДИВИТЬСЯ”

Ольга ВЕРОВЕНКО

«А МОЖЕТ, ЕЕ СПИСАТЬ?..»

— На пятую линию,— распорядился начальник цеха Левон Бигранович. Бригадир Маша вздохнула и жалостно на меня посмотрела.

— И так людей в цехе не хватает,— возразила она.— Сбежит девка!

— Зачем бежать?— вдруг обиделся Левон Бигранович. И горячо заговорил, обращаясь ко мне:— Хорошая линия! Все умеет. Растительное масло знаешь? Так вот — сама бутылку из пленки выдувает, сама масло в нее наливает, закрывает, этикетки наклеивает и в ящик складывает! Если что не так, пальчиком кнопку нажми, она и поправится. Маша покажет, какую кнопку нажимать.

Но бригадир Маша уже посеяла во мне сомнения.

— А она, пятая, наверное, старая?— сопротивляюсь я.

— Зачем старая?! Совсем новая — семи лет нет, как цех обновили. Людей, понимаешь, не хватало, а теперь вот ты пришла, еще девчат наберем — и запустим! В передовики выйдешь!

— Эх!..— сказала бригадир Маша.

Немного спустя я поняла всю горечь этого «эх!». До сих пор, если мне снится кошмарный сон, вижу одно: я стою у пятой. А пятая — тоже стоит.

Если можно сказать, что у всякой машины есть свой характер, то у этой был норов. Фасовать масло она не хотела и не умела; с того самого дня, как ее установили, она не проработала и двух недель кряду. Завод-изготовитель после долгой переписки пару раз прислал своих представителей, которые все претензии подписывать отказывались, а потом и вовсе ездить перестали. Они судили со своей колокольни: подписать — значит расплатиться за собственный брак звонкой монетой.

Пятой линии быстро нашел применение Усач, бригадир ремонтников, используя ее как «полигон» для обучения новичков. Левон же Бигранович, которому план спускался из того расчета, что все линии в цехе будут работать, за все семь лет так и не оставил надежды пятую запустить.

— А может, ее списать?..

Левон Бигранович посмотрел так, словно ему предложили сесть на ежа.

— Мы ее купили? Установили? Кто ее теперь разрешит списать?! Теперь до новой реконструкции цеха...

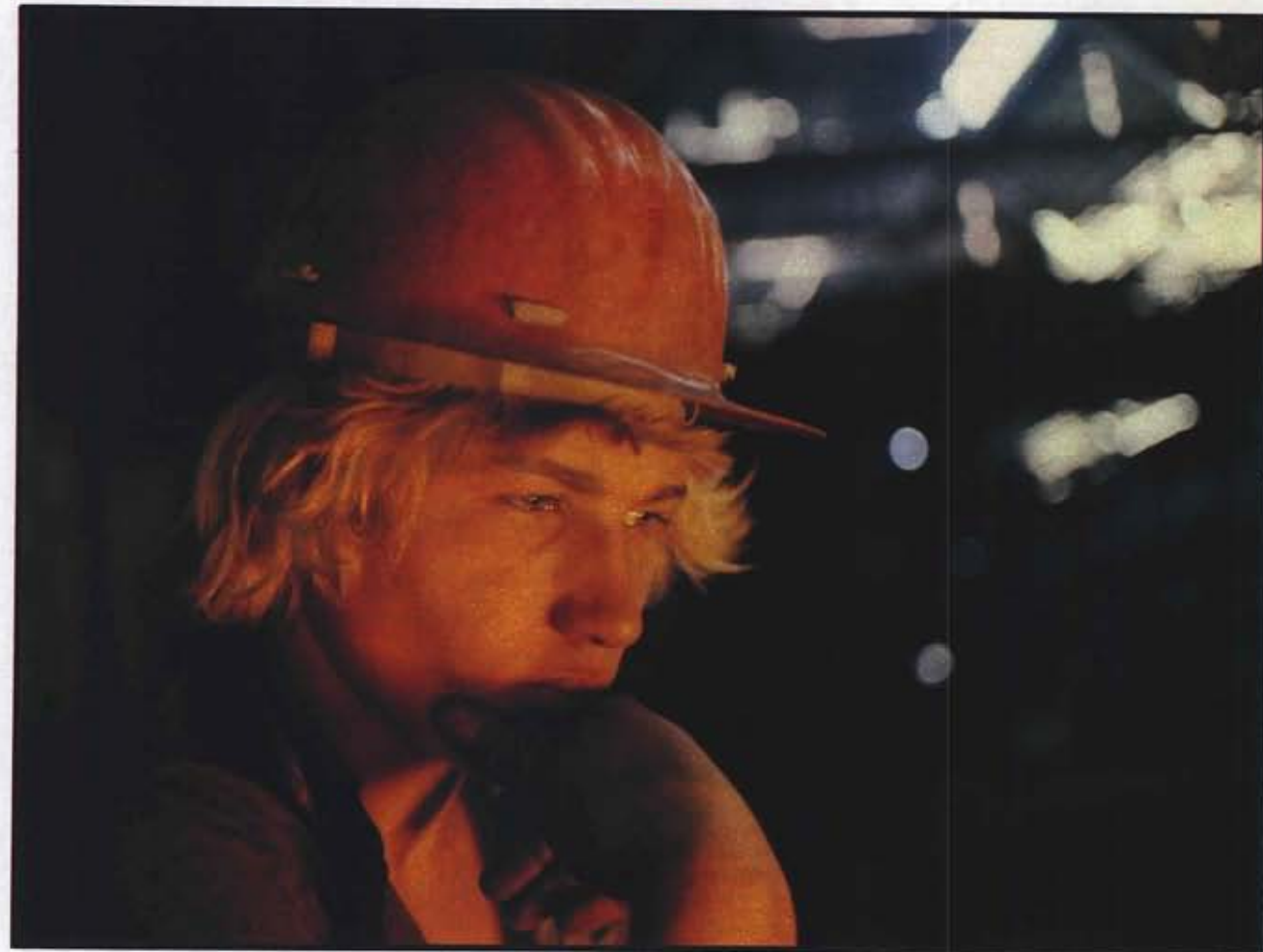
— Да ведь не работает!

— А нам говорят — отлаживайте!

...Идет уже неизвестно какая с начала смены попытка запустить пятую. Возле линии — три оператора и четыре наладчика во главе с Усачом. «Пф, — коротко вдыхает воздух пятая и с облегчением выдыхает: — Пффф». Наладчики издают радостный вопль.

— Пленку скорей! — кричит Усач.

Лихорадочно заправляем рулон. По приводу ползут полиэтиленовые кассеты, заполняются маслом. «Пф, пффф», — астматически задыхается машина. Заполненные кассеты ползут к вырубной, которая разрезает их на 4 бутылки и швыряет в ящик. Наладчики

вытирают ветошью руки и улыбаются. «Пы-ы-ы!» — на долгой ноте вдруг тянет пятая. Несколько кассет налезает друг на друга, их заклинивает.

— Гаси, гаси! — орет Усач.

Но уже поздно. Из-под пресса бьет тяжелая желтая струя.

Вскоре становится ясно, что одну из самых трудоемких операций — фасовку бутылок в ящики — линия делать не может. Ремонтники растащили длинную протяжную ленту с лопастями и что-то в ней подкручивают, но без энтузиазма, потому что делают это уже не в первый раз. На завод-изготовитель едет наш снабженец с двумя ящиками оливкового масла. А я сижу на скамеечке у вырубного пресса и фасую вручную.

С завода-изготовителя возвращается снабженец с новой лентой. Говорит, что к оливковому маслу ему пришлось добавить еще кое-что. Усач с наладчиками ставят ленту. Она не подходит, не стыкуется с вырубным прессом — новая модификация! За ненадобностью ее складывают у двери цеха, где ей теперь мокнуть и мерзнуть, пока не сдадут в металлолом.

Я фасую вручную. Разговоров о том, когда это кончится, уже нет.

Наконец мне это надоедает. Окликаю проходящего мимо Левона Биграновича. Невинно прошу:

— Присядьте за меня на минутку.

— Как это? — ничего не подозревая, удивляется Левон.

— Видите, нет никого свободного, а мне... надо.

Он заговорщически подмигивает: «Давай мигом!»

Удаляюсь в коридор. Сижу на подоконнике. Десять минут сижу, двадцать. Уйти от машины Левон не может — чревато если не аварией, то неприятностями. Выключить линию — тоже, потому как не дотянется. Через час возвращаюсь. Пятая стоит. На полу масло, обрывки пленки. Левон Бигранович сидит на скамеечке, бригадир Маша перевязывает ему бинтом руку — порезался об острый край бутылки.

На меня Левон не смотрит. Обиженно бурчит:

— Пойдешь на линию к Евдокии. Пока пятую не наладим... Это место не для нервных!

ДЕНЬГИ В ВОЗДУХЕ

Евдокия Семеновна похожа на колобок, у которого выросли ручки. Она подгирает ими бока и выкатывается навстречу Усачу, звонко припевая:

— И когда, спрашиваю, мил человек, ты транспортерчик мне заменишь? Скажи, а то заждаюсь...

Усач шарахается в сторону, но она уже тянет его за рукав и голосит:

— Погляди-погляди! Лысый, что твоя голова, транспортерчик-то!

Широкая лента, по которой ползут ящики, и правда лысая. Ящики на ней буксуют, и мне все время приходится бегать и подталкивать их. Иначе они падают на пол и разваливаются. Но бегать — значит отвлекаться от накопителя, который заполняется мигом. А ведь надо еще успеть подставить под него пустой ящик и проследить, чтобы все лепестки накопителя открылись. По идее, ничего в них не должно застревать. Но каждый раз застревает. Ремонтники объясняют весьма туманно что-то про усталость металла. В общем, выковыриваю застрявшую бутылку, бегу к транспортеру, подталкиваю, бегу, снова выковыриваю. Как ни крутись, раза три за смену Евдокия выключает машину и ворчит: запустить ее снова — двадцать минут как минимум.

Считаю: из-за транспортера и лепестков теряем в смену час, а то и больше. Но Усач транспортерчик не дает. Евдокия поясняет: не хочет. Нам поменяет — другие тоже потребуют. А что тогда у него в резерве останется? Если потом все транспортерчики вдруг облысеют, то придется покупать новые, а это невыгодно.

— Так что же тогда выгодно?! — возмущаюсь я. — Ведь наш час простоя за смену с лихвой покрывает стоимость транспортерчика.

— Так, да не так, — вздыхает Евдокия. — То, что мы за этот час не сделали, — деньги в воздухе, а транспортер — деньги реальные. За их лишнюю трату с Усача шкуру спустят...

Не очень хорошо понимаю, что такое «деньги в воздухе». Но мне не до этих высоких материй. Я просто хочу нормально работать.

Случай представляется. Остановка компрессора. В цехе уныние — будем, значит, работать в воскресенье. «Делать план». Суббота и так рабочая. А пока чистим, моем машины. Беру ведро горячей воды, железную щетку и начинаю драить закольцованную ленту. С нее брызжит густая жирная чернота. Ага, оказывается, она была когда-то голубая... Вот теперь она шершавится, а была гладкая, как стекло. Для пробы пускаю ящик. Он вмиг проскакивает.

Усач возникает как из-под земли. — Все сюда! Вот! Вычистил человек, старается, думает, а вам все только готовое подавай?!

Он поднимает мою руку, словно победителю на ринге, и уходит. Но у Евдокии реакция странная: подперев руками бока, она катится на меня.

— Ты что же это наделала? Ты же мне всю игру испортила! Не даст он теперь транспортерчик, а утром уже было согласился! Уходи с линии моей, вредительница!

Бригадир Маша уводит меня к себе. — Напрасно чистила, — мягко говорит она. — Сколько потратила — часа три? Ну, на три дня твоей чистки и хватит. Лента же лысая. А потом что — опять чистить будешь, на три часа раньше на смену приходите? Нет, милая, из картофельных очисток супу не сварить...

Она ошиблась. Моей чистки хватило на неделю.

План мы хронически не выполняем, но премия есть всегда. С планом все понятно: откуда ему и быть, если пятая всегда стоит (двадцать процентов плана долой), а остальные линии едва дышат (еще процентов двадцать долой). Так и выполняем процентов на шестьдесят. Но с премией дело куда интереснее.

К той премии, оказывается, есть два пути, и оба «работают». Путь первый — «черные» субботы и воскресенья; путь, который вызывает наибольший энтузиазм в цехе, потому что за них платят особо: за субботу — десять рублей, за воскресенье — пятнадцать. И деньги выдаются тут же, из так называемого директорского фонда.

Путь второй — корректировка плана. Тихонькая такая корректировка, которая, кажется, делается на уровне цеха или комбината, но «наверх», видимо, не доводится. Туда, «наверх», важно дать итог квартала. Так и идет: нет плана в январе — перекидывают его на февраль, нет в феврале — перекидывают на март. За январь и февраль изволь получить премию. А в марте... Тут в ход пойдут не только рабочие воскресенья, но и третьи смены.

Отсутствием третьих смен наш комбинат, где коллектив почти весь женский, особенно гордится. Но на самом деле они есть, только в конце квартала.

С утра Левон ходит по линиям с бутылкой.

— Добровольцы, записывайтесь! Добровольцы — те, кто останется после смены еще на одну или придет раньше, отработает третью, а потом свою первую. Две смены подряд — дело незаконное, узнай кто — не миновать нашему начальству взбучки. Левон действует на свой страх и риск.

— У меня совести не хватит оставить цех в беде, — говорит бригадир Маша и записывается.

Евдокия говорит проще: — У меня двое детей. эти деньги нелишние!

За ночные смены доплачивают пятерку из того же директорского фонда.

Впрочем, есть и упирающиеся «анархистки», которые не хотят ни пятерки, ни даже квартальной премии. Правда, таких горстка. Евдокия, Маша и другие старшие работницы загоняют их в угол в раздевалке, и разыгрывается довольно интересная сцена.

— Не могу я две смены подряд, спать тынет, того и гляди, под пресс попадешь, — сопротивляется «бунтовщица».

— А премию предыдущие месяцы исправно получала? — напирает на нее Маша. — А то не знала, что отработать в ночь придется?

Общими усилиями сопротивление сломлено, и «добровольцами» записываются все. Интересуюсь у Левона, что такое этот фантастический директорский фонд и надолго ли его при такой нашей работе хватит.

— О, — мечтательно улыбается он. — Это такие деньги, их можно на разное потратить: лучших работников премировать, на пенсию проводить...

— А дом на них построить можно? — Почему нельзя? Можно. Дом, детский сад, даже пионерский лагерь. Все можно.

— А если узнают, — пугаюсь я, — если узнают, что эти деньги вот так, не по назначению, тратятся, что будет?

— Зачем не по назначению? — мрачнеет Левон. — Мы же премируем. Вас всех. Тебя. Ты в ночь работала, план давала, вот и премировать в конце квартала будем, а за то, что в воскресенье работала, — считай, тоже премия, отдельная такая, маленькая...

— Ты за начальство не бойся, оно всегда выкрутится, — вступает в разговор Евдокия. — Директор мне на Восьмое марта грамоту даст, а кому надо, скажет, что букет роз вручил, вот концы с концами в том фонде и сойдутся!

Левон на эти слова обижается, а я про себя опять начинаю считать. Нас в смене тридцать человек, столько же во второй. За одну рабочую субботу мы получаем шестьсот рублей, за воскресенье — девятьсот. На предприятии пять цехов. Умножаем, получаем семь с половиной тысяч за субботу и воскресенье. Да плюс выплаты за третьи незаконные смены. Пожалуй, если не за год, то за три-четыре можно запросто построить жилой дом. Интересно, думает ли об этом Маша, которая с семьей уже лет десять ютится в одной комнате в коммуналке, или Евдокия, которая каждое лето решает проблему, куда, в какой пионерский лагерь пристроить детей. Наверное, нет, иначе не стали бы они так горячо защищать ночные смены и «черные» воскресенья... И весь этот кавардак по одной причине: мы работаем на устаревших физически и морально линиях, а одна из них вообще стоит. И в трубу летят тысячи и тысячи рублей!

ЗИНАИДА ИДЕТ НА РЕКОРД

Зинаида-ударница очень любила у нас выступать на общих собраниях. Вот и на очередном решила высказаться.

— Кто не хочет работать, тот ищет причину, — говорит она, — а кто хочет — ищет возможности...

Это она не сама придумала, такой плакат висит в приемной директора.

— Себя не похвалишь — с утра как оплеванный, — с места заявляет Евдокия.

Левон строго стучит авторучкой по столу. В голосе Зинаиды слезы:

— Обидно мне такие слова слушать. Разве моя линия лучше, новее других?

— Горло у тебя луженое, — не унимается Евдокия.

Зинаида от возмущения краснеет, задыхается и, видимо, неожиданно для себя самой вдруг заявляет:

— Я предлагаю поменяться. Кто хочет, пусть идет на мою линию, а я любую другую возьму. Там посмотрим!

Секретарь партийной организации одобрительно улыбается. Отступать теперь Зине некуда.

И она переходит на другую линию. С ней перекочевывает постоянная сви-

та — ремонтники, импортная пленка, с которой никаких хлопот. Ее берегут для особых случаев, когда идет спецзаказ, но Зинаида работает на ней всегда. Однажды ей эту пленку не дали, и Зинаида так стукнула кулаком по директорскому столу, что через полчаса перед ней стоял навтыжку сам Левон и с ним Усач.

— Бережет Зинку начальство, — бурчит Евдокия. — А то ведь некого будет на конференции посылать. На городской Доске почета, вы думаете, Зинка висит? Нет, комбинат там висит!

— Кто как работает, тому такой и почет, — парирует Зинаида.

На новом месте она начинает с того, что осматривает свое хозяйство. Левон и ремонтники тоже тут. Приходит и главный инженер — весть о поступке Зинаиды разнеслась быстро. «На рекорд идут», — иронично похихикивают в цехе. Выходит распоряжение: все ремонтные силы — Зинаиде. К утру, как по мановению волшебной палочки, на ее линии и новые приводы, и новый транспортер, и еще что-то. Но дело не идет.

Не пошло оно и через неделю, и через две. Зинаида осунулась и забегалась, едва успевая вынимать полуполненные кассеты и отжимая брак, загоняла ремонтников и свой «экипаж» — отладка линии шла «на ходу» вопреки всем инструкциям.

Говорили, что тайно ото всех с ней беседовал Левон и предлагал вернуться обратно. Но Зинаида упрямая.

Наконец от нее с большим скандалом сбегает Усач, утверждая, что он сделал все возможное, но «на Зинку не угодишь». И тут неожиданно линия пошла. Пошла и перекрыла все Зинаидины достижения, показывая совершенно невообразимые цифры выработки.

Левон спешно созвал собрание. — Ваш товарищ доказал и показал, как надо работать. Вам есть с кого брать пример. А тем, кто не верил, кто ставил палки в колеса... — Левон строго посмотрел в сторону Евдокии.

Усач посрамлен, потому что наладить линию не смог, а сделала это каким-то чудом сама Зинаида. В цех приходил директор и жал ей руку. Она фродолажала работать по-ударному, но худела на глазах. Жалостливая Маша стала ходить за ней следом:

— Поела бы, Зин? А то до обеда еще час целый. Сырники вот домашние, а? Но Зинаида только отмахивалась. Тайна ее удивительных показателей оставалась неразгаданной еще пару недель, пока не произошло ЧП.

Прямо у линии Зинаида упала в обморок. Отсюда же ее на «скорой» отвезли в больницу, где поставили диагноз: физическое истощение. Остальное прояснила ночная сторожиха:

— Говорила я ей: доведешь себя. А она мне: я, мол, баба Клава, на пятнадцать минут задержусь, не больше. А какие пятнадцать минут, когда все ушли, а она все стучит, и час стучит, и два... Вот — достучалась!

Совершенно невыявленным остался для нас только один момент: как Зинаида одна управлялась за троих, за весь свой «экипаж» и с какой скоростью для этого она должна была бегать вокруг линии?

Через месяц, оправившись, Зинаида ушла из цеха.

БЕГОТНЯ

Рабочих рук в цехе хронически не хватало. От наших монстров-линий при первой возможности бежали — хоть в лаборантки, хоть на меньшую зарплату. И Левон Бигранович решил на меру неординарную.

— Будем переходить на новый метод, — сказал он, собрав нас после смены. — На каждой линии сейчас три оператора. А можем сделать два. Оставшимся двум доплата.

— Сколько за ушедшего? — с интересом спросили мы.

— Тридцать процентов.

— То есть работу его мы полностью будем выполнять, а платить нам только треть?

— Больше по закону нельзя. Но

вы подумайте: треть — тоже немалые деньги.

Мы начали думать. Сразу представилась и беготня между транспортером и лепестками, и многое другое. Принимается решение: овчинка выделки не стоит. Затраты труда несоизмеримы с обещанной «третью».

Соглашаемся только мы с Евдокией. Вернее, она одна, потому что она старшая в нашем «экипаже». Валя-этикетчица уходит на другую линию.

И Евдокия начинает бегать от своего бывшего участка, где выдуваются бутылки и надо постоянно следить за температурным режимом, скоростью, прохождением, к участку этикеток (они никак не желают прилипнуть) и обратно.

Интересно, что за конструкторское бюро на заводе-изготовителе? Приклеивание этикеток — операция, прощай которой не придумаешь. Однако машина, которая ее делает, имеет размеры с добрый токарный станок. К тому же с самого первого дня ни на одной линии этот агрегат как следует не работал. Как ни «химичили» операторы, какой состав клея ни замешивали, этикетки не клеились. И операторы делали все это вручную, окуная каждую бутылку в клей и разглаживая ее на бутылке, полностью заменяя собой автомат.

— А бис с ними, — наконец плюнула Евдокия, когда, увлекшись этикетками, недоглядела за пленкой и чуть не вспыхнул пожар. — И так поймут в магазине, что не бензин в бутылках!

Но за вырубным прессом следить куда труднее. Кассеты ложатся косо, криво, и оператор должен поправлять их длинным крючком, который изобрел Усач в качестве «малой механизации». С неделю побегав вдоль линии, Евдокия наконец сказала: «Хватит!»

Но Валентина возвращаться не захотела.

— Ты от меня отказалась, — обиженно заявила она Евдокии. — Теперь крутись, как знаешь, а то все тебе денег мало!

И еще долго, подбирая Валентине замену и бесконечно затирая тряпкой, намотанной на большую щетку, масляные лужи у вырубного пресса, Евдокия ворчала, ругая щекинский метод:

— На таких развалах где это видано — щеткинскую методику внедрять?!

Мы отказались не только от щекинского метода, но и от многих других, считающихся прогрессивными. Хотя сейчас вполне отдаю себе отчет: а могли бы... Могли бы справиться вдвоем на тех линиях, которые были рассчитаны на троих. Конечно, если бы сами линии работали. Резервы были. Просто вскрыть их в тех условиях мы оказались просто не в состоянии...

...Я увольняюсь с комбината. — И куда ж тебя несет? — сказала бригадир Маша. — Думаешь, где-нибудь лучше? Поверь моему опыту: везде так, в любой профессии так... Нервная ты очень!..

К ЧИТАТЕЛЯМ.

О проблемах молодых рабочих, новичков на производстве, с тревогой говорилось на XX съезде ВЛКСМ. Каждый третий молодой человек меняет первое место работы в первый же год. А на поиски нового места у него уходит в среднем месл... Экономические убытки из-за этого весьма ощутимы: народное хозяйство страны ежегодно терпит почти 4 миллиарда рублей. Велики и моральные издержки: новичок терпит уверенность в себе, разочаровывается в избранной профессии. А комитеты комсомола на многих предприятиях занимают позицию неинтересности — не анализируют причины текучести молодых кадров, не добиваются создания нормальных условий труда.

Случались ли в вашей жизни подобные конфликтные ситуации? Как исключить их, как создать молодым благоприятные условия в начале трудовой деятельности? Хотелось бы, дорогие читатели, знать ваше мнение.

ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ БЮРОКРАТИИ

Уважаемая редакция!

Решили написать, благо в конце статьи дается «добро» на письма. Чтобы письмо не выглядело анонимкой или клеветой, немного о себе: обоим по 33 года, рабочие, работаем вместе, у каждого по двое детей (все девочки), любим читать, образование среднее.

Все написанное в вашей статье очень созвучно той ситуации, из которой мы не можем выбраться уже около года.

Завод наш — № 3 РРТА, по ремонту радиотелевизионной аппаратуры, — небольшой. Вместе с управленческим аппаратом не более 180 человек. Состоит из трех цехов. В одном работаем мы. В январе прошлого года переселились в новое здание. Немного погодя полуцикл нового директора. Старый был осужден за «мертвые души» и страсть к коллекционированию «презренного металла». Видите, уже начинает перекликаться со статьей («приметы и сущность»). Аппарат управления остался прежним, так как все остальные оказались сущими «ангелами» по сравнению с директором. Начальником нашего цеха поставили человека, жизненные устои которого весьма далеки от морального кодекса строителя коммунизма. Естественно, что коллективу это было не по душе. Объясним, почему. Мы так много труда и души вложили в этот цех при подготовке к пуску (оборудовали своими силами после работы и в выходные, причем бескорыстно), что работать в нем под началом такого человека было бы невыносимо. Все-таки работа должна доставлять радость, мы отдаем ей большую часть жизни. Призвав на помощь Закон о трудовых коллективах и областной совет профсоюза, своего добились. Какое-то (небольшое) время работали спокойно. И неплохо работали. Поверили, что справедливость все-таки существует. Но, видно, лавры начальника цеха не давали спокойно спать вышеупомянутому человеку. Он нашел покровителей. Восстанавливая в должности приезжало самое высокое руководство. Мы проявили упрямство. Хорошо хоть, что этот человек, видно, понял, что работать с коллективом, который его не уважает, приятного мало, и от своих притязаний отказался. Это было второе большое потрясение в жизни цеха. Опять добились своего, правда, огромной тратой

нервов и заслужив репутацию «цеха с претензиями». Хотя мы в своем желании работать по закону и по совести ничего плохого не усматривали. Наступила «золотая» эра. Время, о котором все работники цеха вспоминают с сожалением, что его не вернуть. Мы работали спокойно, с радостью. С марта по сентябрь 1986 года никто и ничто не мешали нам работать.

А вот с сентября начался новый этап невротичности, и когда он кончится, никто предсказать не может. В сентябре нам сказали: «Вот приказ, марш в бригаду». О бригадах мы слышали, читали в газетах. Знаем, что дело новое, нужное и перспективное. Только ведь мы вроде не телята, чтоб «за рога да в стойло». Судя по прочитанной литературе (журнал ЭКО, «Справочник по бригадной организации труда», статьи в газетах), для того, чтобы создать бригаду, мало одного желания, надо тщательно продумать и отработать все связи, экономические взаимодействия, взвесить все хорошенько.

Мы позволим себе небольшое отступление. Новый наш директор по роду предыдущей деятельности (партийный работник) с нашим производством никак связан не был. То есть начинать ему нужно было с азов. Но, видимо, такого желания не было, и всеми делами стала заправлять старший экономист, а директор подписывает все, что бы ему ни подсунили (наверняка не глядя приговор себе подпишет). Старший экономист — женщина-пенсонерка с замашками феодала.

Свезили нас в соседний город Дзержинск, там уже была организована бригада на подобном производстве. Послушали, что говорила бригадир (освобожденный), естественно, поговорили с рабочими. Мнение, конечно, создалось противоречивое. Бригадир говорит, что все хорошо и прекрасно, «ура» и в таком духе. А рабочие говорят, что система распределения бригадного заработка их не устраивает. Мы сдельщики, и потому вопрос этот немаловажный. Тумана с распределением у них было немало. Какие-то условные баллы, сначала каждому по тарифу, а остальное по КТУ (нам, кстати, усиленно навязывали ту же систему). Но ведь если баллы условные, то и рубли тоже могут получаться условными... Не понравилось в их системе вот что: если лодырь, выполняющий работу, не дотягивает до тарифной ставки, он все равно получит не меньше тарифа (сразу вопрос: за счет кого?); бригадир (инженер-технолог этого цеха) вошел в бригаду со своим окладом 130 руб., а получает 390 (опять же за счет кого?). Нам стали понятны причины его восторгов.

В нашей работе механизация и автоматизация невозможны. Увеличение производительности достигается исключительно за счет сокращения потерь рабочего времени и накопления опыта. Рабочим в том цехе просто приходилось больше работать, то есть не 8 часов, а 10—11 в смену. Отсюда видимое благополучие, то есть повышение зарплаты (особенно у бригадира). Все это мы продумали. Создали у себя комплексную бригаду. Принципы обсчета

разработали сами, недовольных не было.

Стали работать в бригаде нового типа. Только для нас бригада — это способ улучшения трудовой деятельности, а вот для нашей администрации, похоже, это способ улучшения собственного благосостояния. Интересовались в бригадах других цехов: ребята, вы сможете себе сами, если нужно, посчитать КТУ? Ответ отрицательный.

Кстати, внедрить нашу систему распределения по КТУ стоило больших трудов. Диалоги со старшим экономистом были такого рода: «Мы вот тут посчитали...» — «Рабочий должен не считать, а работать». «А вот тут в справочнике сказано то-то, постановление Совета Министров, закон все-таки...» — «Эти законы нам не указ, у нас свои законы». Ну, свои, так свои, работаем. Кстати, зарплата по сравнению с индивидуальной сдельщиной уменьшилась. Выросла премия. А так как положение о премировании создавалось, как обычно, «с потолка», то учитывалось в большей степени количество, а не качество. Премия выросла прилично. Работать спустя рукава мы не привыкли, лодыри сами по себе разбежались, поскребли резервы, уменьшили перекуры.

В общем, увеличили объем производства на 40—50 процентов по сравнению с 1985 годом. Вот премия и полезла вверх. Пару месяцев поработали так, потом вышли с предложением к директору: давайте пересмотрим систему оплаты. Пусть оплата соответствует труду, а премию можно уменьшить. Привели доводы и аргументы. Согласился. На следующий день звонит: «Работать по-прежнему, я приказов не отменяю».

Чувствуем, стараются всеми правдами и неправдами освободить нас от премии. Наступил конец года. Вот тут мы и почувствовали себя очень маленькими и глупыми. Пересмотрели в администрации положение о премировании (естественно, в сторону уменьшения), комплексную расценку (в ту же сторону) и объявили план на новый, 1987 год. Мы прикинули: в 1986 году мы дали рост объема в последних месяцах в среднем 40 процентов, на 1987-й нас обязали увеличить объем на 30 процентов (но это уже к 1986 году). Мы работали без оглядки, выжимали, как говорится, все резервы, и поднять объем еще на 30 процентов просто невыносимо. Можно, конечно, увеличить численность бригады, но дело даже не в этом, такие объемы дать невозможно. Только потому, что в «природе» не существует столько работы, чтобы мы могли этот план выполнить. Мы отказались от бригады. Рассуждали так: план цеха выполнить невозможно, а если работать индивидуально, то хоть кто-то из коллектива личный план выполнит за счет мастерства. Да и ИТР, которые были в бригаде, не останутся без премии, так как при индивидуальной работе их премия зависела от выполнения плана завода, а не цеха.

Но старший экономист — женщина опытная. Положение о премировании опять пересмотрели и поставили премию ИТР в зависимость от результатов работы цеха. То есть оставили их без надежды на получение премии. Нас тоже

Диалог с читателем о проблемах ускорения развития нашего общества, проблемах перестройки экономики, социальных структур, общественного сознания «Смена» ведет и будет вести впредь.

Предлагаем вашему вниманию мнения о ходе процесса перестройки, возникшие у наших читателей в связи с публикацией в «Смене» (№ 3 за 1987 год) статьи доктора философских наук Валентина Толстых «Тупики бюрократизма». Ждем писем.

в стороне не оставили — расценки срезами до минимума, а индивидуальный план взвинтили. Чтобы не повадно было рассуждать о том, что «каждому по труду». Началась история, которая была бы очень смешной, если бы не была столь печальной. Чтобы веселее нас наказали, уже после подведения всех итогов за декабрь состреляли дополнительный липовый приказ о нарушении двумя рабочими производственных правил и лишили их премии на 100 процентов, а всю бригаду — на 20 процентов (в сумме 400 руб.). Ну, если наказывают бригаду, это ясно, деньги из бригады уходят. А вот если какого-то члена бригады наказали — куда же все-таки девается его премия? Это, к сожалению, тоже неизвестно.

Весь этот бюрократический механизм настолько доволен своим положением, что сдвинуть его очень трудно. Да и прав у нас на это нет, потому что даже в Законе о трудовых коллективах формулировки какие-то расплывчатые: «по возможности», «если это соответствует» и т. д. Сейчас на двух авторов этого письма открыта охота и выданы лицензии — в профкоме решили взять курс на избавление от всех беспокойных элементов. «Вечно нос свой суют не туда, куда надо, на собраниях кричат, предлагают что-то, чего предлагать нельзя, не велено». Но опять же все это устно, а слова к делу не пришьешь.

Такое вот обширное предисловие. Вы спросите: а при чем здесь статья? Объясняем. Статья очень дельная, конкретная. Все из жизни — на своей шкуре чувствуем. Но... Все это мы знали, только, может, так складно выразить не могли, и тон у статьи какой-то свысока глядящий — вопросительный. Последний абзац — лозунг. Мы и сами знаем, что «борьба с бюрократизмом должна вестись...». А как? Если бы о бюрократии была статья в Уголовном кодексе — тогда другое дело. А тут ведь не подкопаешься.

Мы знаем, что бюрократ — враг, он разваливает экономику, подрывает у людей веру в справедливость, но дай-те конкретный совет, как от этого врага избавиться.

Даже когда вступит в силу Закон о государственном предприятии, от бюрократа избавиться будет невозможно — посмотрите формулировки Закона — «...освобождается вышестоящий органом». А если вышестоящему бюрократу выгоден нижестоящий, вовремя подающий липовые доклады об успехах? Ну, подадут снизу конкретное предложение, а сверху не утвердят, то есть вежливо пошлют подальше. Как здесь быть? Мы вам дали конкретный пример бюрократизма, правда, не называя имен и фамилий, кроме своих, но это не суть важно.

Попробуйте дать конкретный ответ, конкретный совет. Общих рассуждений и так полно сверх меры. А о конкретном читаешь в газетах; то там, то тут кто-то годами ищет справедливость и не все-гда находит, а если и находит, то ценой огромных лишений.

Вадим ГОГОЛЕВ, Олег ГУСАР,
г. Горький

☒ ПУТЬ БОРЬБЫ

Могу сказать с уверенностью, что статья Валентина Толстых вызовет в сознании многих большое удовлетворение. Так что можно поздравить с удачей и автора статьи, и журнал.

Хороша эта статья и тем, что вызывает на серьезные размышления.

Уже сам заголовок «Тупики бюрократизма» в сопоставлении с содержанием статьи заставляет задуматься, что в тупике оказался не бюрократизм, а борьба с ним, что социальное зло это «живет, не глядя ни на что, и вред наносит всевозможный...».

А если это так, то до оптимизма далеко. Надо бы указать путь борьбы, организационные меры этой борьбы, а не просто благие пожелания.

Были прежде многоступенчатые выборы с открытым голосованием и отчетностью советских органов перед съездами Советов. Отчитывались все председатели советов, ревизионные комиссии, заведующие отделами. Депутаты и делегаты съездов обсуждались на открытых собраниях, их видели, давали им характеристики, отводы, мог быть подвергнут обсуждению любой гражданин, он же мог высказывать свое мнение по каждому высказыванию и по каждой кандидатуре. Гласность была подлинной, а не односторонней, деятельность и гражданские качества каждого кандидата были на виду у всех.

Василий ДАШКОВ,
г. Касимов

☒ «ПЕРЕВЕРТЫШ»

Тема актуальная, особенно после январского Пленума ЦК КПСС. Замысел редакции одобряю, поддерживаю. Статья хорошая, глубокая, живо написанная. Мне вообще нравится все, что пишет В. Толстых. Особенно импонирует его публицистическая активность. Это как раз то, что сейчас требуется от нас: философов, от общественных вообщее.

Предмет статьи очерчен четко: «бюрократизм людей, профессионально занятых управлением и делами». Поэтому не следовало бы, мне кажется, расширять это явление до всякого злоупотребления властью и говорить о бюрократизме врача, педагога, продавца. Названные здесь фигуры взяты из тех сфер действительности, которые нам очень хорошо знакомы, и это обстоятельство может провоцировать некоторую часть участников дискуссии на отход в сторону от центральной проблемы.

А центральная проблема автором сформулирована также весьма четко: важно не «заклеймить» лишним раз всем известным образ бюрократа и высказать общественную неприязнь к бюрократическому стилю руководства, а найти источники этого социального явления, вскрыть его причины и сущность.

Решая поставленную задачу, В. Толстых делает ряд удачных попаданий «почти в десятку». Хорошо (то есть ясно, остро, точно) сказано про то, что проблема бюрократизма не сводится к издержкам в деятельности отдельных лиц, а коренится в системе; про «другую реальность», создаваемую бюрократом для того, чтобы отгородиться от первичной, действительной жизни; про «деятельную бездеятельность» как характерную черту бюрократического стиля руководства; про психологию «маленького человека», передоверившего заботу о себе «другим», «слугам народа», и тем самым способствовавшего процессам бюрократизации власти. Хорошо и то, что прямо назван источник, из которого происходит бюрократизм — власть.

Все эти, как мне кажется, опорные пункты рассуждений автора, а также меткие и кстати приведенные высказывания К. Маркса и В. И. Ленина о необходимости анализа объективных недостатков самого социального института, самой системы бюрократизма, которая парализует, вносит разврат внизу

и наверху, и живом творчестве масс и непосредственной демократии — все это объективно подводит к одному важному и ответственному выводу, которого, к сожалению, автор не делает. Конец у статьи вялый, хотя в принципе и верный: деловитость, гласность, контроль снизу, соответствие слов и дел — это действительно необходимые условия и одновременно рычаги преодоления бюрократизма как социального явления. Однако эти рычаги почему-то не срабатывали раньше, и это должно нас насторожить.

Не будем слишком уповать на нынешний благоприятный настрой в партии и в обществе в целом. Такие периоды всплеска широкой инициативы отмечались и раньше...

Весь смысл статьи — и я это поддерживаю — подводит к выводу о необходимости упразднения, слома социального института посредничества. Вот так я бы одним словом обозначил это явление, которое выступает, так сказать, материальной основой той самой другой реальности со всеми ее иллюзорными правилами и иерархиями, о которой пишет В. Толстых.

«Другая реальность» — это не только созданный творчеством бюрократа мир ирреальной сущности и псевдозабот. Это также и само бытие социального слоя «посредников», чиновников, которые не обладают правом решать ничего, но в силу техники управленческой работы обладают способностью давать ход или тормозить любое начинание.

В докладе М. С. Горбачева на январском Пленуме прямо назван главный наш социальный «перевертыш» — доминирование исполнительной власти над законодательной, аппарата над выборными лицами.

Вот, собственно, ради этой «точки над i» я и сел за машинку.

Владимир ЕРОХИН,
доктор философских наук,
Рязань

☒ ГЛАСНОСТЬ!

Как правильно подчеркнул В. Толстых, бюрократ боится пуще всего гласности. Однако наш подход к проблеме расширения гласности представляется мне теоретически неверным. Мы гласность используем как инструмент развития демократии, мы внедряем ее, преодолевая значительное сопротивление. Между тем сама гласность полностью зависит от уровня демократии, она ее следствие. Больше демократии — больше гласности, а не наоборот. Иначе у читателей, слушателей, зрителей неизбежно будет сохраняться чувство дозированности информации или ее искажения. Бюрократ делал все для перекрытия или сужения каналов информации, особенно практической. Конечно, сейчас налицо расширение гласности, поскольку до апрельского Пленума ее объем по субъективным причинам не соответствовал даже имеющемуся уровню развития демократии. Эти «резервы» мы быстро исчерпали и даже пошли немного дальше, волей ЦК заставив центральные органы зашевелиться. А на местах с гласностью негусто, как и с критикой. Легче министра критикнуть, чем «родного» мастера. Тут, конечно, нельзя не затронуть вопрос совершенствования избирательной системы. Просто на удивление незначительно «механизм сопротивления» прореагировал на планируемые изменения в порядке выдвижения депутатов и на уже практикующуюся выборность руководителей.

Ничего удивительного в этом нет, так как потенциальному бюрократу бояться особенно нечего. Конечно, наиболее однозвонные фигуры уйдут, но их и так снимают, без игры в митингование. Главное для бюрократа — это возможность, придя на заседание исполкома, райкома или другого «кома», встретить там примерно одних и тех же людей и в узком кругу решить все вопросы. Безопасный это путь для бюрократа...

Бюрократы — те нутром чувствуют, что действительно для них опасно, а что так себе — кампания. Убедительным, но, по моему, едва ли не единственным примером противостояния им служит опыт В. П. Серикова, опередившего свое время. Точнее сказать, это мы отстали, спасибо теоретикам. Не рубли лишние, а реальную, подлинно демократическую власть вручил он бригаде. Результаты известны (как, впрочем, и судьба этого начинания).

Ю. ПАВЛОВ,
г. Измаил

☒ ТРЕБУЕТСЯ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ

Прочитал в № 3 журнала «Смена» статью «Тупики бюрократизма». Автор статьи прав, что бюрократами не рождаются, а ими становятся. А раз ими становятся, значит, есть почва для этого. Бюрократы давно смекнули, что за свою работу им бояться нечего. Что ждет бюрократа за его волокиту, бездельность? Да ничего. Выговор по партийной линии, ну в крайнем случае перевод на другую работу.

А почему бы этого самого бюрократа за бестолковость в работе, за бюрократизм не отправить, скажем, туда, откуда он пришел? Вот эти самые бюрократы и плодятся как грибы после дождя. А когда этот бюрократ займет солидные связи, основательно закрепится в своем кресле, тогда начинают ломать головы, в какое кресло его пересадить, да еще с повышением.

Когда же пройдет эра либерального отношения к тем руководящим работникам, которые занимают солидные посты, совершая порой преступления, становясь очковитателями и бюрократами, а отделяются выговорами по партийной линии да перемены кресел?

Ю. СТРЕЛЬНИКОВ,
г. Красный Сулин

☒ ДАВАЙТЕ СПЛОТМСЯ!

В. Толстых пишет: «Для того, чтобы справиться с бюрократизмом, с бюрократами, не надо ничего особого, нового придумывать». Очень верная мысль. Лекарство от бюрократизма хорошо известно — таким лекарством является демократизация всех сфер нашей жизни, будь то управление, производство или культура. Больше демократии — это значит меньше бюрократии, меньше формализма, меньше администрирования. Бюрократ чувствует себя в своей стихии, когда гласность урезана и массы получают информацию строго дозированной порциями. В таких условиях бюрократ действительно информирован лучше большинства из нас, и возникает впечатление, что только он может принимать ответственные решения и блюсти высшие государственные интересы. А нам остается лишь пожимать плечами и повторять, что начальству, мол, всегда виднее.

Однако чем шире идет процесс демократизации, тем иллюзорнее оказывается всевластие бюрократа. И обнаруживается, что решение масштабных государственных задач отнюдь не исключительный удел «вышестоящих лиц». Недавний пример тому — отмена проекта поворота северных рек на юг, когда сила общественного мнения одержала верх над ведомственными (иначе говоря, бюрократическими) интересами. А ведь во множестве случаев голос общественности должен быть решающим! Скажем, удобно нам или нет, если многие универмаги начинают работать в 10 часов утра, а заканчивают в 7 вечера? Конечно, неудобно, но кто-то решил за нас, что это самое подходящее время для торговли. Мы привыкли, что наши проблемы решает кто-то «наверху». Надо ли доказывать, что бюрократ очень устраивает такая наша привычка?

Бюрократу вообще на руку наше неумение быть гражданами, наша общественная пассивность, неразвитость

наших социальных чувств. Когда мы только отсиживаем время на собраниях, формально голосуем за заранее подготовленную резолюцию — мы подыгрываем бюрократу. Когда наше возмущение закрытыми в вечерние часы магазинами не идет дальше круга знакомых и родных — мы гарантируем бюрократу спокойную жизнь. Обращаясь в инстанцию по любому поводу за «справочкой», мы поддерживаем иллюзию, что без бюрократа нельзя обойтись. Давайте, однако, привыкать к мысли, что мы сами многое можем! К примеру, выбрать директора предприятия. Или выбрать проект мемориала, который будет воздвигнут в Москве в честь Победы. Прошло время, когда все вопросы вершились за стенами служебных кабинетов. Но наивно думать, что бюрократ добровольно расстанется со своим монопольным положением, уже сейчас он старается всеми способами продемонстрировать свою незаменимость и значимость. Создан Агропром, управление сельским хозяйством изменилось, а количество отчетной документации чуть ли не возросло. Кому нужны новые бумаги взамен старых? Ответ ясен: бюрократу. Это его стиль — подменить суть дела бумаготворчеством. При этом — хотя он в явном меньшинстве — бюрократ нередко навязывает свой стиль большинству. Мало быть просто большинством. Надо быть **сплоченным** большинством, бюрократической круговой поруке должна быть противопоставлена солидарность всех здоровых сил общества. **Реально** противостоять бюрократизму может только **реальная** демократия, воплощенная в делах, а не в пожеланиях и благих намерениях.

Ирина КАРПОВА,
Москва

☒ ПОКА МЫ ПАССИВНЫ...

В чем сила, живучесть бюрократизма и бюрократов? Не столько в том, что они зачастую облечены, по существу, неограниченной властью, сколько в том, что подавляющее большинство людей, над которыми тяготеет эта власть, социально пассивны и не желают принимать участия в управлении государством, да еще на общественных началах, боясь брать на себя бремя ответственности за состояние дел в государстве.

Это так называемые обыватели, имя которым легион и которые довольно резонно рассуждают примерно следующим образом: «Мы люди маленькие, и не наше дело вступать в дела государственные. Есть начальство, пусть оно и ломает голову над этими делами. У нас и своих забот полон рот». И действительно: активное участие в управлении государством — дело нелегкое, беспокоейное, ответственное и далеко не всякому по плечу. К тому же властолюбивые чинуши не жалуют активистов, не хотят делиться властью с ними и делают все, чтобы не допускать их к участию в государственных делах. Причем нередко травят и шельмуют активных и принципиальных общественников, особенно критически мыслящих. Вывод ясен: социальная пассивность большинства наших людей на руку бюрократам, и они всеми способами поощряют и поддерживают ее. Успешно борясь с этой социальной пассивностью гораздо труднее, чем с бюрократизмом. Зачастую «успех» подобной борьбы попросту равен нулю. Это хорошо знают и понимают бюрократы.

И пока существует социальная пассивность рядовых мыслящих людей, они, то есть бюрократы, могут, как говорится, спать спокойно. Им фактически ничто не угрожает. В крайнем случае они отдают легким испугом и... пересядут из одного руководящего кресла в другое. К тому же каждый чинуша, как правило, находится под покровительством вышестоящего бюрократа.

М. П. БАБКИН,
г. Кропоткин, Краснодарский край 7

Георги ЧАТАЛБАШЕВ

как тихо в пЮРАХ

Рассказ

На легоньком, юрком и сноровистом автомобиле мы поднимались в горы, и долго серая лента асфальта извивалась вместе с речкой и по речке, чем выше в горы, тем шумнее, яростнее и стремительнее становилась речка. Лишь под частыми каменными и деревянными мостиками притихал шум речки, словно бы почитательность перед древностью этих сооружений охватывала буйную воду.

К речке прижималась не только дорога, но и всякая жизнь: дачи, селения, санатории, кемпинги, лесничества и кордоны. Рассеченные быстрой водой на две половины селения с каменными стенами, узкими улочками и прихотливо изгибающимися переулками в отличие от речки чем выше горы, тем смиреннее и суровее делались.

Да и сама природа заметно менялась. Внизу, в подгорье, уж краснела в темно-зеленых, ломких кронах черешня, ребятишки артельно пригибали ветви к земле, лакомились первыми плодами. В горах, ближе к перевалам, из ущелий повеяло холодом, вот и снегом дохнуло. К дороге подступили и над каменными отвесами и осыпями выстроились сосняки, ельники, по частым ущельям, ближе к воде, жалась ива, черемушник, вербач, и ник к воде черными ветвями смородинник. Вдруг накатывала рощица пестрых берез, и серозеленые стволы осинников, толпясь, взбирались по косогорам.

Снег, рыхлый, размытый, теснило, отжимало синими волнами ярких и сочных цикламенов в глубь лесов, в распадки, в лога; омытый до блеска брусничник выпрастывался из белой кашицы, обсыхал среди круглых листьев грушанки, бледный и голый черничник, словно не веря своему воскресению, топорищился под солнцем, жался к гуще теплых лесов.

Все здесь, в горах, напоминало Россию, Урал, Сибирь. И я сказал об этом Георги Чаталбашеву, который вроде без затруднения, как бы играючи, ловко вертел руль веселого автомобильчика — он вез нас с женой в Родопы, на свою родину.

«Да, да,— покивал головой Георги.— Я думал так же. По книжкам похоже на твоего Сибиря...»

Ехали долго и все выше, выше. И доехали до того, что увидели людей с лыжами, в разноцветных костюмах, в пестрых шапочках — они мчались по крутым склонам, лихо бросая себя из стороны в сторону. И сразу появились подле дороги и в лесу битое стекло, пустые банки, надписи на камнях и каменных отвесах, и я понял: на этой лыжной базе вывают мои соотечественники, разучившиеся почитать свою землю и дико воляничать в гостях у скромных соседей — болгар.

Мы перевалили одну хребтовину, вторую, третью и к вечеру приехали в город Смоляна, где был родной дом Георги, в котором жили его мать и брат. Брат работал вторым секретарем горкома и назавтра показывал нам свой город — дивное творение человеческих рук. Почти не потревожив старый город, ничего приметного и примечательного в нем не разрушив, к стати, и речку не загрязнив, в горах, порой на недоступных кручах, люди возвели новый, социалистический город. Пять лет жители округа и города не знали выходов, всем народом воздвигали город по новым проектам и новой архитектуре, сохраняя в них национальную статью, удобства, красоту, и на деле доказали, что современное градостроительство не только не уступает творениям прошлого, но и разумно дополняет их. Несмотря на не очень удобное расположение, Смоляна имеет прекрасные дороги, подъезды к домам и учреждениям, в нем много зелени, цветов, и как диво смотрятся среди серых расщелин и скал искусственно созданные поляны и ландшафты с тихой и ровной зеленой травой.

Хороший современный город. И люди в нем живут хорошие, трудовые, честные. Увидев, что мы забеспокоились насчет барахлишка, оставленного в машине, и насчет самой машины, стоящей в переулке, Георги сказал, что ничего не пропадет. Если соседи что и возьмут, то положат обратно. Тут я обратил внимание, что на оградах и в домах Смоляна нет замков. Никаких. Нигде. Замочная промышленность в Болгарии в отличие от нашей терпит сплошные убытки, да и вся заборная система слабо развита: во всем доме Георги один крючок из тонкой проволоки, чтобы входную дверь не распахнуло ветром. То ли дело у нас! Посмотришь на обыкновенный гаражишко, в стальную дверь которого вставлены три-четыре хитроумных замка, имеющих ключи длиной в руку. — и сразу понятно, чего мы достигли в области техники и морали.

Вечером мы были в горах гостями в форельном хозяйстве. Страна, у которой главная река величнейшей с Клязьмой, хорошо снабжается рыбой. На многочисленных горных речках имеется масса прудов, рыбных хозяйств, где хорошо разводится и ловится рыба, завезенная не только из Японии, но с Севана и с других водоемов и рек нашей страны, граждане которой уже приучены думать, что, кроме мойвы, у нас ничего и никогда не водилось.

В Болгарии полно вина, и потому болгары пьют спиртного мало, а пьют много, и очень хорошо пьют. Особенно в Родопях. Что-то извечно-печальное есть в громком, вольном пении горцев. Протяжно, порой одностонно и горланно зовет горец кого-то и дозваться не может. Волю зовет. Братьев зовет. Пятьсот лет под оттоманской империей наложили свой отпечаток на обычай, на обиход, на слово, на танцы и песни болгар.

Ах, как прекрасно пели братья Чаталбашевы в деревянном горном ресторанчике! И главное, все понятное, до слез трогающее. И тогда я понял, что слово «братья» по отношению к нашим народам — не просто плакатное обозначение, но кровно нас связующее, историческое родство, доказанное на крутых и гибельных вершинах Шипки в прошлом столетии и закрепленное в битвах прошедшей Отечественной войны.

Не помню уж, в ту ли поездку, может, и позднее, Георги подарил мне две тоненькие скромные книжки. Работает он в софийском еженедельнике «Анти», который тесно связан с современной нашей литературой, и нет, наверное, ни одного стоящего советского писателя, которого бы это издание «не осветило».

Георги Чаталбашев пишет не только очерки, интервью, статьи, но пробует себя и в рассказе. Както он рассказал притчу, которая очень мне понравилась, и я попросил его сделать подстрочник, но, сославшись на плохое знание русского языка, молодой литератор уклонился от моего предложения.

В следующий приезд в Болгарию я стал настаивать. Георги напечатал на машинке несколько страничек и с извинениями оставил их у меня. Странички болгарского друга долго лежали на моем столе. Как подступиться к ним, как переводить, не зная языка? Но я помнил устный рассказ, интонация сохранилась, и помнил поездку в Родопы, песни болгар, и решил переложить на бумагу не просто рассказ-притчу, но попробовал вспомнить то, что видел и слышал в братской стране. Мне хотелось передать мое искреннее почтение к трудовому, спокойному народу и при этом не заслонить молодого писателя, сохранить всю сыновнюю любовь его к родной земле, к людям, среди которых он вырос и о которых так сердечно поет.

Виктор АСТАФЬЕВ

З а деревней, в овраге, где тенисто в кустах и солнечно на выгоревших осыпях, свернувшись клубком, лежала змея.

Деревня располагалась по оподолью гор, почти на равнине, возле маленькой речушки, впадавшей в бурную реку Арду, которая, вырвавшись из теснины гор, усмиралась, текла широко, разделялась на мелкие протоки, рукава и рукавчики, питая водой поля, виноградники, плантации.

По ту и другую сторону оврага все еще темнели гладкими, темными стволами тихие, недорубленные леса бука, по-за ними, выше и круче, золотились медовой корой тесные, друг к дружке жмулися сосны.

Там, в овраге, деревенские жители собирали малину, в лесистых горах — бруснику, кое-кто приспособился добывать сосновую живицу, подрезая кору дерев до белой древесной плоти, и надрезы эти напоминали древние, языческие знаки. Самые большие, редкие в ровном сосняке деревья, отдавая живицу, теряли силу, болели, медленно умирали, и ветви их становились похожими на серые, ломкие кости.

Эту деревню не минуло современное бедствие, называемое во всем мире мудреным и непонятным крестьянскому люду словом — урбанизация. Многие жители снялись с родных гнезд, улетели в город. Оставшие семьи добывали себе пропитание разными способами и ждали решения сверху — каким велют быть хозяйству, лесным или ДЗС, то есть государственным земледельческим хозяйством.

Пока что деревню то передавали в лесное ведомство, то в земледельческое, и в результате этих преобразований пылились истощенные нивы, лопухами зарастали табачные плантации, дичали изгрызенные бродячим скотом и изрытые курами бедные подгорные сады. Овраг, лес, река, приусадебные огороды мало-мало кормили жителей деревни, но крестьяне становились ленивыми и равнодушными ко всему вокруг, и к себе тоже, много спали и жаловались друг другу на болезни.

Овраг, где лежала змея, освежался лениво текущим родником. К нему жалась водолюбивая растительность, густо и пышно зеленели папоротники, с весны и до осени цвели здесь зонтичные, и белые шары их, катаясь по дну оврага, сорили густым семенем на влажную землю и в беззвучно сочащуюся воду родника.

К полудню сквозь плотные заросли кустов и завесы бурьянных трав и цветов сюда пробивалось солнце, и тогда это глухое овражное царство оживляло пестротой светлых пятен, овраг парил, источая дурманящий чад папоротников, горьковатый запах диких цветов, тонкую, жгуче-ледяную струю родника наполняя до краев расплавленным золотом солнца. Лесные зверьки и горные птицы, спустившиеся отведать бодрящей влаги из родника, замирали над водой, видя в ней свое отражение, словно бы зачарованные и ослепленные красотой земли и дивным творением природы.

Змея не лезла на свет — еще попадешь под копыта диких козлов. Она лениво отползала в корни деревьев или в папоротники и там охотилась в свое удовольствие: ловила липким раздвоенным языком мух, комаров, тлю и поденок. Когда кожа ее остывала, она снова выползала из потаенных убежищ, снова свертывалась калачиком на припекле и лежала блаженствуя, наливаясь ядом, время от времени сонно передвигаясь по солнцу, следуя за его теплом.

Перед заходом солнца змея оживлялась ненадолго и, словно пытаясь наверстать упущенное время, потраченное на негу и спячку, металась по кустам и папоротникам, по своему овражному царству, шипя со свистом, била, кусала и проглатывала все, что попадалось на пути. В этот предзакатный час, в минуты сумерек дно оврага, травы и кусты шевелились, шипели, наполнялись предсмертным писком мышей, жужжанием мух и пчел, паническим стрекотом птенцов.

Потом наступало успокоение. Насытившись, змея пряталась на всю ночь в теплые с вечера камни и так вот жила изо дня в день, из года в год своей собственной жизнью, единственной и великолепной, в которой были главными два, природой данных и осознваемых ею инстинкта — движения и самосохранения. Все остальное происходило вокруг нее и с нею помимо ее воли и сознания, даже превращение пищи, соков, трав и воды в яд происходило без ее усилий. Да она и не знала о силе этого яда, не ведала, что происходит с теми, кого она кусала. Лишь периоды брачного беспокорства, ощущение голода и приближения зимы как-то изменяли ее ленивое, пресмыкающееся существование, заставляли двигаться и действовать.

И еще преграды. Живые преграды. Они пугали и ожесточали ее. Но по оврагу редко ходили жители деревни, чуть заметную тропинку, пророщенную лесником, она избегала, боясь попасть под кожаные башмаки человека. Но он был ловким человеком, опытным ходоком, знал, куда и как наступить ногами и как защититься от змеи.

К осени с холодными ветрами приходила в овраг тревога. Сыпались листья и семена, ломались засохшие стебли и дудки цветов; убитые инеями, кисельно чернели ветви папоротников, пеструю гадюку засыпало пестрой опадью, и, едва шевелясь, она сползала в заглушь, чтоб не оцепенеть разом от холода и постепенно освободиться от яда. Таков был для нее железный закон природы. Всосавшись изнутри, яд закипит в ее теле и разрушит его, гибкое, тревожное, устрашающее. Нemoшь, старческая немощ порою овладевала змеей. Она не в силах была выползти из-под холодного, липкого листа и телом слышала, как по листу и по ней бегают шустрые, ненасытные мыши, и усни она здесь, не спрячась в расщелину земли или камня, эти презренные твари, которых она съела тысячи за свою жизнь, источат ее острыми резцами, превратят в порошок, зубы ее, грозные, зацепистые зубы растопчут копытами горные козлы, спускающиеся на водопой, смешают с галькой и крупным горным песком. От мышей она еще может отбиться, броски ее все еще пружинисты и грозны, от когтей птицы, что кружит и кружит над оврагом, высматривая добычу, ее укрывает пестрый лист и прячет пестрое тело. Но если по оврагу пойдет и наступит на нее лесник?

Напор яда осенью был так непреодолим, такой злобой наполнял ее маленькую голову, что она преодолела опасения, не страшилась быть затоптанной копытами, по тропе двигалась вниз, заползала в овчарню и с мстительной сладостью всаживала зубы в мягкую овечью шерсть.

Совершив убийство, освободившись от губельного яда, она втекала в пыльную трещину овчарни и успокоенно замирала там до весны, чтобы с приходом тепла проснуться, ожить, обновиться кожей и, оставив лохмотья старой кожи в щели, сверкая на солнце молодым, гибким, жажущим обновления и размножения телом, ринуться в горы, к замшелому рыжему камню, где в упоенном свисте дергают поплавками голов, пружинисто подкидываются, свиваются в живые свадебные клубки очнувшиеся от спячки гадюки, справляя свой таинственный, уединенный и яростный брачный обряд.

Она опоздала или снег в эту осень выпал рано, выпал и сошел, но ей не доползти до овчарни — слишком короток осенний день и мало солнца, чтобы наполнить силой ее тело. Чем меньше в нем было силы, тем более кипели смертельный яд и злоба на все сильное и живое.

Она вскинулась, заслышав шаги человека, и выползла на тропинку, протоптанную лесником. Раз ей не доползти до овчарни, она нападет на человека. Ей необходимо освободиться от яда. А освободиться она может только укусом. Вонзив зубы во что-то живое, мягкое, она почувствует, как по желобкам зубов сползут, скатятся в чью-то плоть и горячую кровь ее смертоносные капельки, и, получив освобождение от яда, удовлетворенная и успокоенная, она вяло заползет в заглушь камней, втянет себя в беззвучие тесной щели и оцепенеет там в каменном сне.

Он мог заметить ее издали и пристрелить из карабина, но она хорошо замаскировала себя в тенистом кусте меж расколотых камней. Быть может, она помнила его запах и различала звук уже привычных шагов. Но она почувствовала его совсем близко и скоро увидела над кустами голову и грудь человека. На груди его висел карабин.

Лесник заметил змею раньше, чем она успела сделать бросок. Гадюка смотрела в его глаза неподвижными, цепенящими каплями глаз. Она была царственно недвижна и повелительна, только нервно, как бы

устрашающее и одновременно предупреждающее шипение доносилось до него: казалось, тонкая струйка родника, текущего рядом, попадала на раскаленное железо, и нельзя было сделать шагу, чтобы не наступить на горячее.

«Назад! — мелькнула мысль у лесника, и тут же он молча усмехнулся. — Да что это со мной? Разве я мало видел гадюк за свою жизнь...»

Змея медленно и сонно начала развивать свои пестрые кольца. Нет, они сами собой развивались, удлинняя и распрямляя тело змеи, в то время как узкая голова ее, оставаясь на весу, была недвижна и взгляд

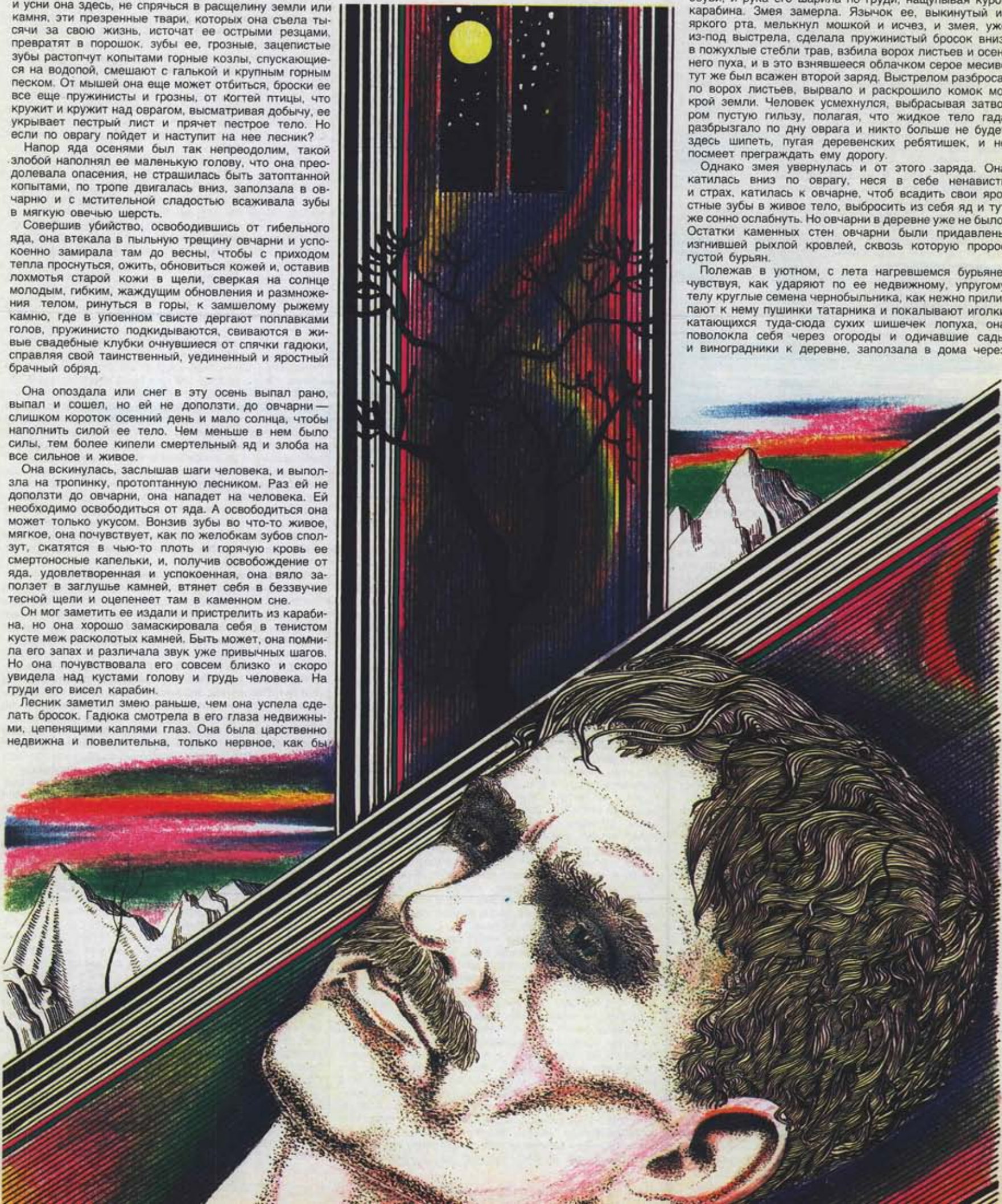
недвижен. На мгновение человеку показалось, что он увидел свое обреченное, уменьшенное отражение в этих цепеняще-запредельных, страха и сострадания не знающих глазах.

Несколько долгих, быть может, самых долгих в их жизни секунд они смотрели друг на друга. Нет, человек не упал от парализующего страха, не ринулся от нее вниз по оврагу с паническим визгом, как это случалось с деревенскими босоногими ребятишками, приходившими к роднику поиграть и полакомиться ягодами смородины.

Человек на тропе стоял твердо, в твердой кожаной обуви, и рука его шарилась по груди, нащупывая курок карабина. Змея замерла. Язычок ее, выкинутый из яркого рта, мелькнул мошкой и исчез, и змея, уже из-под выстрела, сделала пружинистый бросок вниз, в пожухлые стебли трав, взбила ворох листьев и осеннего пуха, и в это взнявшееся облачком серое месиво тут же был всажен второй заряд. Выстрелом разбросало ворох листьев, вырвало и раскрошило комок мокрой земли. Человек усмехнулся, выбрасывая затвором пустую гильзу, полагая, что жидкое тело гады разбрызгалось по дну оврага и никто больше не будет здесь шипеть, пугая деревенских ребятишек, и не посмеет преграждать ему дорогу.

Однако змея увернулась и от этого заряда. Она катилась вниз по оврагу, неся в себе ненависть и страх, катилась к овчарне, чтоб всадить свои яростные зубы в живое тело, выбросить из себя яд и тут же сонно ослабнуть. Но овчарни в деревне уже не было. Остатки каменных стен овчарни были придавлены изгнившей рыхлой кровлей, сквозь которую пророс густой бурьян.

Полежав в уютном, с лета нагретом бурьяне, чувствуя, как ударяют по ее неподвижному, упругому телу круглые семена чернобыльника, как нежно прилипают к нему пушинки татарника и покалывают иголки катающихся туда-сюда сухих шишечек лопуха, она поволокла себя через огороды и одичавшие сады и виноградники к деревне, заползала в дома через

разбитые окна, через сорванные двери и, оставляя извилистый след в толстом слое льда, покидала их. Все дома на окраине деревни были пусты. Лишь в одном из них, увидев гада, закричала одичавшая кошка, грязной лохматой шапкой она выбросилась из пустующего очага в заросший двор и скрылась в зарослях.

Отдаленный звук выстрелов докатился до деревни, но никто не обратил на него внимания, кроме бывшего начальника почты. Несколько лет он лежал в подушках с большим позвончиком в пристройке почты и внимал всякому звуку, движению и слову. Подушки, мягкие и огромные, были приданы ему жены, молодой, моложе его на пятнадцать лет, деревенской женщины, трудолюбивой и говорливой. Это она уговорила построить свое жилье, свой дом. И он согласился с тем условием, что дом будет сделан как пристройка к почте — близко к службе и легче строить.

Они строили свое жилье долго и упорно. Уже передавали их деревню дважды из одного ведомства в другое, уже ушла из деревни в город одна семья. Односельчане предлагали им занять пустующие дома, но они все строили свой дом, вили свое гнездо в надежде, что люди вернуться в покинутую деревню, снова станут работать на земле, вырубят старые, одичавшие деревья в садах и насадят молодые, новые сады, в которых будут играть и веселиться дети, назначать свидания парни и девушки...

Он накатывал камень ко двору, бурый, древний камень, чтоб ограда из каменного же плитняка имела крепкое основание. Он катил этот камень с гор один, катил долго и упорно и верил, что прочная основа его ограды, его хозяйства будет прочной основой не только его подворья, но и всего деревенского уклада жизни, всего крестьянского хозяйства.

Он не докатил камень. Что-то хрустнуло в его спине, и тихая, сонная истома сморилась его. Он обнял камень, приник к нему лицом. Жена едва оторвала его от камня и на загорбке отнесла в дом, в новый, еще не побеленный и не оглашенный криком новорожденного ребенка дом.

Вместо ребенка стал он, хозяин недостроенного дома. И почта закрылась — некого сделалось обслуживать почте, деревня все пустела и пустела.

И все чаще и чаще пустела половина кровати рядом с ним. Жена работала за двоих, изнуря себя трудом и хлопотами до того, что, упав на кровать, тут же крепко засыпала. Но она была молода, свежа телом и, проспавшись ночью, вздыхала, плакала тихо и скрытно. Иной раз, не выдержав искушения, опрокидывала его размягченное тело на себя, и неистовая женская плоть пробуждала в нем желание, одаривала его мучительными минутами наслаждения.

Его лечили знахари, лекари, спускаясь с родопских вершин с горными кореньями и настоями трав; его лечили монахи молитвой; наговором и каким-то редким и дорогим арабским порошком, который, впрочем, и видом, и вкусом напоминал размолотые козы катышки. Он все покорно пил, глотал, исполнял и всех покорно слушал. Он даже «вежливых» специалистов, — из самого Пловдива и Софии приезжавших, не оборвал, когда они говорили, что, если защемлены волоски нервов, они освободятся сами собой, но если тяжестью раздавлены хрящи в соединении таза и позвоночника, тогда нужна операция, только операция, впрочем, и операция не гарантирует...

Надо терпеть, наблюдать, ждать; время — лучший лекарь.

Да, да, время. Ах, какая это мучительная штука — время, если остаешься с ним наедине на целый день, на месяцы и годы! Бесконечное время, бесконечные ожидания чего-то и надежды на выздоровление, все слабеющие и гаснущие, как эта тихая осень, как этот неторопливый, блеклый день...

Он попросил, чтобы на стену против его кровати повесили большое зеркало, и смотрел в него целыми днями, наблюдал движение жизни за окном и за порогом своего дома. Зеркало сделалось для него светлым колодецем, из которого он пил живительную влагу бытия и открывал такие подробности жизни, какие, будучи здоровым, никогда бы не заметил.

Окно, возле которого он лежал на кровати, отражаясь в зеркале, оповещало его обо всех новостях и событиях, происходивших во дворе, до самого угла почты. Подле окна росло старое ореховое дерево, вдоль стены, где летят с крыши дождевая вода и сыплется частая весенняя капель, тонкими стволами теснились вербы, и под ними на камнях лежала плаха, заменявшая скамью. Ветка орехового дерева упиралась в раму, и он не раз хотел попросить жену отпилить эту ветку, но когда распахивались створки окна и ветка эта протягивала к нему дружескую, в несколько пальцев ладонь шершавого листа, он забывал о своей просьбе и в любимую пору сумерек, в тихой ночной темноте слушал бесконечную сказку леса. И что-то занимало в его душе и в голове ответной музыкальной фразой, и он начинал рассказывать жене разные истории. Она ответно рассказывала ему небогатые деревенские новости и однажды сообщила, что приехал техник-землемер, их предгорную деревню снова собираются куда-то передавать, говорят, что снова надо будет пахать поля, восстанавли-

вать сады, табачные плантации, и сулятся вновь открыть почтовое отделение.

В зеркале он видел в подробностях не только предметы и растения за окном, он узнавал уже голоса тех, кто двигался, чего-то делал, шевелился, голоса соседей и всех тех, кто садился под окном на скамейку, куда летней и осенней доброй порой выходила с вязкой в руках посумерничать жена.

Вот уже несколько вечеров под окном альтом звенел молодой мужской голос. Ночью в зеркале бродил переменчивый свет луны, и, зацепившись за трещину в стекле, долго светилась в углу зеркала и не угасала далекая звезда, цветком проросшая из самой высокой горы в Родобах. В родных просторах Родобах. Из огромной просторной тишины гор доносило до него шум потоков, лесов, но с каждым днем шум этот угасал, угасал, пространство сужалось вокруг него, и только шуршание опадающей листвы за окном, только слабое поскрипывание голых верб о стену да невнятные шорохи из-под пола слышались всю ночь.

Он напрягал слух, глаза свои, чтобы еще и еще открыть, увидеть что-нибудь в колодце зеркала, услышать далекое движение рек и речек в горах, слитное и всесветное половецкое лесов, уносящихся вершинами в небо и роняющих лист под небом. Но тихо было в горах, тихо было в деревне и в доме, утихало и напряженное сердце, лишь звон и шум нарастал в голове от телесной слабости и давления крови. Он не стонал, не плакал, терпел изо всех сил, стискивая зубы, чтоб не потревожить эту тишину и единственное живое существо рядом с ним.

Жена знала его час, равнодушно поднималась, зевая, совала под него горшок. Кровь все еще давила на голову, палила на ней остатки волос, стучала в виски, и он горячо решил, что, пока двигаются руки, надо будет хватануть горшком в зеркало и разбить его. Но в колодце зеркала упорно мерцала и мерцала искорка звезды, ослабевал напор крови, унимался гул в голове, исстрадавшееся тело медленно погружалось в покойное забытьё, в те убаюкивающе-мягкие, закоронные шорохи и шумы, и только виденье гор, упирающихся поседлыми головами и белыми пролысьями в небо, еще долго стояли под веками, слепленными соленым мокром. Невольные слезы, выкатываясь из закрытых глаз, опрокидывали горы и леса вниз вершинами и смывали их на щеку человека, рот которого открывался в беззвучном и бессильном зове. Никто, кроме жены, не слышал его мычания, стонов, не ощущал конвульсий куда-то рвущегося тела, все еще живого и несогласного с неподвижностью.

Иногда он просыпался только к полудню и радовался тому, что обманул время и скоро наступит любимая его пора — сумерки.

Люди возвращались с полей, шли и ехали по гулкой дороге, носили ведрами воду, варили еду, и по всем оставшимся дворам тянуло сладким дымом живодышащего хозяйства, устойчивого, равномерного порядка. Он прикрывал глаза, вдыхая запахи дыма и нехитрого крестьянского варева. Все это знакомо с детства и все так близко сердцу. Кто-то крутил радио, и оно то утихало, то начинало по-кошачьи мяукать, одичало выть или барабанить. Но это не нарушало его душевного покоя и уюта, которые вечерней порой поселялись в его размягченном сердце.

Жена снова вечеровала с вязаньем на скамейке — она будет сидеть там, под окном, допоздна, до темноты, до самой глухой поры, чтобы прийти, ежась от холода сырого вечера, выстудившего тело до самых костей, чтобы ткнуться в постылое ложе и сразу же забыться тяжелым сном.

И снова под окном на скамье альтом заливался техник-землемер, и в голосе его было, или показалось больному, беспокойное нетерпение. Техник и жена начальника почты учились в одной школе, они — одноклассники и когда-то гуляли вместе, танцевали и пели на сельской площади, бродили за овчарню, в садах слушали соловьев, рвали кроваво-алую черешню. Но уехал парень учиться в Пловдив и прислал оттуда своей подруге всего одно письмо. Видно, закружила парня городская жизнь и другие подруги заняли ее место в его сердце. Дело привычное, дело обычное. Много их, молодых людей, ушло-уехало куда-то за лучшей долей, девушке, разославшей почту по деревне, не досталось жениха, и она вышла замуж за своего начальника, старого холостяка.

Он внимал законному миру, слушал деревенский вечер, впитывал в себя все звуки и запахи той жизни, которую знал. Другого мира, другой жизни у него не было, и он любил эту, единственную, и пытался, изо всех сил пытался вникнуть себе, что дела ему нет до того, что болтают бывшие одноклассники — его жена и техник, не хватало ему еще этой заботы!..

Тихий шорох отвлек его внимание. Он открыл глаза и увидел привычный законный мир в глубине всегда светлого, но сморщенного с углов и от рамы старинного зеркала, — ветка ореха за окном, уже голая, без разлапистых листьев, сморщенный, как бы побитый моляю вербач, угол почты за ним с выкрошившимся, зеленым от старости кирпичом, упрямо-рыжая черепица, узору выложенная над углом деревянными рукоятками-мастерами, совсем близко, на окне, под рукой цветок в новом керамическом горшке приподдало и оттого торопливо, во весь красный зев цветущий, зана-

вески над цветком, голый простенок, к которому прикреплена керамическая тарелка в белых узорах, змейкой выходящая по ободку и дну тарелки, купленная вместе с горшком у гончара-цыгана, далее...

Далее он увидел не привычные, до мелочей известные предметы, а выползающую из-под очага змею. Она двигалась медленно, должно быть, остыла на осеннем холоде и мокрой земле или убила мышь в пустующем здании почты, и теперь едва волокла сытое, сонное тело из-под очага, который одной стеной выходил в помещение почты — он не успел заделать плитусами пол вокруг печи, и из пустой почты зимой и летом тянуло в щели холодом и гнилью.

Змея двигалась на него неторопливо, парализуя нацеленным взглядом остатки его воли. Возле кровати она приостановилась, попробовала взять себя по железной ножке, но то ли обожглась о холодное железо, то ли поняла, что ей не достать оттуда жертву, и пустилась в деловитый поиск. Она была старая и мудрая змея, много уже зла сделавшая мудростью своей. Но человек был мудрее змеи, и когда она, шевельнув звякнувший горшок, взялась по нему до кровати и уцепилась головой за железную рамку, он схватил горшок с окна и смял, растер голову змеи на твердом угольнике кровати.

На этот порыв, на этот всплеск тела для защиты своей ушли остатки его сил, но сознание того, что он еще способен защитить себя, постоять за это недвижимое тело, голова его все еще не утратила ясности, непоколебимости, он не подвержен парализующему страху, в нем есть еще остатки человеческого достоинства и мужества, сознание это укрепило его дух, вселяло в него уверенность, совсем было утраченную.

Гадина в судорогах каталась по полу, гоняла звенящий горшок, вязалась в узлы и, закатываясь под кровать, тугими кольцами неистово билась в пружины, шлепала хвостом об пол, но с каждой секундой все тише и тише становилось тело змеи, пока не унялось совсем. Еще сотрясали тело змеи судороги, еще извивалось оно и переворачивалось на полу, но завязаться, свиться в узлы сил его и упругости уже не хватало. Нарядная, причудливо-узороватая, стремительная со спины, змея с исподу, с брюха была отвратительна. Ее кожа, напоминающая ромбическую, пупырчатую изоляцию телефонного провода, на брюхе была вроде бы в грязных белилах. Словно кто-то пробовал кисть из старой банки с засохшей краской и мазнул по брюху гады. Желтое масло или олифа, не успевшие растворить краску и раствориться в краске, жидко дрожало по краям серой полосы, стекая к узкому, все еще шевелящемуся хвосту. Из ромбических складок сыпались на сбитый половочок мелкие крошки камня, земли, песка. Он понял, что змея долго ползла из оврага, может быть, и с гор, по желтым бурьянам, по одичалым садам и виноградникам, заползала в пустые дома и дворы, чтобы найти жертву и освободиться от губительного яда...

Освободилась! От всего освободилась! Разом!

Он перевел взгляд на зеркало — все еще высоко было небо с угасающей зарей над горами, все еще дрожал нагретый со дня воздух над деревней, низко носились молчаливые перед сном птицы, и где-то в заросших виноградниках, за одичавшими садами капризно кричал блудливый и бодливый козленок, блеющий голос его походил на плач и зов покинутого ребенка.

Все было, как всегда, и только не слышалось под окном голосов. Под вербами, изнемогшими, обессилевшими в вечной тяжелой сырости, насыпавшими на скамью плесневелых листьев, лежало забытое вязанье, похожее на чулок или на шарф. В пестрый шерстяной клубок была решительно воткнута длинная блестящая спица. Ему показалось, она торчала из клубка с каким-то злым и отчаянным вызовом.

Он почувствовал, как кровь прилила к голове, надавила на виски, застучала над бровями. В бессилии дернулся и увидел успокоенное, распластанное на полу и как бы уже игрушечно-тряпичное тело змеи. Запоздалое раскаяние выбило стон из его груди. Зачем он убил гаду? Зачем? Надо было запустить в змею горшком, загнать палкой в щель, под очаг, чтоб она вернулась в пустующее помещение почты и нашла там в темноте, на полу, в старых газетах свившиеся в клубок, слепые от страсти тела и всадила в них полные яда, карающие, пощадь не знающие зубы...

Змея, словно познала миг блаженного спасения, лежала успокоенная, не способная более творить зло и убийство. Он долго глядел на нее, уже без отвращения и злости. В горах взошла и расцвела в зеркале звезда. Перед тем как подняться к ней в горные выси и отойти в другую, неповторимую, до конца никем не познанную жизнь, лова угасающим слухом и зрением последние звуки и краски земного света, он остатком напряжением воли напряг свое человеческое сознание, заставил себя вспомнить о том, что человек приходит в этот мир, чтоб построить дом, родить детей, посадить дерево, убить змею, и еще, и еще что-то сделать доброе на родной земле, для родных людей.

Он не успел достроить дом, не успел насадить сад, не успел родить детей. Он не успел сделать столько добра людям, сколько готово было сделать его сердце. Но он убавил зла на земле, совсем немножко, да, убавил. Он успел убить змею.

Как тихо в горах. Все еще тихо.

Спасём ДОМ Булгакова

Ксения РОЖДЕСТВЕНСКАЯ,
ученица 10-го класса

Однажды весной мы шли фотографировать дом № 302-бис. Пробираясь к нему какими-то переулочками, обсуждали, как будет выглядеть стенгазета, посвященная Булгакову, и сколько для нее нужно фотографий. Эти переулочки за год с лишним мы изучили вдоль и поперек, поэтому не считали нужным глазеть по сторонам. Конечно, улица Остужева в конце марта выглядит неплохо, но куда лучше, например, Патриаршие пруды в середине мая... Да и должные же мы морально подготовиться к очередной встрече с «нехорошим» домом. Лучше бы, конечно, с квартирой, но кто нас туда пустит?

Добрались до квадратной арки. От нее не больше минуты идти до другой — низкой, желтой; на стене — задумчивый вопрос: «Христос был хиппи, Воланд — панк, так кто же мы?» (Безапелляционный ответ не замедлил появиться: «Вы — идиоты!») Мы уже сожалеем, что с нами ничего не случается, Воланд не прилетает, балов не дает, в школе скучно, стены у нее не изрисованы. С такими мыслями и предвкушением «последнего рывка» — «Вот сейчас выйдем на Садовую и...» — мы прошли арку и попали... в густой туман. Горячий и подозрительный. Разумеется, в первую очередь ничего, кроме предположения о нечистой силе, пытающейся помешать нам сфотографировать тот самый подъезд № 6, то есть ее «штаб-квартиру», в наши атеистически воспитанные умы прийти не могло. Когда же мы вступили в довольно теплый ручеек, к этому предположению присоединилась шальная мысль: «Да уж, действительно, квартирка номер пятьдесят! Недаром люди говорят! Ай да квартирка!» Перейдя этот переулок, пророчески названный кем-то Трехпрудным, мы увидели впереди Садовую. Таинственный туман, а проще говоря, пар от горячей воды из прорванной где-то рядом трубы, снова попытался скрыть от нас возжеленную цель. Но мы не поддались. Мы вышли на шумную и повеселенную пыльную улицу, теперь уже молча и настроенно оглядываясь, вошли в арку...

Это не просто дом. Нет, я не имею в виду ни многочисленные надписи и рисунки, ни даже его историю. Хотя какие имена! Кончаловский, Шалапин, Есенин — каких людей помнит этот дом!.. Но я не об этом.

Сейчас стало модным говорить о неформальных объединениях молодежи. Впечатление такое, что журналисты устыдились того, что уделяли «металлистам» и хиппи не так

уж много внимания, и сейчас с утренней силой бросились наверстывать упущенное. В материале «Комсомольской правды» о ребятах, собирающихся в этом доме, словосочетание «неформальные объединения молодежи» было повторено не раз. С таким определением посетителей знаменитого «воландовского подъезда» не могу согласиться. Может быть, у меня несколько наивное представление: объединение — когда всех много, все вместе и у всех одна общая идея. А здесь что? Каждый пришел — посмотрел — ушел. Ну, написал что-нибудь, нарисовал — это уже от таланта зависит. Впрочем, общая идея, видимо, есть. И всех много, даже слишком. А вот насчет вместе... Возможно, собирается там и постоянная компания, не знаю, но вот со многими приходящими «одиночками» знакома.

Когда приходишь сюда в первый раз, этот подъезд потрясает. И притягивает. Так же, как всякие «металлические» атрибуты — цепи, заклепки, прически не как у всех, — в общем, как притягивает все то, что не очень-то «разрешают». А разве разрешал когда-нибудь кто-нибудь разрисовывать стены подъездов? Попробуй только! Пробуют, конечно, но не очень «расходятся»: немножко грубостей, пара названий групп, два-три-четыре — десять признаний в любви «Спартаку», «металлу», Васе, брейку и Билли Айдолу. А здесь? Пишут, кажется, все, что могут, от цитат из «Мастера и Маргариты», «Белой гвардии» и Чаадаева до тех же «хэви метал», «Мы здесь были» и «Все в дзэн». Самых ярких фанатов раньше пытались образумить. Сейчас той надписи уже не видно, а когда-то это было первое, что бросилось мне в глаза. Из-за этого я и полюбила дом, подъезд, эту атмосферу... Привычная надпись «ЦСКА» была аккуратно перечеркнута, а под ней корректное: «Не место здесь». Тогда надписей еще было сравнительно немного...

Во мне борются два противоположных чувства. С одной стороны, когда любовь к великому писателю, к Мастеру приобретает такую несколько уродливую форму, мне обидно за него. И стыдно. За тех, кто пишет что попало в доме Мастера, за тех, кто не понимает, что давно пора сделать из этой «нехорошей» квартиры музей очень хорошего писателя. Но, с другой стороны, я прекрасно понимаю, что, если музей будет, туда мало кто пойдет из нынешних завсегдатаев этого подъезда. Сами посу-

дите, что интереснее: попасть в квартиру, носящую гордый ярлык «квартира писателя», со всякими стульями-шкафами 20-х годов, отделенными от слишком любопытных посетителей веревочками и словами экскурсовода: «Руками не трогать!», — или не только «трогать руками», а практически самим создавать музей: хочешь — нарисовал, не хочешь — закрасил что-нибудь. Свобода! Что вам больше понравится: слушать нудное перечисление: «А вот здесь стоял Максимилиан Андреевич, а вот здесь, уважаемые товарищи, жила известная вам Чума-Аннушка, а в этой вот квартире — Михаил Афанасьевич Булгаков...» — или гвоздем выцарапывать на двери квартиры: «Аннушка! Наша Аннушка с Садовой!» — и, чтобы подкрепить это сообщение фактами, тем же гвоздем нарисовать воинственную старушку в платочке? На экскурсии по музею разве что другу что-нибудь скажешь, да и то шепотом, — экскурсоводы нервные бывают. А здесь — пиши что хочешь. Причем для всех. Ори на всю стену: «Остановите землю, я сойду!» Хотя не ново, да и причем тут Булгаков?..

Мы вышли из подъезда. Внизу какой-то парень с поразительным упорством выцарапывал на стене дома: «Код 7...» Он выводил эту семерку и с каждым взглядом на вереницу точно таких же надписей, тщательно закрасенных или стертых, сильнее налегал на гвоздь. На наш фотоаппарат он покосился, проводил нас хмурым взглядом, а мы, свернув за угол, в радостном расположении духа направлялись к чердаку.

Тут приехавшая большая группа разделилась на две маленьких, причем одна прошла через подворотню дома и двор прямо в шестое парадное, а другая открыла обычно законченную маленькую дверку, ведущую на черный ход, и обе стали подниматься по разным лестницам к квартире № 50.

Мы открыли дверь черного хода и стали подниматься на чердак. Фотографировать не хотелось. С блекло-зеленых стен смотрели рожи и надписи. Кого эти рожи изображали, не знаю, а надписи приводить здесь не хочется... Так что на чердак мы шли напрасно.

Как будто две любви к Булгакову — с парадного и с черного хода. Цитаты, разбавленные глупостями в подтверждение этой любви, — на парадной лестнице, и просто бред, даже не маскирующийся под что-то

имеющее отношение к писателю, — на черной. А может, объединить полулегальный подъезд и совсем нелегальный чердак и устроить вполне легальный музей?

Не успеем. Если вы читали ту же «Комсомолку» или «Собеседник», то знаете, что здание отдают Военно-политической академии. С полной реставрацией. Против этого уже протестовали и в печати, и по телевидению... Но подумайте, ведь правильно делают! Не знаю, правда, кто именно делает, но одобряю. Не то хорошо, что отдают, а то, что Военно-политической академии. Лишь что-нибудь такого типа, серьезное и внушительное, способно будет отразить наступление всех, кто сейчас ходит туда, кто хоть раз нарисовал что-нибудь на стене подъезда и хоть раз побывал на пресловутом чердаке. Нет, серьезно — именно наступление. Пора бы разобраться: может, не надо так грубо, а?

Пусть будет музей! Но не с тусклыми голосами экскурсоводов и экспонатами за стеклом. Музей-то — Булгакова! Квартира — Воланда...

«... Удивительно странный вечер, — думала Маргарита... — Каким образом все это может втиснуться в московскую квартиру? Просто-напросто никак не может.

Как ни мало давала свету королевская лампадка, Маргарита поняла, что она находится в совершенно необъятном зале, да еще с колоннадой, темной и по первому впечатлению бесконечной...»

Пусть и музей будет «удивительно странный», необычный, уникальный. Не подумайте, что предлагаю, чтобы «кто-то имеющий власть» немедленно начал делать музей — подавать идеи, собирать экспонаты и т. д. Я думаю, что мы — все, кто любит Булгакова, — все сделаем сами. Если, конечно, этот «кто-то» разрешит.

А стенгазета у нас не получилась. Фотопленка куда-то пропала. «Нечистая сила» добилась своего. А так хотелось, чтобы осталось какое-нибудь «вещественное доказательство» существования такого дома и такого подъезда.

«— Так, стало быть, этим и кончилось?»

— Этим и кончилось, мой ученик, — отвечает номер сто восемнадцатый, а женщина подходит к Ивану и говорит:

— Конечно, этим. Все кончилось, и все кончается...

Я не хочу «конца квартиры № 50». Не хочу, чтобы этим все и кончилось... А вы?

Дагестан — это восемь основных народностей и сорок языков. Бедная земля и богатство разнообразнейших искусств. Буйные реки и опасные горные дороги. Трагические пейзажи — яростное солнце и глухие провалы теней. Дагестан — это двери, открытые в древнюю историю. Это музей, где история живет с достоинством и сознанием своей вечности. Но легко ли ее живым экспонатам?

Гостил ли ты, читатель, в горах Дагестана? Если, начитавшись Гамзатова, ты заслушался звоном стремян и цокотом копыт, если горские страсти и красота Северного Кавказа представляются тебе по Пушкину, Лермонтову и Толстому, если в воображении твоём возникают горные аулы с картинами древней жизни, нарядные горянки, спускающиеся к источнику, если до слуха твоего доносится речь горцев (в ней клеток орла и шипение змеи), грохот кипящих в ущельях рек, сменяемый тишиной долины, где под ватным одеялом облаков слышны только маленькие трещоточки крыльев стрекоз, и если, намечтавшись, ты ступишь однажды на землю Дагестана, не обессудь, если она окажется камнем!

В селении Балхар все женщины — гончары.

Аул Кахиб оставлен жителями и разрушается.

ДАГЕСТАН

ВРЕМЯ ВЕТРОВ

Ирина
СТИН

Фото автора
и Анатолия
ФИРСОВА

Среди камня рождается человек, камень был его оружием и защитой, камень — его жилище, камень — символ каждой прошедшей жизни.

Камень на камень, камень на камень — так строится дом горца. Камень на камень, камень на камень — и следующий дом оперся на первый и встал выше. Камень на камень, камень на камень — веками складываются от подножия к вершине горные селения. Слышен звон — это обтесывают камень. Зачем? Для жилья, для очага, для дороги или для смерти. И земля здесь — тоже камень. Как не страшно здесь жить, как не страшно? Когда горец видит большой город, где дома, как горы, улицы — ущелья, а грохот, как непроходящий горный обвал, — вах, думает он, что за люди живут здесь, что за люди?

Камень звенит, камень поет в ущельях, камень свистит на вершинах, камень нежно шуршит, стекая вниз осыпями; камень рушится, гигантской глыбой отвалившись от родной скалы, потому что настало его время или земля вздохнула. Камень! Всюду камень...

Дагестан в переводе — страна гор. Это только кажется, что горы крепки и надежны. Лавины, обвалы, оползни, осыпи, снежные заносы, гололедица, ветры, ливни, потопаи и даже землетрясения чередуются с самой мирной погодой — теплом, солнцем,

и прекрасные пейзажи кажутся тогда обителью красоты и покоя. Но в горах можно найти все что угодно, только не покой. Ничто так не обманчиво, как надежность гор...

Как гигантские декорации, медленно разворачивается Дагестан — словно громадная сцена, на которой должны происходить неведомые действия. Но какие? Что за таинственная природа здесь, и почему в ее опасных объятиях живет человек? Что за люди живут в этой стране, что за люди?

Мужчины и женщины, старики и дети.

Мужчина! «Какой он мужчина, если его не боятся?» Тысячи лет знал мужчина свое дело: он — гроза врагов, надежда народа, аула, семьи. Дерзкие, смелые, сильные — вот какие здесь мужчины! Вскочить на коня, драться до смерти или победы, вернуться победителем. Пир победителю, хвала победителю, все — победителю!

А мальчик? Надежда!

А жена, а дочери?

— Женщины!... — махнет рукой горец. Мужчина — полный хозяин дома, глава семьи, а женщина — все остальное.

Она должна: родить детей и... носить воду, обслуживать мужа и... носить воду, обслуживать гостей мужа... и носить воду, растить детей... и носить воду, вести хозяйство — ва-

красные длинношеи кувшины держатся на расшитых помочах, с элегантно небрежностью перекинутых через плечи. Идя за водой, надевают нарядное платье.

«Зачем я родилась девочкой?» — думает девочка. Наступит время, отшумит свадьба, и ей откроется тайна, ради которой стоило родиться девочкой, — она становится матерью. А в Дагестане мать почитают почти как святую. Сколько радости и гордости принесет ей материнство! Уважать, любить мать, подчиняться ей — закон непреложный. Горе тому, кто попробует его нарушить! Не иметь детей считается большим несчастьем и позором. В добровольную бездетность ни один дагестанец не поверит так же, как если бы ему сказали, что человек шулки ради хочет отрезать себе руку.

Но почему, откуда страстная привязанность к этой трагической земле, желание утвердиться на ней, продлить свой род?

Слишком дорого она досталась, эта земля. Вечные войны тысячами спорили с человеком: селения разоряли, сжигали; все выше и круче селились люди — все неприступнее выбирали места для жилья.

Знаменитый аул Кубачи. Золотой аул Кубачи. Сакли его древни и крепки, как пещеры. Стены их толсты и вечны, как сами горы. В каждой сакле — камин, в каждой сакле — музей.

— В каждой сакле?! А сколько их?
— Никто не считал. Сколько домов — столько музеев.

— А что в музеях?

Тут все есть: серебряные, медные, фаянсовые и золотые редкости, бронзовые котлы, серебряные блюда и кувшины, кубки и сосуды для вина, старинное оружие, стремяна, цепи, есть серьги, подвески, пояса, пряжки, браслеты, кольца, есть и древний восточный фаянс.

— Откуда это?

«Кубачи никогда не был без мастеров. Человека не было, кто не знал бы ремесло. В семь-восемь лет уже получал ремесло и начинал работать. Так было всегда!» — сказал мастер Гаджибахмуд. Когда же началось это «всегда»? Давно. Уверяют даже, что до Александра Македонского.

Каждое воскресенье в Дербенте у стен древней крепости разворачивается базар ковров.

рять, сушить, вялить, печь, толочь, топить, стирать, шить, штопать, вязать, убирать... и носить воду, работать в поле, огороде, в саду, в магазине или на почте... и носить воду. Каждый день, иногда до десяти раз за день. Вниз — быстрой походкой — кувшин еще пустой. Вверх — медлить некогда, обычно два кувшина сразу. И так всю жизнь.

Суровая горская жизнь ищет утешения в красоте. Тяжкая обязанность девочек, девушек, женщин носить на себе воду из источника, поднимаясь с тяжелыми сосудами вверх, к дому, стала и обрядом: пре-

От отца к сыну. Эта цепь, не прерываясь, дошла до наших дней. Только теперь дети аула учатся в школе, здесь же изучая кубачинское мастерство. А работать начинают не раньше окончания школы. В старину, когда мастер достигал совершенства и хотелось ему показать свое мастерство дальше аула и даже дальше Дагестана, когда хотелось ему посмотреть самому на искусства других людей,

Николай ТРЯПКИН ОЧИЩЕНИЕ

■ Ты все мнишь себя, братец,
каким-то солдатом,
Под каким-то прицельным огнем,
Что стихи твои — пули,

штыки и гранаты,
И что все это — ночью и днем,
И что все это — в мире,
И что все это — в мире,
совсем не шутейном:
У кого-то пробитая бровь,
И всамделишный клекот

затворов ружейных,
И все раны твои, и вся кровь.
До чего же удобны все искусства эти,
Что идут под стило напрокат!
И сидишь ты
в дурацком своем кабинете,
Ударяешь в дурацкий набат.
Никого не сразил ты

в запечной отваге
Деревянным своим тесаком.
И воюет твой стих

на дурацкой бумаге,
Под дурацким твоим колпаком.

■ Ах, были дни, когда у этих строк
Твердили мне, что я — ни с чем пирог.
А вот теперь все сходится на том,
Что мой пирог — с жемчужным осетром.
И вот теперь — само ложится в стих:
А с чем пирог у недругов моих?
Скажи вот ты, что гнул меня в рожок:
С каким дерьмом пекли тебя, дружок?

■ Не скупы вологодцы на праздники,
Тут и Яшин в чести, и Орлов.
И встречают нас лоси в заказнике
Демонстрацией лучших рогов,

Избоятся с припрыжкой спортсменской
И рогами идут на рога.
А потом уже арию Ленокского
Исполняет нам баба-яга...

Приезжают сюда новгородские,
Приезжают сюда чувашаи.
Не скудеют столы вологодские,
И все тосты — от полной души.

И, наверно, слышать в Драгомилово
Или нашим друзьям в ЦэдээЛ,
Как звенят и гремят во Кириллово,
Как ликует устюжский удел...

Только жалко мне Сашу Романова:
Изведется бедняга вконец,
Чтобы все-то прошло у нас планоно —
И вино, и стихи, и тунец!

Не сгубили бы нас целовальники!
Не зарезал бы местный абрек!
И чтоб радостны были начальники,
И чтоб не было всяких «телег»!

И смиренные лоси в заказнике
Поневоле дрожат за меня...
Хороши вологодские праздники,
И заботлива наша родня.

Лучшие...

На каждой площади, у всех стадионов —
Целые галереи из фотопортретов.
«ЛУЧШИЕ ЛЮДИ НАШЕГО РАЙОНА!» —
Буквы — что залпы из пистолетов.

Буквы исходят в салюте гордом,
Красные буквы с фанерной скрижали:
«ЛУЧШИЕ ЛЮДИ НАШЕГО ГОРОДА!»
Сколько их там? Сочтешь? Едва ли.

Сколько там лиц — смешных и солидных!
Сколько там глаз — лукавых и злющих!..
Грустно смотрю: а меня там не видно.
Значит, увы, я того... не из лучших.

Кто же нас делит на правых и левых?
И кто из нас лучше, кто из нас хуже?..
Ах, ты перевыполнил нормы посева?
Зато я всю жизнь — эти строчки утюжил.

А что, если ты, брат, из тех карабасов,
Что всех воробьев проведут на мякине?
Давно мы не знали рязанского мяса,
А вдруг оно — снова? да в лучшем почине?

И вдруг если ты — да из той переклички,
И всю твою суть прикрывают цветочки,
А сам ты — готовишь дверные отмычки
И рвешь у девиц золотые цепочки?..

Давно я люблю репортерские фото —
Пред Окнами ТАСС просто до рассвета.
И все же... убрать бы все доски почета!
Они раздражают не только поэта.

Притча о судьбе Трофима

Жил да был судья Трофим,
Жил, ничем не славился,
Потихоньку брал калым,
Потихоньку старился.

Совершал свои суды
В подопечной местности
И вкушал свои плоды
В полной неизвестности.

Уплывали, словно дым,
И года, и здравие.
И обиделся Трофим
На свое бесславие.

Положил он на весы
Все свои возможности.
Отрастил сперва усы
В поддержанье должности.

Три недели простоял
Перед бюстом Геняя:
Изничтожу, повторял,
Дух сопровитвления!..

И пошел гулять окрест
По избам-завалинкам,
И сажал он под арест
И больших, и маленьких.

То в «Победе», то верхом
Проезжал по улицам,
Надувался индюком
Перед каждой курицей.

И строчил на всех и все
Протоколы грозные...
И поймали раз его
Пастухи колхозные.

Завели в сырой овраг,
В чащу соловьиною,
Угощали так и сяк
Свежей хворостиною.

И прошла молва над ним
Гулом одобрения.
И попал судья Трофим
К нам в стихотворение.

отправлялся он в Грузию, Персию,
Турцию или Египет.

— А что брал с собой мастер?
— Голову брал! Мало ли что ждет
человека так далеко. Обман, вино,
женщины. Голова нужна!

— Деньги нужны в такой путь.
— Откуда у горца деньги? У него
семья, дети. Руки — его деньги! Руки
нужны.

Садился мастер на коня; голова —
вот она, руки целы и кое-что умеют.
Кинжал на боку. А что еще? Инстру-
мент, который весь умещается на ла-
дони. Легко ехать! Сколько увидит,
услышит, узнает и потом долго будет
рассказывать детям и внукам.
И обязательно привезет из дальних
стран что-нибудь такое — прекрас-
ное. А иначе кто ему поверит, что он
там был? Может, он только хвастает,
а сам просидел на базарной площади
за перевалом?

Привозил — хорошо. Никуда не ез-
дил — свое оставлял. Так и хранят-
ся лучшие работы сыновей, отцов,
дедов и прадедов: гравировка по ме-
таллу, чеканка, чернь, зернь, скань
и даже эмаль — все это дело рук
кубачинских мастеров. У одних в му-
зее персидский фаянс VI века, есть
и бронзовые котлы XI века, есть ка-
мин, которому пятьсот лет, — ученые
прочитали на нем надпись. Только
камин этот не в музее — это обычный
семейный очаг, где женщины, сменя-
ясь поколениями, готовят пищу.

Прекрасны одежды кубачинских
женщин! Все они носят легкие длин-
ные шарфы — белые, расшитые зо-
лотой нитью, яркие платья, пестрые
вязаные джурабы — нарядные но-
ски из овечьей шерсти. Кажется, что

попал в большой театральный ан-
самбль, где все уже нарядилось для
выступления, но пока разберлись по
аулу. И кажется, что в Кубачах всегда
праздник.

Из поколения в поколение назна-
чением и смыслом каждой жизни
было одно — сберечь все, что оста-
вили предки: образ жизни, язык, ве-
ру, обычаи, обряды, предания, пес-
ни, жилища, одежды, ремесла, искус-
ства — все сохранить, все передать
детям, не дать исчезнуть, не дать
раствориться...

Когда жителям аула Куруш, одного
из самых высокогорных поселений
Европы, предложили переселиться в
специально построенный для них
на берегу моря поселок Новый Ку-
руш — преимущества жизни в долине
очевидны, — они отказались.

— Спускаться с гор? Куда?
— Вниз, в долину. Там море, зем-
ля хорошая и шоссе проходит.
— А кто же здесь останется?
— Зачем оставаться?
— А зачем уезжать?
— Ну там же хорошо!
— Если все с гор уедут — в долине
тесно будет.

— Не будет. Берег большой —
всем места хватит!
— Всем?! Тогда горы опустеют...

Хотя, казалось бы, ясно, что жить
в горах труднее, пенсию в долине
назначили 40 рублей, а в горах оста-
валась 12. Потом, правда, сравняли
и даже увеличили пенсии, но это
было потом. Пришлось все-таки спу-
скаться. Что же теперь?

Каждый вечер старики Нового Ку-
руша садятся лицом в сторону гор,
к аулу, которого нельзя увидеть за

перевалами, вершинами, среди обла-
ков. Но они смотрят туда каждый
вечер, пока не стемнеет. Живут. Но
смирятся они со всеми этими красо-
тами и удобствами не раньше треть-
его поколения.

О Дагестан! Тысячелетия жил ты
опасностью. То арабы сюда приходи-
ли, то турки, то Персия, ближайший
сосед, — и все приходили войной!

Припав к кремневой поверхности
совершенно отвесной стены, аул Ка-
хиб стекает с нее, как поток окаме-
невшей лавы, пролившейся бог зна-
ет в какие времена. Защититься от
врага, выбрав место, куда и врагу
попасть не захочется, а если уж и это
не помогало, оставалась храбрость
отчаяния.

Крутые склоны, недоступные ска-
лы, ущелья и дикие реки — вот за-
щита дагестанцев; каждое селение
начиналось и оставалось жить в са-
мых невозможных для жизни усло-
виях.

Каждое селение находило свой
способ защиты, аул Корода — совсем
особенный: он стоит на песчаном
холме, и сабли его висят над отвес-
ными осыпями. Попробуй враг взять
приступом аул Корода — ничего
у него не получится. Сыпучий пьеде-
стал селения — надежная его защи-
та: стены, как вода, потекут под ру-
ками захватчика, а камни сами рух-
нут на голову несчастного. Ловко
придумано! Но зачем теперь, в наше
время, все это? Зачем песок, кото-
рый постоянно течет, грозя уронить
крайние сабли и засыпать дорогу? За-
чем эти камни, готовые рухнуть в лю-
бое мгновение?

В старых аулах стоят еще стороже-

вые башни. На что они теперь? На что
и сама неприступность аулам? Башни
служили когда-то убежищем; в стари-
ну они укрывали людей от кровной
мести, выдерживали осады врага, бе-
регли покой горцев. Здесь, на верх-
ней площадке, наблюдатели, едва за-
метив опасность, мгновенно зажигали
огонь. Заметив его, в другом селении
мгновенно зажигали свой: огонь на
башне — сигнал в горах. Весть об
опасности летела быстрее коня, бы-
стрее слова.

Аул Гоор выбрал себе горделивую
вершину. Снизу, за острыми зубцами
гор, аул не виден — его легко мина-
вать, не заметив, заметив же — нелег-
ко покорить. Теперь аул покинут.
Здесь держатся еще несколько ста-
риков, доживая последние. А жители
помоложе, уступая уговорам, пересе-
лились ниже... на двести метров.
У подножия верхнего Гоора раски-
нулся новый, но как же тяжело доби-
раться и до него!

— Люди моего аула не умеют
жить! — печально говорит сопровод-
жающий нас человек.

— Почему не умеют?
— Если бы умели, разве посели-
лись бы здесь?

— А вы, Гаджи, уехали бы отсюда?
Он молчит и смотрит вдаль. Что
видится ему там, за облаками? По-
кой цветущей долины или зеленый
Каспий? Он молчит, и я понимаю, что
вопрос мой бестактен. Дагестанец
без родного аула — сирота. Вокруг —
поля облаков и острые всходы вер-
шин. Эти плантации — вечные спут-
ники горца...

Здесь все тяжело: тяжелы огром-
ные камни, нависшие или уже рухнув-

Стихи про одну сходку

И стояли они, теребя у шапчонку мерлушку,
Только тем и виновны, что жили покрепче других.
Сема кожи скупал. А мой дядя имел крупорушку,
Жеребца и лавчонку с набором конфеток цветных.

Я запомнил ту зиму. И помню ту самую сходку.
Никого посторонних. Одни лишь свои — мужики.
Закурили махру. Почесали в раздумье бородку.
Председатель деревни погладил седые виски.

И стояли они перед нашим таинственным сбором,
Сняли капли с пролешин и в пол устремили глаза.
Так и вижу обоих: мой дядя Андрей Никанорыч
И Семен Лесников — озорных ребяташек гроза.

Председатель Гаранин погладил седые височки
И еще раз достал из кармана затертый кисет:
«Пригласили мы вас. Ибо время не терпит отсрочки.
И доводим до вас. Ибо лучшего выхода нет».

И мужик засопел. И другие избычились главы.
А мамаша моя где-то там возрыднула разок.
Председатель повел: «Мы желаем вам чести и славы.
В наилучшие дни. А пока что — не милует рок.

А пока что — прошу: не казните нас гневным укором,
А с добром, по добру — убирайтесь из этих краев.
До свиданья, Семен. До свиданья, Андрей Никанорыч.
Забирайте семейства — и мигом, без шума, без слов».

А морозное солнце пылало янтарнейшим светом.
И слепило глаза. Ибо длились январские дни.
И, наверно, — увы, — я в тот миг и родился поэтом,
Ибо тут же сидел — под немеющей дланью родни.

И свой горестный век я с того и не кончу в безверье,
Что хранила меня золотая отцова стреха,
Что в те дни надо мной не летели куриные перья,
Что никто не принял на себя рокового греха.

И в деревне моей не гуляла та злая судьбина,
Никого не коснулась — ни старых, ни малых детей.
И мой дядя дожил до своей, до законной кончины —
В городишке недалёком. Под боком у строгих властей.

Стихи о земных переменах

А тоска все росла. А тоска все острее скоблила.
Подступала тоска и, как шиш, начинала душить.
Только чуял весь дом, как земля из-под стен уходила,
Только печка в ночи все волчихой старалась завить.

И не спали ночей, изготовясь к какому-то бою,
А часы все стучали. И час пробивал, и другой.
А в деревне, сходясь, уже дрались отцы меж собою.
Закипала земля. И текла уже кровь под рукой.

ше с вершин, тяжелы удары воды,
кипящей камнями, тяжелы кувшины
с водой и тяжелы браслеты, тяжелы
корзины с землей, которые нужно та-
щить вверх всякий раз, когда смыва-
ет огород, тяжелы оползни и мощные
снега, тяжелы древние украшения,
тяжел и гром в горах, тяжела и сама
жизнь...

Но что же здесь легко?
Легка только походка горцев.
А если это так, значит, сильна их
вера в свои дела, значит, они хорошо
знают, куда и зачем спешат.

Мудрость древнего уклада жизни
горцев — ожидание неожиданного:
жилище, продовольствие, запасы теп-
ла и топлива, одежда — все должно
быть готово, каждый человек и весь
аул. Никто не должен быть застигнут
врасплох ни врагом, ни стихией. Нет,
не все устарело, и многое еще при-
годится в условиях гор. Не зря
приспосабливались тысячелетиями
народы к здешней жизни... Одна-
ко как же быть с сегодняшним
днем?

Еще почетом окружены старики как
старейшие и источник мудрости, но
им уже трудно соперничать с телеви-
зором. Еще собираются старики на
годекан — традиционное место сбо-
ра, и на их век хватает еще уважения,
но следующему поколению уже не
знать их непререкаемого авторитета,
и скамья, где сейчас сидят старей-
шие, уже не соберет людей, разбро-
санных по свету.

Уже напрочь отказались от лоша-
дей, но там, где конь прошел бы уве-
ренно, машина срывает тормоза и лет-
ит в пропасть.

Еще слышны рыдания ослов, но
чаще — рев моторов. Еще подрастаю-
щим мальчикам строят в аулах дома,
но все чаще они пусты.

Уже в аулы привозят баллонный газ,
но в древних саклях привкус дыма:
веками согреты они очагом — бес-
счетные поколения женщин сменя-
лись у его огня. Здесь вечно слышны
голоса детей, и чья-то старость пере-
стывает столетие.

Водопровод в условиях Дагестана,
наверное, не проще сделать, чем
в Древнем Риме. Но когда приходит
он в селение — сразу исчезает мно-
гое, что связано было с источником
веками. Для девушек источник был
родником надежды: идя за водой,
надевают нарядные одежды, потому
что кто-то высматривает невесту. На
камнях у источника было принято
писать изречения о красоте жизни,
о значении в ней воды, о добрых
руках, открывших выход воде. Поэ-
ты и певцы восхваляли источник,
дающий людям воду, но нельзя же
петь хвалу водопроводному крану!
Исчезли гордые скакуны, звон стре-
мян и звон копыт не слышны боль-
ше в горах.

Последние лошади служат чабанам,
потому что ни на машине, ни на мото-
цикле по горным пастбищам не про-
едешь. Но во всем остальном довери-
лись машинам.

Поэты не находят в себе силы петь
хвалу железу...

Прелестны национальные одежды,
с которыми первыми расстались муж-
чины, но еще носят сельские женщи-
ны — не отсюда ли их застенчивость,
неловкость, когда они чувствуют, что
одеты не так, как городские? Город-

И все чаще родитель сводил разговоры на город:
Ах, удрать бы к шутам! Да со всех бы удариться ног!
И пришел к нам однажды мой дядя Андрей Никанорыч,
Старший матери брат, а иначе — отцов шуренок.

Это было зимою того, предпоследнего года...
Сел к отцу на верстак и вознес четвертную вина:
«Хватит, Ванька, строгать! На работу прошла уже мода.
Воздохнем, дорогой. А подохнем — простит сатана».

Снял отец с себя фартук,
простираемый бабкой намедни,
Отодвинул рубанки и фартуком стружки смахнул.
Мать накинула скатерть на стол в половине передней
И для гостя почетного лучший поставила стул.

Из омшаника бабка достала морозного сала —
С лебовиною красной, с колченою коркой златой...
И засели вдвоем мужики, как и раньше бывало,
И прикрикнули враз, как случалось уже не впервой.

И востекся не пир, а с такой ли грустинкой беседа,
Что и дня не хватило, и ночь провели за столом.
Четвертную допили. Почали другую с обеда.
А они всё сидели и всё толковали вдвоем...

«Что у нас там, Ванюша? Давай-ка еще по лампадке...
Ты счастливей меня. Ты полегче меня, дорогой.
А со мною вот — двор, где четыре извозных лошадки,
А со мною вот — дом,
что набит многолюдной семьей...»

Ах, Андрей Никанорыч! Промчалась та грустная слава.
И на ваших могилках давно уж цветочки цветут.
Разметали нас бури по всем рудникам и заставам.
Даже косточки наши друг друга уже не найдут.

И над миром давно уж другие шумят поколенья,
И на ваших погостах другие поют соловьи.
И никто не вспомнит про детские ваши именья,
Из-за коих вы грызлись и клали все кости свои.

Что нам кони твои, и все сани твои, и попоны?
Да и что нам теперь вся смешная кубышка твоя?
На счетах у нас нынче все чаще пошли миллионы,
А в сарайчике — «Волга» своя.

Только вспомню про вас —
и со смехом смешаются слезы!
Ах, папаши, папаши! На что вы истратили пыл?
Прозвенели часы — и такие прогрохали грозы,
Что от наших дворов и следочек давно уж простыл.

Где все это теперь? Где все нужники те и сусеки?
Кто кому задолжал? И кого теперь чем помянуть?..
Ах вы, люди мои! Ах вы, люди мои — человеки!
Почему вы такие? И с чем вы кончаете путь?

ские моды пробрались уже в аулы,
тесня и загоняя прекрасные одежды
горянок в сундуки.

Что ж, покидать горы, потому что
хозяйство нерентабельно, снабжение
и медицинская помощь зависят от
опасных и ненадежных горных
дорог, а весь уклад жизни «отста-
лый»?

Что ж, опустеют аулы, оплывут ру-
котворные террасы, на которые не
одно поколение таскало корзинами
землю, укрепляя края камнями
и собирая тут свой хлеб; тают уже
и теперь, растворяясь во времени,
оставленные аулы, исчезают сторо-
жевые башни...

Всему нужна забота — глаза и руки
человека.

А не придется ли, покинув, вновь
«осваивать» горы, как едем мы те-
перь спасать землю России, назвав
ее Нечерноземьем? А скоро и весь
Русский Север потребует внимания,
потому что коренное население там
иссыкает. Бездонны ли народные ко-
пилки?

Время подтверждает, что значение
жизни на земле не вмещается
в «сельскохозяйственные показате-
ли». Оказалось, что есть показатели
поважнее многих — показатели со-
вести. А это очень тонкий инстру-
мент.

К семидесятым годам и в Дагестан
проникла, расширяясь, необъявлен-
ная система отношений: право де-
нег... Но зарплаты часто невелики —
где же взять на все деньги? И вооб-
ще, жить или приспособливаться?
Тяжело завертелось это колесо, про-
кручивая и судьбы...

Магомед — судья, который не

брал взятки. Легко ли достается ему
каждый день жизни?

Приходят. Кладут газетный пакет.
Он знает — там деньги. Говорят: «Мы
собрали. Если мало — еще соберем!
Отпусти шофера — он задавил чело-
века не нарочно. Отпусти — у него
дети. А того все равно живым не сде-
лаешь...»

«Люди слишком стали доверять
деньгам. Они думают, что Закон
и я — одно и то же!» — горько взды-
хает Магомед.

А Гайдар — дагестанский доктор
Спок, врач, создавший чудесную
и долгожданную книгу о новорожден-
ных младенцах, об уходе за ними
и первой помощи? Книга не вышла
в свет. Ему нечего было приложить
к рукописи, да и гордость не позво-
ляла.

Совесь — вместилище чело-
веческого опыта, и каждому достается
частица его. Нужно растить, беречь,
спасать совесь, потому что она —
фундамент личности, фамилии, на-
ции, времени. Времена приходят
и уходят, а совесь остается. Страж
совести — культура и традиции. Но
если многое из этого богатства расте-
ряно, раздроблено и отдельными
блестками вспыхивает, напоминая
о целом, как эхо, заменившее уверен-
ный голос родного?..

Лет десять назад произошел случ-
чай, взволновавший весь Дагестан.
Молодой учитель взял трех старше-
классников, мешки, и все вместе по-
лезли в сад старика. Вероятно,
и яблок-то не было столько, сколь-
ко мешков, вероятно, яблоки были
как дети, которых растил старик.
А эти были из соседнего селения, 15

Кубачи. В горах детей не балуют. Мальчика воспитывают мужчиной, девочку учат владеть всем, что понадобится будущей хранительнице домашнего очага.

они знали, какой ценой достается здесь каждое яблоко...

Одним выстрелом старик убил учителя!

Примчалась милиция. Стариков надо уважать, а тут арестовывать надо!

— Что ты наделал?! Ты убил человека!

— Это не человек! — ответил старик.

Столкнулись два понимания мира, которым рядом идти невозможно: отчаяние руководило стариком, бездумье — молодыми.

В большом несогласии со временем оказалась горская жизнь. Все перевернулось в их привычной, хотя и никогда не бывшей спокойной жизни. Традиции, обряды, обычаи, одежды, жилища — все терпит грубое вмешательство времени. Добро и зло, старое и новое — все это воюет в них и с ними: нет ясности и согласия между ними и внешним миром, который для них все то, что не их земля.

Коней здесь заменили машины.

И вот теперь, когда войны кончились, когда стала бессмысленной обособленность аулов, а их неприступность опасна для современного транспорта и традиционный уклад жизни, так горячо и долго охраняемый горскими народами, вдруг оказался неожиданно древним среди раскрывшегося им мира, смятенные духом люди не хотят рассеяться по земле, хотя бы и более удобной и плодородной. Их манят городские удобства, но что там делать, среди чужих? И они остаются на каменной земле предков, любя ее, страдая на ней, но не предавая ее. В Дагестане не наступило еще время, когда море пахнет нефтью, альпийские луга —

машинным маслом, а стандартные кирпичи хлеба не пахнут вообще. Страна полна еще сама собой — ураганы урбанизации и прогресса не растащили еще древний уклад жизни.

Возможно ли, что лет через двадцать исчезнут живые аулы? А в удобных для туристов местах останутся лишь этнографические музеи-заповедники, в которых будет картинно восстановлен «быт горца XX века»?

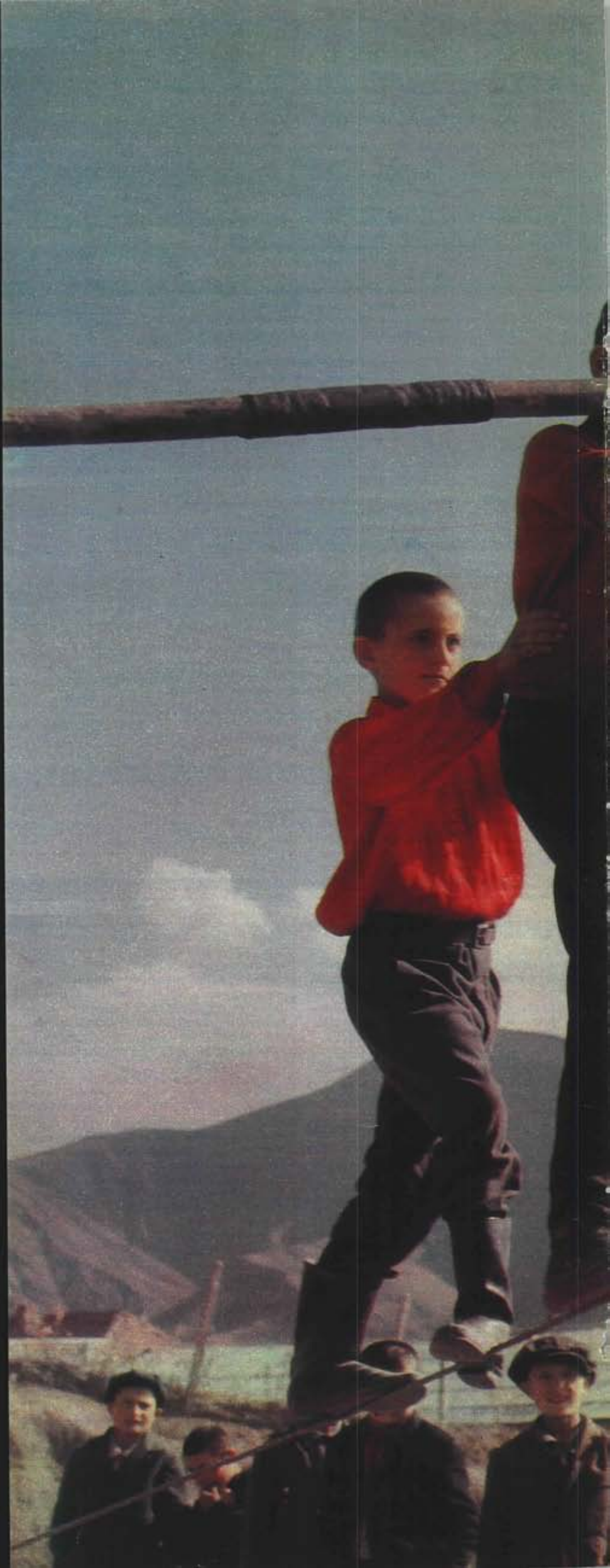
Будем же счастливы, что все, что мы увидим в сегодняшнем горном Дагестане, — подлинное. И все, что видим на фотографиях, — сама жизнь республики, хотя и очень малая часть ее.

В горах, где снег заносит дороги, где обвалы скрывают и уничтожают их следы, где разливы рек уносят усилия человеческих рук, оползни внезапно накрывают постройки и где, кажется, невозможно жить человеку, вдруг расцветают альпийские луга, сплошь укрывая цветами огромные пространства, пчелы летят на чудные запахи, овцы пасутся на зеленых склонах, реки успокаиваются и нежно звенят просветленной водой, вершины гор пронзительно сверкают серебром вечных снегов, нарядные девушки спускаются к источнику, чья-то песня тянется к небу, и кажется тогда, что жизнь здесь прекрасна и вечна.

Разве можно не любить такую страну? Разве можно оставить ее? И люди забывают все, что было плохого. И каждой весной вновь надеются на лучшее.

Пусть же надежды их сбудутся!

Дагестанская коррида.

Цовкра — аул канатоходцев.
Ходить по проволоке здесь умеет каждый.
Почти все канатоходцы советского цирка родом из Цовкры.

«ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ»

Как мы уже писали, нынешний конкурс «Знай свою Родину» посвящается 70-летию Октябрьской революции и проводится совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

Пока жюри обрабатывает письма, пришедшие в редакцию на задание четвертого тура, предлагаем читателям новую серию вопросов, отобранных из их же писем. Надеемся, они заинтересуют всех любознательных друзей «Смены», в том числе и тех, кто еще не участвовал в наших конкурсах.

Условия мы решили не менять. Каждый участник отвечает на вопросы в том же самом порядке, как они и заданы. Постарайтесь, пожалуйста, писать четким почерком либо отпечатать на машинке, причем только на

одной стороне листа. В домашней работе обязательно должно быть две части: в первой на одном-двух листах участник приводит краткие и точные ответы на вопросы, а во второй, объем которой не ограничен, со всей доступной ему полнотой эти ответы комментирует. Напоминаем, что жюри будет рассматривать лишь двухчастные работы, обязательно принимаемая во внимание интересность комментариев и оформление. Будем благодарны, если вы укажете все источники, в которых нашли ответы на предложенные вопросы.

Тридцать пять участников тура жюри назовет победителями. Автору самой интересной работы достанется бесплатная путевка в международный туристский центр «Спутник», другим — альбомы и книги, дипломы Бюро международного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ и журнала «Смена».

1. Во время революционных боев снаряд повредил Кремлевские куранты. Летом 1918 года по указанию В. И. Ленина началась их реставрация. При этом переделали музыкальный аппарат. Он начал исполнять в полдень одну мелодию, а в пол-

ночь — другую. Какие это были мелодии?

2. Сейчас любая энциклопедия в мире приводит биографию В. И. Ленина. А в каком энциклопедическом справочнике и когда появилась впервые справка о В. И. Ленине?

3. Всем известен порядок приема в члены КПСС. Но в виде исключения в партию может принять и непосредственно ЦК КПСС. Назовите не менее шести человек, кому выпала высокая честь быть принятыми в партию непосредственно Центральным Комитетом.

4. В истории гражданской войны был единственный случай, когда тринадцатилетнего мальчика наградили двумя орденами Красного Знамени. В годы Великой Отечественной войны он, командир крупного соединения, был награжден еще двумя орденами Красного Знамени. Назовите кавалера орденов и его кличку по революционному подполью. Что она означает?

5. Пятерых сыновей вырастила мужественная женщина. Все они пали на полях Великой Отечественной войны. Младший, Петр, в 1944 году повторил подвиг Александра Матросова. Назовите эту женщину и место, где воздвигнут памятник, увековечивший материнский подвиг.

6. Его называют человеком из легенды. В феврале 1944 года за участие в битве на Курской дуге он был удостоен звания Героя Советского Союза. Его родители получили «похоронку». А он попал в плен, бежал и боролся с фашистами в Югославии. В одном из боев спас партизанский отряд. И опять его посчитали погибшим. Но герой выжил. После войны осуществилась его заветная мечта: он стал учителем и преподает

свою любимую математику. Кто этот человек из легенды и где сейчас живет?

7. Где, когда и по чьей инициативе возникли первые хозрасчетные бригады?

8. Известен случай, когда звание Героя Социалистического Труда было присвоено пионерке. Кто она? За что и когда удостоена столь высокой награды?

9. Где и когда возникла первая в нашей стране добровольная народная дружина по охране общественного порядка?

10. На каком съезде ВЛКСМ, кого и за что назвали Павкой Корчагиным 60-х годов? Какой награды он был удостоен? Назовите также руководителя братской страны, который, посетив героя, сказал: «Я знаю, ты настоящий боец. Такие люди двигают революцию».

11. Какой балет был поставлен комсомольцами Большого театра к 10-летию ВЛКСМ?

12. Назовите самый мирный военный полк в мире. Для чего он понадобился? Скажем только, что официально он был создан 19 ноября 1969 года — в день 50-летия Первой Конной армии.

13. Когда и где в нашей стране были выпущены деньги на бутылочных этикетках? Максим Горький назвал эти деньги самыми оригинальными из всех, какие ему довелось видеть.

14. В марте 1983 года в Лондоне случилось необычное: в честь советского артиста оркестр стоя исполнил английский национальный гимн. Назовите артиста. За что он удостоился такой чести?

15. Трудно найти человека, который бы не знал выражения «гений чистой красоты» из стихотворения А. С. Пушкина «К...» («Я помню чудное мгновенье...»). Поэт скорее всего заимствовал это выражение у своего современника. У кого именно и из какого произведения?

Бандероли (в форме трубочки не отсылать!) и письма с домашними работами можно отправлять не позднее 30 июня. На конверте обязательно пометьте: «Конкурс «Знай свою Родину», 5-й тур».

Желаем удач и интересных находок!

Вопросы для этого тура мы взяли из писем читателей С. Алтуховой из Александровска Ворошиловградской области, А. Василенко из села Песчаное Черкасской области, О. Васильева из Москвы, Д. Гавриленко из д. Вишни Могилевской области, В. Елисева из села Ольховка Пилепецкой области, А. Кимарцева из Павлограда Днепропетровской области, О. Кошкер из г. Торез Донецкой области, В. Хомутинкина из Луцка, Л. Хомяковой из Томска и В. Хуторова из Ульяновска.

Михаил МУРАВЬЕВ

ЗАЩИТА

Записки адвоката

Нина Васильевна достала из сумочки любительскую фотокарточку. Трое парней, в их числе и ее сын, в штормовках, сапогах, на фоне какой-то скалы или каменной осыпи. В середине — широкоплечий бородатый детина, улыбка до ушей, в резко вскинутой руке — гитара. Справа от «гитариста» — Нина Васильевна, сдерживая рыдания, показала на него платком — ее сын Игорь. Два дня назад вот этот шустрый паренек осужден за убийство, и сейчас мать просит меня, говоря языком юристов, принять защиту в кассационной инстанции. Я взялся за изучение дела...

Первый том, как обычно, начинался постановлением следователя о возбуждении уголовного дела по факту убийства студента Анатолия Мурашова. В конце объемистого тома еще одно постановление — о прекращении дела, поскольку, как указывалось, имел место несчастный случай.

Был и особый том, целиком состоящий из жалоб, писем, коллективных обращений. Они пестрели категорическими требованиями: «Настаиваем на высшей мере наказания!», «Смерть подлому убийце!». Читая подобное, можно подумать, что авторы этих петиций выросли в обществе, где нет закона, правосудия, где норма жизни — расправа, не требующая доказательств вины, а наказание зависит лишь от накала страстей. Однако под коллективными жалобами стояли подписи студентов и преподавателей одного из старейших московских вузов.

Коллективное возмущение, выраженное в письменном виде и разосланное в разные инстанции, сработало. Назначили дополнительное расследование, и хотя ничего принципиально нового оно не выявило, народный суд признал Игоря Артемова виновным в умышленном убийстве.

Встреча в следственном изоляторе началась весьма сдержанно. На мой вопрос, почему до сих пор не подал жалобу, Игорь нехотя ответил:

— Мурашов умер от ножевой раны, а нож был у меня в руке... Чего ж жаловаться...

...Производственная практика будущих геологов подходила к концу. Август на исходе. Дожди. Палатки протекали, и одежда не просыхала. Работы закончены, но что-то еще предстояло доделать, а что именно, никто не знал — ждали указаний. Ожидание тяготило. Раньше слышались переборы гитары, песни, а теперь, собравшись у костра, молчали, неотрывно глядя на причудливую игру пламени.

В тот вечер они с Мурашовым готовили для всех чай. Когда вода покрылась рябью и забулькала, Анатолий, щурясь от дыма, поднял котел. Игорь попытался остановить его — пусть, мол, как следует прокипит (воду-то брали из озера), но Мурашов легонько отстранил его и поставил котел в круг сидящих. Игорь, говоря, что этот кроманьонец всех отравит болотной водой, хотел забрать котел, чтобы снова поставить на костер, но Анатолий перехватил его руку, сжал ее, как клещами, и развернул напарника к себе лицом. Мгновение — и Игорь вверх тормашками полетел в кусты. Девчата звонко рассмеялись, а парни, словно окаменев, хмуро смотрели в костер. Не вмешались они и тогда, когда поверженный поднялся и бросился на Мурашова, а тот, поймав

одной рукой Игоря за запястье, другой рукой стал отвешивать размеренные щелбаны, приговаривая:

— Это тебе, чтоб не брезговал. Это — чтоб не задибался, а это — лично от кроманьонца...

Вырвавшись и не зная, как вести себя после такого унижения, Игорь побрел в тайгу. Нашел какое-то поваленное дерево, развел костер и просидел около него далеко за полночь. Потом вернулся в спящий лагерь. Пробрался в палатку Анатолия и осторожно потряс его за плечо. Тот, увидев в свете карманного фонарика устремленные на себя знакомые глаза, решил, что явился отомщение, и, не помня себя от страха, закричал: «На по-омощь!» «Дурак» — досадливо процедил Игорь, погасил фонарик и вынырнул из палатки. Мурашов, когда окончательно проснулся, пожалел, что поднял шум, но было поздно. Зябко поеживаясь, объяснил прибежавшим на его крик ребятам: что Артемов хотел его убить.

Меж тем Игорь, боясь новых унижений, вернулся к поваленному дереву, на котором сидел с вечера. Захотелось умыться, но, прежде чем подойти к болотцу, Игорь срезал длинную палку, чтобы ею проверить твердость грунта. Когда дошел до кромки воды, воткнул ее в мягкую землю и повесил на нее штормовку и свитер. Холодная вода придала бодрость и словно бы прояснила мысли: «Что, собственно, произошло? Во имя чего отшельничать? Могут подумать, он и впрямь виноват...»

«Салют!» — громко сказал он, войдя в палатку-столовую, где уже все сидели за завтраком. Кто-то кивнул, кто-то, искоса взглянув на вошедшего, протянул: «Приветик». Мурашов устремил на него настороженный колющий взгляд. Чтобы не встретиться с ним глазами, Игорь положил на колени палку, которую захватил с болотца, и под звяканье алюминиевых ложек о миски стал вырезать на ней узоры. Угловым зрением заметил, как Анатолий поднялся из-за стола, обтер ребром ладони усы, бороду, прошел за спинами ребят к ведру. «Давай, я сама налью» — сказала Катя, но тот взял ведро и направился к Артемову. Игорь уже приготовился пошутить: «Думаешь, я отстал без твоей заботы?» Однако Анатолий неожиданно зашел сзади...

И вот настал день кассационного рассмотрения дела Артемова.

Слово представили матери погибшего. Убитая горем женщина говорила о собственных болезнях, об инфаркте мужа, отца Анатолия... Эти сообщения, хотя и не имели прямого отношения к делу, до предела наэлектризовали атмосферу. Затем выступил общественный обвинитель. «В ярких красках он рисовал гнев и возмущение общественности факультета «необъяснимо мягким приговором», поведал, как сам был шокирован и удивлен решением суда.

— А разве Артемов четыре года учебы не был вашим товарищем? — спросил председатель.

Обвинитель замялся, ответил что-то невразумительное. Председатель понимающе кивнул и представил потерпевших.

В старину говаривали, что нет худшего безбожника, чем поп-расстрига. Так и у защитника нет опаснее противника на судебном процессе, чем адвокат потерпевшей стороны. Вот и сейчас он искусно увязывал формальные нарушения, допущенные судом, с недоста-

точным исследованием случившегося. Например, из двенадцати очевидцев суд допросил лишь четверых, а те восемь, дескать, могли бы нарисовать суду более полную картину.

Мы, защитники, восприняли эти слова, как удары молотка, заколачивающего крышку гроба. Говорю «защитники», потому что нас было двое: я и отец Игоря. Он был военным, служил где-то на Севере, давно не живет с семьей, прилетел по телеграмме бывшей жены и в консультацию пришел в сопровождении Нины Васильевны.

Еще раз он появился недели через две. Раскрыл новенький «дипломат», в нем лежали брошюры на юридические темы и стопка бумаги. «Вот», — сказал он, подавая целую кипу густо исписанных листов. — «Познакомьтесь с моей жалобой. Мне разрешили выступать защитником. Вместе будем воевать».

И вот теперь, получив слово, Валентин Иванович, с трудом сдерживая себя, но со знанием дела перечислил статьи уголовно-процессуального кодекса, которые нарушил суд, и слегка наклонив голову, воскликнул: «Почему такое пренебрежение к уставу? Извините, к кодексу...»

— О чем вы просите судебную коллегия? — спросили его.

— Условно, сколько угодно, только условно.

— Обсудим, — коротко подытожил председатель. — Слушаем адвоката в защиту Артемова.

— Уважаемые члены судебной коллегии, — я старался предельно четко произнести каждое слово. — Мне известно, что перед слушанием нашего дела вы оставили без изменения приговор продавцу помидоров, который осужден за обман покупателей. Почему же сейчас на чашу весов Фемиды вы позволяете класть палец?

Не принято отождествлять наше правосудие с богиней. Но идею подчинения судей только закону она вроде бы отражает, и весьма образно. Однако спросите любого адвоката: о чем ему говорят, когда приглашают в защитники? О личных связях, влиятельных знакомых, просят подсказать форму вмешательства определенным образом настроенной общественности. Вот и реакция друзей, близких Мурашова, материализованная в объемистом томе, который теперь лежал на столе перед членами суда, возникла не только из-за отсутствия гласности, но и в результате неистребимой веры в чью-то сильную «руку», которая якобы помогла Артемову прекратить дело. Между тем — и это абсолютная истина — никакая «рука» на следователя не давила, просто он оценил факты и свидетельства как квалифицированный юрист и сделал беспристрастные выводы.

Это что же, слышу возражения, общественность или любой гражданин не могут выразить свое отношение к сути судебного разбирательства, тем более к виновнику гибели дорогого человека? Нет, конечно. Право высказать свою точку зрения у каждого из нас охраняется законом. Только по мере повышения правовой культуры каждого и укрепления законности в обществе количество таких обращений, думаю, постепенно сведется к минимуму.

Ну, а если все же кто-то и решит высказать свою точку зрения до вынесения приговора, его слова должны

быть адресованы или прокурору, который представляет обвинение, или защитнику, но ни в коем случае не суду. Нельзя нарушать принцип исходного равенства сторон.

Я кивнул на папку с требованиями и прошениями, которую держал в руках один из заседателей, и сказал:

— Перед вами заявления представителей общественности, но почему-то в народном суде авторы этих заявлений были допрошены как свидетели. Ведь ясно, что в момент происшествия они находились за тысячи километров и выдали свои домыслы за факты. Согласен с коллегой, представителем потерпевших: отсутствие большинства свидетелей-очевидцев повлекло неполноту информации в суде. В суд этих свидетелей не вызывали, а те четверо, которые явились, изменили свои показания. Вот что показывал один из студентов следователю: «Они упали. Артемов, с ножом в руках, был внизу, Мурашов — над ним...»

— Уважаемые судьи, — вновь продолжил я, — погибший имел спортивный разряд по самбо... — Я подошел к судейскому столу и положил перед судьями справку спортивного общества. — То, о чем говорят очевидцы: «потачил на себя», «развернул», «полетели» — известный прием. Думаю, здесь не нужно напоминать, что использование специальных видов борьбы в преступных целях расценивается как нападение вооруженного, а защита, даже с помощью оружия, — как необходимая оборона...

Тем, кто завидует адвокатской судьбе, советовал хотя бы раз испытать чувства, которые возникают после того, как судебная коллегия, посоветовавшись, возвращается в зал заседания, и бесстрастный голос произносит: «Приговор оставить без изменения, жалобу без удовлетворения...» А ведь прежде чем писать эту жалобу, ты сделал уйму выписок — из дела, справочников, сборников, картотеки, выверял каждую фразу, каждое слово. А речь?.. Готовил тезисы, полный текст. Ведь в судах не принято читать по бумажке... И вот все твои усилия разом обращаются в прах, а те, кто возлагал на тебя свои надежды, тоскливо и недоуменно повторяют: «Почему, почему?..» Ответить на этот вопрос порой очень трудно и самому себе.

...Минуло три года, и однажды в нашу юридическую консультацию заглянули женщина и молодой мужчина — это были Нина Васильевна и Игорь. Несколько дней, как он вернулся домой. Сейчас их волновал вопрос прописки. Мы разговорились, как старые знакомые. Нина Васильевна достала из той же старомодной сумочки два документа — протест заместителя председателя Верховного суда республики и постановление Московского городского суда. Приговор был пересмотрен, действия Игоря квалифицировали как убийство в состоянии сильного душевного волнения.

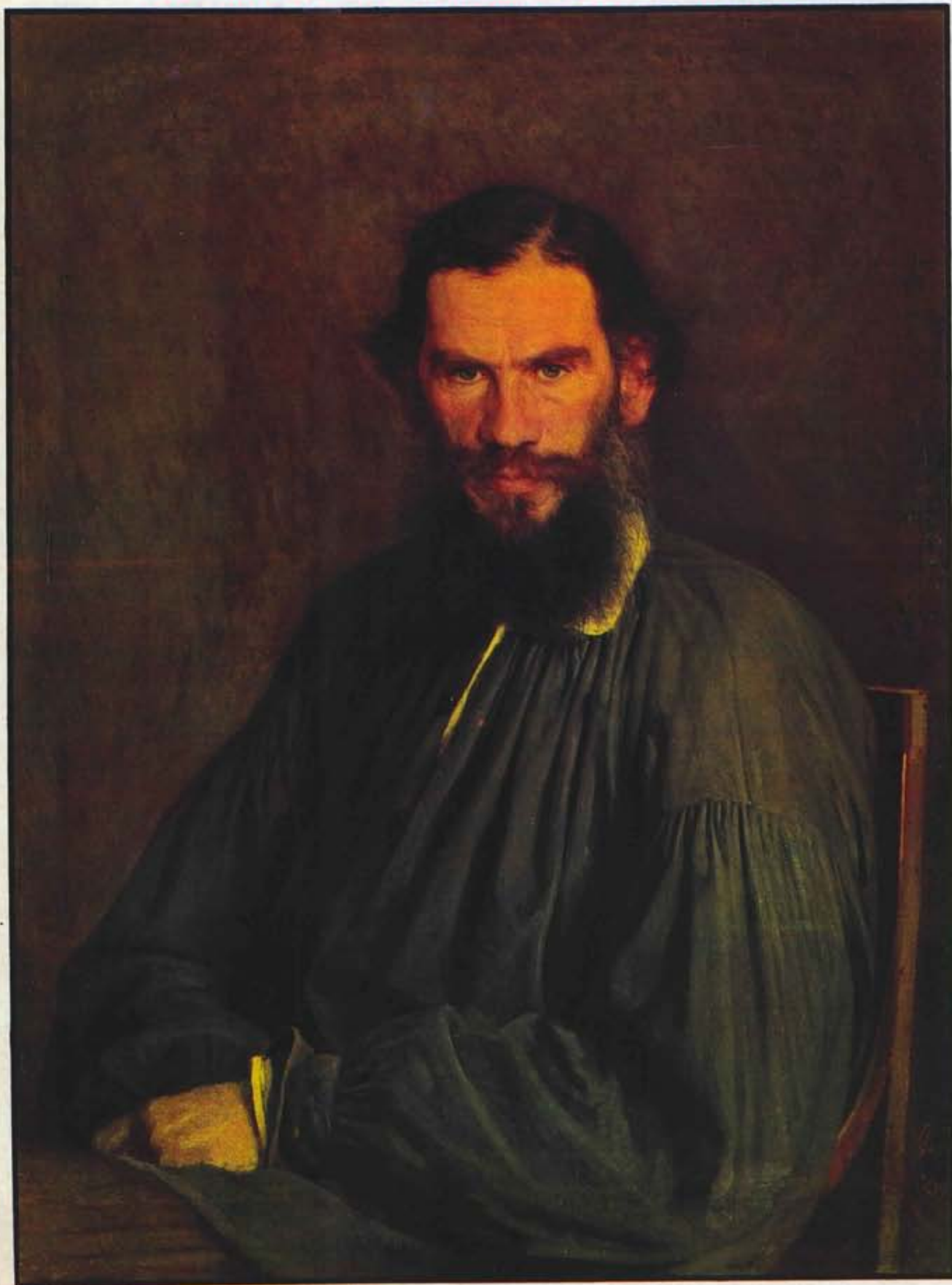
Что ж, именно этого я и добивался как защитник Артемова. Значит, справедливо все-таки восторжествовала.

Успокоив мать и сына насчет прописки, спросил: «Как поживает Валентин Иванович? По-прежнему на Севере?» Нина Васильевна горестно вздохнула. Оказывается, вскоре после заседания суда он вышел в отставку, ходил по инстанциям, доказывал, а вот результата не дождался — инсульт...

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

СОВЕСТЬ

150 лет со дня рождения И. Н. Крамского

9 ноября 1863 года четырнадцать лучших учеников императорской Академии художеств отказались участвовать в конкурсе на золотую медаль и покинули Академию. Они не захотели писать картину на заданный сюжет из скандинавской мифологии и потребовали, чтобы им было дозволено самим выбрать темы конкурсных работ. Они полагали, что художник должен жить жизнью своего народа, и не умозрительно полагали, но всей душой стремились к этому, — они были убеждены, что жизнь народная и есть та почва, которая питает творчество художника. Во главе протестантов — «бунтарей», как их тотчас называли, стоял Иван Николаевич Крамской.

Кто же он — этот бунтарь Крамской? Отчего бунтует? Отчего не желает, как искони заведено, благополучно окончить курс, изобразить, согласно с волей начальства, скандинавского ли бога, древнегреческого ли героя — какая разница! — получить свою медаль, отправиться на казенный счет в Италию, привезти оттуда еще какую-нибудь холстину про богов или древних героев, а там, глядишь, и самому надеть профессорский мундир, прочно усестись на золоченое кресло в академическом совете и предлагать новым юношам те же сюжеты, над которыми сам весь век свой столь выгодно старался?.. Писарский сын из захолустного городка Острогжска, мальчиком отданный в учение заезжему фотографу, двадцатилетним ретушером объявившийся в Петербурге, без положения, без связей, одним лишь талантом пробившийся в Академию, — ему бы радоваться, что так удачно складывается судьба, отдаться на волю попутного ветра... Нет!

Позже, вспоминая юность, Крамской напишет: «В 57 году я приехал в Петербург слепым щенком. В 63 году уже настолько подрос, что искренно пожелал свободы, настолько искренно, что готов был употреблять все средства, чтобы и другие были свободны».

Само Время, тотчас поставившее академический «бунт» в ряд характерных, отличительных, исторически почти даже неизбежных событий, само это Время толкало Крамского гигантскими шагами двигаться вперед. Время крестьянских волнений и студенческих беспорядков, время революционных воззваний Чернышевского и его сподвижников, время, когда герценовский «Колокол» неумолчно звал по-новому думать и поступать по-новому, когда некрасовский «Современник» едва не в каждой статье открывал самые злободневные, самые наболевшие общественные вопросы... — поди попробуй не расти, не шагать!..

Когда годы спустя критик Стасов пришел в восторг по поводу некоторых высказанных Крамским мыслей, тот решительно отвел всяческие похвалы его исключительности: да кто же «из русских человек» может так не думать после Белинского, Гоголя, Федотова, Иванова, Чернышевского, Добролюбова...

В отрочестве, в Острогжске, юный писарчонок (за спиной у Ивана Николаевича три класса уездного училища) сунул было читать Гегеля, но, по собственному его признанию, ровно ничего не понял. Пять лет спустя в Петербурге он читает Гегеля и Фейербаха, Прудона и Дарвина, читает едва не всю основную философскую, политическую, естественнонаучную литературу своего Времени, читает, осознает, применяет к действительной жизни, пропагандирует, толкует другим. Репин вспоминает, что Крамской так живо и образно рассказал ему теорию происхождения видов, что впоследствии оригинал показался ему менее увлекателен, чем рассказ Крамского.

Портрет Л. Н. Толстого.

«Учитель» — назовет в своих воспоминаниях Репин одну из глав о Крамском; и тогдашний журнал — при жизни Ивана Николаевича — признает убежденно: «Крамской как бы родился учителем и делается им постоянно помимо воли...» Учитель — это непременно человек, особенно чуткий к своему Времени, к духу и движению его.

Ходит по рукам, буквально до дыр зачитывается роман Чернышевского «Что делать?». Автор томится в одиночке, впереди у него дальний путь, каторжная глушь Забайкалья и Якутии, а лучшие русские «человеки» живут, действуют по Чернышевскому, по «Что делать?»: «артель», «коммуна» — не просто всем известные слова, но попытка новой формы жизни. После выхода «бунтарей» из Академии Крамской объединяет их в Артель художников: «И так как мы крепко держались за руки до сих пор, то, чтобы не пропасть, решили держаться и дальше, то есть работать вместе и вместе жить».

Художники-артельщики шутиливо именуют Крамского «докой».

«— А вот что дока скажет? — говорили товарищи, остановившись в разгаре спора при виде входящего Крамского, — вспоминает Репин собрания в Артели, где был частым гостем. — «Дока» только что вернулся с какого-нибудь урока, сванса или другого дела; видно по лицу, что в голове его большой запас свежих, животрепещущих идей и новостей; глаза возбужденно блестят, и вскоре уже страстно звучит его голос по поводу совсем нового, еще никем из них не слыханного вопроса, такого интересного, что о предыдущем споре и думать забыли... Мысли, новые, яркие, казалось, так и вспыхивали в его мозгу и красноречиво звучали...»

Дела в Артели вроде бы идут на лад, но Крамской убежден, что «лад» этот никак не в исполненной покое и довольства устойчивости сообщества, того менее — в обогащении каждого в него входящего: он убежден в необходимости постоянного разрушения старых форм и создания новых, которые отвечали бы постоянному развитию искусства, идущего в ногу с развитием жизни общества. «Искусство ничего не имеет да и не должно иметь общего с застывшими формами. Оно живое, вечно меняющееся...»

Большинство артельщиков, вчерашних «бунтарей», поспокойилось, вполне удовлетворено сегодняшним своим положением, а Крамской уже среди тех, кто создает и возглавляет новое объединение российских живописцев — Товарищество передвижных художественных выставок. Он среди тех, кто мечтает двинуть русское искусство по стране, приблизить его к народу, для которого оно предназначено, открыть ему новые просторы. «Я призывал товарищей расстаться с душной и курной избой и построить новый дом, светлый и просторный, — рассказывает Крамской. — Потому что мы росли и нам становилось тесно». Придет время, он и Товарищество передвижников будет призывать «позаботиться об идеях, если оно хочет жить и если оно желает играть какую-либо роль в истории искусства».

В 1872 году на Второй Передвижной выставке Крамской показал одну из самых известных своих — да и во всей русской живописи одну из самых известных картин — «Христос в пустыне». Сюжет, современникам художника досконально с детства знакомый, взят из Евангелия: Христос был возведен «Духом» в пустыню, там постился сорок дней и ночей и взалкал; тогда приступил к нему искушитель: «Если ты сын божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Иисус же ответил: «Не хлебом единым будет жить человек».

Евангелие всегда воспринималось как иносказание, люди разных эпох находили в книге современные им слова и образы. Выбранный Крамским евангельский сюжет по-своему пересказывал и Лев Николаевич Толстой (он необыкновенно высоко ценил «Христа в пустыне», говорил, что картина забрасывает в душу «тревожащий совет

Неутешное горе.

Русалки.

Неизвестная.

Портрет
А. С. Грибоедова.

Полесовщик.

луч»). «Искушитель» становится в «переводе» Толстого «голосом плоти» человека, а «Дух» (с прописной буквы) — человеческим духом. Ни бога, ни искушителя вне человека — только человек наедине с собой. Это соответствует замыслу Крамского, объяснявшего картину без всяких ссылок на священную историю: в жизни каждого человека наступает момент, когда он должен решить, пойти ли направо или налево, любой ценой захватывать жизненные блага или, жертвуя ими, жертвуя собой, не уступать ни шагу злу.

«Что такое настоящий атеист?» — спрашивает Крамской. И отвечает: «Это человек, черпающий силу только в самом себе». Разговор идет о «Христе в пустыне»: художник, по глубокому его убеждению, запечатлел в картине героя, который учит людей отдавать всего себя борьбе со злом, обновлению жизни. Мой Христос, объясняет Крамской, — «величайший из атеистов, который уничтожил бога во вселенной и поместил его в самый центр человеческого духа и идет умирать спокойно за это». Того более! Однажды он скажет с пугающей откровенностью: «Христос ли это? Не знаю...» И дальше — совсем решительно: «Итак, это не Христос...»

Для первых зрителей картины герой Крамского и в самом деле предстал «един в трех лицах». Это, во-первых, именно Иисус Христос, но воспринимаемый как личность историческая, конкретный человек, жизнь которого может во многом служить примером для следующих поколений. Это, во-вторых, «каждый человек» (по определению самого художника), вчерашний, сегодняшний, завтрашний, в неизбежную, решающую минуту выбора пути. Это, наконец, современник Крамского, человек его Времени, который «видит невозможность служить добру, не жертвуя собой», и, движимый чувством неоплатного долга перед народом, избирает путь «в стан погибающих за великое дело любви».

Цитаты из Некрасова не случайны: одушевленные и неодушевленные образы Евангелия были привычными для тогдашнего читателя поэтическими образами — образами революционно-демократической поэзии: в них раскрывался герой-современник, избравший путь самоотверженного служения людям, готовый принести себя в жертву ради общего блага.

Через пять лет после окончания картины Крамской будет писать портрет тяжело больного Некрасова, поэт подарит ему экземпляр «Последних песен» и при этом внесет в текст некоторые рукописные поправки — восстановит то, что невозможно было напечатать по цензурным условиям. Он зачеркнет название стихотворения «Пророк (Из Барбье)» и впишет взамен: «В воспоминание о Чернышевском»; кроме того, добавит пропущенную — ныне едва ли не самую знаменитую — последнюю строфу:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет —
он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

Вот образы, мысли, чувства, рождаемые во многих зрителях картиной Крамского. Младший современник художника писатель Всеволод Гаршин увидел в герое картины «громкую нравственную силу, ненависть ко злу, совершенную решимость бороться с ним». Не менее примечательно, что и старший его современник, человек иного круга, иных взглядов, писатель Иван Александрович Гончаров тоже нашел в образе, созданном Крамским, и решительность и неодолимость, и выстраданную, в муках добытую «силу на подвиг».

Картин у Крамского мало, кроме «Христа в пустыне», вспомним «Неутешное горе», «Неизвестную», «Лунную ночь»; и почти всякий раз, что ни картина — одна фигура. Это не случайность, это особенность художественного мышления — стремление возложить на плечи одного-единственного героя пре-

дельно большую смысловую и эмоциональную нагрузку, чтобы в одной фигуре, говоря его, Крамского, словами, были «начало и конец».

Расматривая чужую работу — знаменитый «Приезд гувернантки» Перова, — Крамской мысленно сужает число действующих лиц и уже тем невольно углубляет характер каждого: «Как бы это было хорошо, если бы было только две фигуры: гувернантка и хозяин...» Он сам, глядишь, и одной бы фигурой обошелся!..

В 1879 году Крамской исполняет небольшую рисунк «Встреча войск» — трагический отклик на недавнюю русско-турецкую войну. Ярко освещенная улица, флаги, гирлянды, под триумфальной аркой проходят возвратившиеся с фронта полки, а на балконе, как бы парящем над улицей в лучах праздничного света, стоят дети — мальчик в перепоясанной рубашечке, девочка в длинном светлом переднике и на руках у принаряженной кормилицы совсем малое дитя. Но в сумраке комнаты беззвучно, чтобы праздника не потревожить, рыдает в кресле женщина в черном вдвоем платье: в праздник ее горе острее, безутешнее.

«У меня слезы к горлу подступили... — откликнулся Репин, едва развернул рисунок. — Как это сильно и как поэтически сказано!..» «Сильно», «глубоко», «неожиданно», «захватывает» — в этих словах слито профессиональное и гражданское отношение товарищей, художников (и каких!) к этой работе Крамского, к тому, что он изобразил, и к тому, как изобразил.

В сумрачном уголке какой-то петербургской квартиры приметил художник среди всеобщего праздника в черное одетую женщину, закрывшую лицо платком, и по-своему больше сказал о войне, чем сказал бы, наверно, большим батальным полотном.

Рисунок «Встреча войск» по сюжету, по масштабу взятых событий, по композиции, по властно схваченной связи фигур и подчинению их главному, целому, по силе производимого впечатления — по всем статьям рисунок мог вылиться в картину, и Крамскому вроде бы нет смысла терять найденное, но он в первых же пробах решительно оставляет на бумаге, потом на холсте лишь одну главную героиню.

Рисунок «Встреча войск» отделил от картины «Неутешное горе» пять лет напряженных поисков, образ расширяется и углубляется. На этом пути одинокие слезы вдовы на общем празднике оборачиваются горем «каждого человека», встретившегося с невосполнимой утратой. В самом ли деле «Вдова», как именовал художник ранние варианты картины, или (привычное, укоренившееся толкование) несчастная мать, потерявшая ребенка, — в том-то и дело, что найден не требующий повествования живописный образ, всецело выражающий чувство. За этим образом и собственное неутешное горе Крамского: неимоверные страдания чуткого души человека из-за гибели тысяч солдат на полях сражений и совпадения с военной годичной смертью, почти одного за другим, двух мальчиков, сыновей художника.

Женщина в черном платье застыла возле коробки с цветами, в одном шаге от зрителя, в единственном роковом шаге, отделяющем горе от того, кто горю сочувствует; взгляд женщины властно притягивает взгляд зрителя, но не отвечает на него, — удивительно зримо и законченно легла в картину перед женщиной эта взглядом намеченная пустота. Внешняя простота, сдержанность позы, лица, жеста — и внутренний огонь, мир встревоженный, сдвинутые катастрофой пласты сознания и чувства: найденный внешний образ сдерживает внутреннее движение, не позволяет избытку чувства вырваться наружу и тем усиливает внутреннее напряжение, нагрузку.

Стремление заключить в одной фигуре начало и конец, все от начала до конца сказать в ней, поднимает работу Крамского от картины о материнском горе до картины о горе неутешном. Дра-

ма, по определению художника, одного человеческого сердца, драма глубоко личная (и в этом личном — непроницаемая «чужая беда») раскрыта на картине Крамского как драма для сердца каждого человека близкая и понятная, драма потери, разлуки навечно, прощания с человеком на земле и нового, иного прежде, укоренения его в себе: общечеловеческая драма сердца.

В убежденной вере в неисчерпаемость одной фигуры, будь то Иисус Христос или неведомая, одна из многих вдова, или молодая женщина в коляске посреди Невского проспекта, легендарная «Неизвестная», в которой и современники, и потомки, пытались постичь замысли художника, угадывали то идеал таинственной красоты, то богатую содержание, «исчадие больших городов», то блоковскую «Незнакомку», в этой вере в возможность «все сказать» одной фигурой являет себя Крамской-портретист — великий портретист.

«Никакая книга, ни описание, ни что другое не может рассказать так целю человеческой физиономии, как ее изображение...» — утверждает Крамской и всей своей буквально героической деятельностью подтверждает это. Он написал сотни портретов, только на посмертной его выставке их было показано больше четырехсот. Он подарил современникам и нам, будущему, живописные образы Льва Толстого и Некрасова, Тараса Шевченко и Салтыкова-Щедрина, Перова и Репина, Шишкина и Верещагина, химика Менделеева, астронома Струве, доктора Боткина; на его холстах являются перед нами соотечественники истинные выдающиеся, которым суждено навечно остаться в истории страны и сердце народа, и другие, быть может, избежавшие от забвения тем, что поименованы в подписи под портретом, и навсегда безвестные крестьяне, запечатленные Крамским с особенным пристальным вниманием (какой «богатый и невообразимо громадный материал за пределами городов, там, в глубине болот, дремучих лесов и непроходимых дорог. Что за лица, что за фигуры!..»), — целое поколение русских людей, целая эпоха, Россия в лицах!..

Случалось, уставал, горько сетовал, что надоело писать портреты: помилуйте, нельзя же весь свой век — одни портреты; завидовал товарищам, занятым картинами; с картиной художник сам себе хозяин, а портрет — дело договорное, заказное; «не продается вдохновение, — обидно! Уставал, сетовал, горевал о недоброй участи портретиста, но вот человек, которого предстоит ему написать, то есть разгадать и заново воссоздать на холсте, усаживается перед ним в кресле, и Крамской каждой клеточкой своей чувствует, как пробуждается в нем жажда творить... Час, два, три — он все не отходит от мольберта. Уже и тот, кого он пишет, утомлен, уже за окнами густеют сумерки, а он просит, умоляет: «Еще полчаса!», «Минуточку!», «Немного-чечко!».

Он и умрет, работая над портретом (в марте 1887 года, двух месяцев не дожив до пятидесяти): шесть часов будет вдохновенно трудиться и с кистью в руке упадет, как подкошенный, сокрушая мольберт. Судьба: портретист!..

Критик Владимир Васильевич Стасов свидетельствует: «Кто столько сил, души и жизни положил на то, чтобы вот так понимать человеческую голову, человеческую натуру и выражение, кто достигал так часто высокого совершенства в передаче понятого, тот должен был испытывать при этом и радость высоких наслаждений. Он, наверно, часто бывал счастлив в те часы...» И Павел Михайлович Третьяков, прочитав эти строки, пометает на полях: «Совершенно верно и точно...»

С Третьяковым у Крамского общая цель, общая задача в искусстве: Павел Михайлович хочет иметь у себя галерею портретов лучших русских деятелей — кто, как не Крамской, портретист по судьбе и страсти, может быть главным его сподвижником. И для собирателя, и для художника тут начинание патристическое: в людях, чьи портреты собирает Третьяков и пишет Крамской, воплощается, живет, передается в память потомкам история народа и страны.

На этом патристическом пути Иван Николаевич Крамской, непременно движимый в творчестве высокой гражданской идеей, подчас без преувеличения совершает подвиги, заслужившие вечной благодарности нашего народа. Среди таких подвигов — знаменитый портрет Льва Николаевича Толстого. И дело не в том лишь, что Крамской создал своему совершенный портрет великого писателя земли русской, — заслуга художника еще и в том, что он создал первый его живописный портрет, сумел преодолеть нравственное сопротивление Толстого, считавшего, что это нехорошо, стыдно — сидеть перед художником, который старается над твоим изображением, и что совсем стыдно, когда это твоё изображение выставлено в галерею напоказ как нечто очень важное; он сумел «убедить неубедимого», как радостно выразился Третьяков, услышав, что портрет пишется. Толстой, общая знакомым о портрете, прибавляет, как бы оправдываясь: «сам Крамской приехал», — приехал этот Крамской и уговорил», «для меня же он интересен», «сижу и болтаю с ним». Софья Андреевна, жена писателя, подводит итог: «Крамской приехал в Ясную Поляну сам и своей симпатичной личностью и беседою привлек Льва Николаевича, и он согласился». Не просто, наверно, оказавшись привлекательной личностью для Льва Толстого!.. Крамской проторил дорогу; многие художники — живописцы, рисовальщики, скульпторы — придут вслед ему в дом Толстого.

Портрет Льва Николаевича создается в сентябре 1873 года, в Ясной Поляне. Крамской проводит лето в Тульской губернии, неподалеку от имения писателя. Он работает над картиной «Осмотр старого барского дома». Картина останется неоконченной. Сперва, судя по карандашному наброску, Крамской предполагал сделать главным героем картины купца, шагающего хозяином по старинной родовой усадьбе, которую намеревается приобрести. В окончательном варианте (он во многом уже перенесен на холст) мы видим владельца усадьбы, откуда-то издалека приехавшего в дом своего детства и юности, прежде чем навсегда расстаться с ним. Тридцать лет спустя Чехов напишет комедию «Вишневый сад», в ней как бы сойдутся, сольются оба замысла картины Крамского: первоначальный — сцены с купцом Лопахиным, который намеревается вырубить бесполезный сад и построить на его месте дачные участки, и окончательный — грустный монолог Раневской или Гаева о неизбежной утрате вместе с вырубленным садом прошлого — собственного прошлого и прошлого своего сословия. Тогдашний художественный критик отмечает в незавершенной картине Крамского историческую прозрачность художника: «Она не только страница из повести какой-нибудь отдельной жизни — она картина перехода одной исторической эпохи в другую. Тут дореформенная Россия с помещичьим бытом и поминки по нем».

Крамской не знает, конечно, что минувшей весной владелец Ясной Поляны увлеченно принялся за роман «из жизни частной и современной эпохи»; роман этот «Анна Каренина». Крамской не знает, что найдет в романе многие мысли, и его волновавшие, многие образы, и его томившие, что найдет в нем сцену — и в ней опять-таки точно зерно, семечко будущего «Вишневого сада»: помещик рассказывает про купца, который предлагает ему вырубить липовый сад на пубки. Речь не о заимствованиях, а о темах и сюжетах, которые предлагает Время.

Крамской знает и любит писателя Льва Толстого; творения Толстого

(скажет он однажды) помогают ему делаться человеком. В силах ли он не стремиться написать портрет Толстого!..

Вскоре после завершения работы в письме к Репину (еще с Толстым незнакомому) Крамской сообщит коротко: «А граф Толстой, которого я писал, интересный человек, даже удивительный. Я провел с ним несколько дней и, признаюсь, был все время в возбужденном состоянии даже. На гения смахивает».

«На гения смахивает!» Для работы над портретом, как и для понимания, для ощущения его, необыкновенно важно! Крамской почувствовал гениальность Толстого раньше, чем многие из современников. Крамской — завзятый портретист, среди тех, кого он пишет, немало людей незаурядных, а тут — «все время в возбужденном состоянии!» Не шутка — писать гения и написать гения!

Кисть Крамского открывает могущество Толстого-мыслителя. Его огромный, выпуклый лоб, «сильно надвинутый на глаза», по образному выражению одного из близких писателю людей, будто сформован мощной работой мысли. Его пронизательные серые глаза, пристально устремленные на собеседника и одновременно в глубины собственного «я», поражают зоркостью видения мира вокруг и пронзительной, исповедальной искренностью. Об этом замечательно пишет Чернышевский, разбирая творчество Толстого: писатель умеет «уловлять» таинственнейшие движения психической жизни человека, диалектику его души, и в этом ему помогает способность к самоуглублению, «стремление к неутомимому наблюдению над самим собою». И о том же по-своему пишет Репин, оставивший словесный портрет Льва Николаевича: «Мне всегда казалось, когда я смотрел ему в глаза, что он знает все, что я думаю, и при этом старается скрыть эту свою способность проникновения».

И вот что замечательно: пока Крамской трудится над портретом Толстого, в воображении писателя, а после в его романе, в «Анне Карениной», появляется новое действующее лицо — художник Михайлов. Можно ли сомневаться в том, что образ этот вбирает в себя множество наблюдений над трудом портретиста — это сделалось доступно Льву Николаевичу благодаря встрече с Крамским. Портретист Толстой внимательно наблюдает за работой портретиста Крамского, и новые впечатления выплескиваются на страницы романа. «Фигура вдруг из мертвой, выдуманной стала живая и такая, которой нельзя уже было изменить. Фигура эта жила и была ясно и несомненно определена. Можно было поправить рисунок сообразно с требованиями этой фигуры... Но, делая эти поправки, он не изменял фигуры, а только откидывал то, что скрывало фигуру. Он как бы снимал с нее те покровы, из-за которых она не вся была видна; каждая новая черта только больше выказывала всю фигуру во всей ее энергической силе...» Рассказ о работе художника Михайлова — это рассказ и о работе портретиста Толстого, материал которого слово, и о работе портретиста Крамского, создающего живописный портрет писателя.

Другой подвиг Крамского-портретиста — портрет Николая Алексеевича Некрасова.

Художник появляется в доме поэта в феврале 1877 года — Некрасов тяжело и неизлечимо болен. Приговор произнесен: «О муза! наша песня спета»; но песня еще не спета, не допета — в январе 1877 года «Отечественные записки» начали печатать стихи из «Последних песен»: поэт прочтается с читателями, сводит итог. Наступил час «рассчитываться строго за каждый шаг, за целой жизни труд...».

«Я дежурил всю неделю, и даже больше... работал по десяти, по пятнадцати минут (много) в день, и то урывками...» — рассказывает Крамской. Но это не только о том, как он пишет

портрет, это о том также, как Некрасов из ничтожных остатков времени и сил урезает крохи, чтобы позировать. Крамской торопится, пишет только лицо, голову; объясняет Третьякову: «Дай бог справиться мало-мальски хоть с этим, — задача, прямо скажу, трудная...» И «Доктора говорят, что (...) это может протянуться несколько недель, и что я, стало быть, успею еще...» Дай бог справиться: значит — успеть...

Он успеваает. Некрасов на портрете со скрещенными на груди руками, в сюртуке, при галстукке. Портрет выразителен, в нем трагедия умирания и сила духа, прозрения. Портрет похож, у Крамской полное право быть довольным собой; но в ответ на похвалы он отзывается коротко: «Нужно еще посмотреть...»

Повседневные дежурства, сеансы урывками, вдохновение, отмеренное, как лекарство, капельными дозами: «красками ткнешь то тут, то там» — и нужно прекращать работу; но он не спешит отмывать кисти, складывать в ящик краски, собирать мольберт. «Портрет Некрасова будет мною сделан еще один... Вся фигура на постели и некоторые интересные детали...»

Замысел быстро уточняется: не просто «вся фигура на постели», а «вся фигура на постели, когда он пишет стихи», — разница! Крамской один из первых слышит новые строки «Последних песен» — они питают замысел полотна. Итак: «Вся фигура на постели, когда он пишет стихи... В руке карандаш, бумажка лежит тут же, слева столик с разными принадлежностями, над головою шкаф с оружием охотничьим, а внизу будет собака...»

Шкаф с оружием охотничьим — не мысль, не декорация: он стоит по соседству, в кабинете, на нем — чучела птиц. Оружие наготове, и собака ждет, но хозяин не поднимается, не достанет ружье из шкафа, не окликнет собаку, хозяин на охоту не пойдет — сюжет трагедийный, выразительный, но — уточнение замысла продолжается, мысль расширяется: ни шкаф с оружием, ни собака на холст не попадут.

У изголодавшего поэта портретист помещает бюст Белинского, на стене — портрет Добролюбова. Он помнит стихи «Последних песен» о друзьях, унесенных борьбой:

*Песни вещице их не долеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.*

Мысль портрета ширится: от бытового — к духовному, от внешнего — к внутреннему; уточняется, углубляется не только образ поэта, но сюжет портрета, или портрета-картины, как сразу назовут его современники, или, может быть, просто картины!

«Некрасов в период «Последних песен» — в названии раскрываются мысль и сюжет. Немощный человек с грустно ожидающей собакой у ног, ружейный шкаф — это победа смерти над земными делами и привычками. Некрасов, его стихи, его друзья-учителя — Поэт, его Поззия, его Идеалы — это победа прожитой жизни над временем, победа духа над немощной плотью, победа Поззии, Творчества над смертью.

Дата на портрете-картине: «3 марта 77». Это не дата начала работы или ее окончания. 3 марта написано стихотворение «Баюшки-баю». Крамской отзывается о нем восторженно: «А какие стихи его последние, самая последняя поэзия 3-го марта «Баюшки-баю». Просто решительно одно из величайших произведений русской поэзии!» С пометой «1877 г. марта 3-го» стихотворение напечатано в журнале «Отечественные записки» и в отдельной книге «Последних песен». Эту книгу Некрасов дарит художнику. «Баюшки-баю» в самом деле — последняя песня: она венчает сборник. Это стихи о том, как бессильная, дряхлая муза отступает, опираясь на костыль, перед светлой надеждой Поэта, перед верой его в бессмертие Поззии.

Дата на холсте Крамской связана не с работой живописца, а с образом поэта.

Быть может, полное название картины — «Некрасов в период «Последних песен» 3 марта 1877 года». День прозрения: умирающий поэт поверил в свое бессмертие на освобожденной от оков, счастливой родине.

Крамской не раз, особенно в молодые годы, писал автопортреты. Самый известный создан в 1867 году, когда имя Крамской уже громко зазвучало в отечественном искусстве, когда с ним для многих художников и зрителей был связан и разрыв с Академией, и сплочение новых сил в русской живописи. Этот автопортрет похож на тот, словесный, который оставил Релин в своей книге «Далекое близкое», — он словно вспоминал учителя, Ивана Николаевича, поглядывая на этот автопортрет. Худое скуластое лицо, черные гладкие волосы, жидкая бородка, какая бывает у студентов и учителей. — «Так вот он какой!.. Какие глаза! Не спрячешься, даром что маленькие и сидят глубоко во впадинах орбит; серые, светятся... Какое серьезное лицо!». На автопортрете 1867 года — Крамской, подросток, по его словам, уже настолько, что не себе одному пожелал свободы, но готов был сделать все, чтобы и другие были свободны.

Последний автопортрет написан за три года до смерти на небольшом куске картона и по масштабу замысла тоже, пожалуй, просится в картины. Он и именуется не «автопортретом» — получил название «картинное»: «Крамской, пишущий портрет своей дочери».

Художник сутул, грузен, сидит на низком стуле, широко расставив согнутые в коленях ноги, как бы несколько придавленный к земле. Но «земное притяжение» уравновешено изображенным в центре картона портретом дочери, который пишет Крамской (самой девушки на картине нет — только ее изображение).

Темный и тяжелый, взятый со спины силуэт старого художника — и перед ним на холсте обращенное лицом к зрителю юное существо, возвышенное, солнечное, яркое.

«Вообще я окружен молодежью», — пишет в последние свои годы Крамской. Он рассказывает:

— Они меня сами научили понимать их иначе, чем, признаюсь, я, грешный, с чужого голоса понимал их, — это Крамской о молодых, о «нынешних»; о будущих. — Я сперва, сознаюсь, со снисхождением-таки стал прислушиваться, потом мало-помалу уже со вниманием. Дальше да больше, подсел поближе и шляпу снял. Нет, думаю себе, нам в их годы и в голову ничего такого не приходило. Куда ушли!.. Боже мой, куда они ушли! После я проверял еще их — и увидел, что уважать надо, положительно уважать, а не со снисхождением относиться...

«В деле искусства и старые и молодые — всегда ученики», — повторяет он и, сопоставляя труды своих товарищей по искусству с трудами тех, кто приходит им вслед, замечает: нет, друзья по поколению «не стали хуже, а только другие ушли дальше».

Разглядывая написанный Релиным портрет, он, учитель, портретист прославленный и единодушно признанный, спешит открыться младшему товарищу в горячей исповеди: «В первый раз в жизни я позавидовал живому человеку, но не той недостаточной завистью, которая искажает человека, а той завистью, от которой больно и в то же время радостно; больно, что это не я сделал, а радостно, что вот же оно существует, сделано... Так написать, как написаны глаза и лоб, я только во сне вижу, что делаю, но всякий раз, просыпаясь, убеждаюсь, что нет во мне этого нерва и не мне, бедному, выпадет на долю принадлежать к числу нового, живого и свободного искусства. Ах, как хорошо! Если бы вы только знали, как хорошо!»

«Искусство» обширно и неисчерпаемо, — повторял Крамской. — С каждым новым поколением открываются новые горизонты и новые пути, по которым должны еще устремиться художники в будущем».

„Отчизне посвятим“

Олег ЮРКОВ,
инженер,
Ленинград

Канун

*Случайна ли игра огня
в тот день шестнадцатого года?
Трамвая звон, и храп коня,
и дальний голос парохода?
Буксир, входящий под дугу,
взлетевшая случайно искра,
фигурки две на берегу,
к воде склонившиеся низко?
Случайна ли игра ветров,
с волны сдувающая гриву,
круговращение костров,
пльвущих медленно к заливу?
В тот полдень не было дождя.
И, может быть, под звон бокала,
в архив навеки уходя,
мсты империя сжигала,
пожары кланялись Петру,
прохладою тянуло с оста.
Горели барки на ветру
у Николаевского моста.
Никто не знал, по чьей вине
так все двоилось и дрожало.
И то, что не было в огне,
одной воде принадлежало.
Речь шла о выборе пути
для всех людей и человека.
Мост догорал, и крейсер века
в Неву готовился войти.*

Алла МИНИНА,
студентка,
Тбилиси

■
*Осенний вечер. Странное волненье.
Когда друг друга увидели мы,
Померкли звезды
на одно мгновенье
И вздох берез послышался из тьмы.
Наверное, не так все это было.
Им дела нет ни до кого из нас.
Да и неважно.
Я одна любила,
Мне дорог взгляд
твоих лишь только глаз.*

Юрий САМСОНОВ,
электросварщик,
село Синодское, Пензенская обл.

Сенокос

*На лесных дорогах утро мокнет в росах,
Солнышко играет на отбитых косах.*

*Просолились потом пестрые рубашки —
Ровными рядами валяются ромашки.*

*Белье ромашки, анютины глазки,
Вы ли повстречали косарей заправских!*

*С кем бы потягаться ради интереса?
Как махнем собою — свист пойдет по лесу!*

*...Жар пошел на убыль — свечерело ходом.
На большой поляне сели всем народом.*

*Подвели итоги, радуясь прокосам —
Сколько ж получилось миром да колхозом?*

*Вот ведь как бок о бок — вроде не устали,
А почти два стога за день нашибали!*

*Тут, пожалуй, скажешь: при таком зачине
Будет что в морозы пожевать скотине!*

Анатолий МАРТЫНОВ,
электромеханик,
Москва

Весенний лес

*Лучи скользят по кронам голым,
Тепло спускается с небес,
Нет суеты, лишь птичий гомон
Весенний наполняет лес.*

*И небо замерло над лесом
Яснее девичьих очей,
И зажурчал веселым смехом
В кустах невидимый ручей.*

Иван БЛОХИН,
преподаватель,
Калининград

■
*Отдыхаю на родной сторонке.
Вот и вновь,*

*устав от уймы дел,
От пилы и от поленьев звонких,
Я спешу к целительной воде.*

*Омут и упругое течение.
Стоит окунуться раз-другой,
Перерезать грудью волн кочевье,
И усталость снимет как рукой.*

*Мальшья дурашливо резвится.
Дяди в сальто не уступят, чур!
Строгий голос:*

*«Хороша водица,
Но пора закончить перекур».*

*Это — комбайнеры зашепили.
Им в страду, конечно, недосуг.
Говорю старшому:*

*«Ты машине
Отдохнуть бы дал поболее, друг».*

*«Некогда,
ведь мы не на курорте», —
Обернувшись, бросил он, язвя.
Я ворчу,*

*оправдываюсь вроде:
«Черт возьми, и пошутить нельзя».*

Валентина ХАНАДЕЕВА,
служащая,
Москва

■
*Россия —
Рос сиянье
На утренней заре.
Россия —
Расстоянье
Лесов, равнин, морей.*

*Россия —
Рост и сила
Заводов, городов.
Россия —
Расцветила
Дворы каймой садов.*

*Россия —
Россыпь хлеба
На земляных токах.
Россия —
Жизни слепок
В возвышенных руках.*

*Россия —
Росплеск света
Над спящею водой.
Россия —
Росчерк ветра
За взмывшею звездой...*

Выбираем РИСК

Уже много лет подряд в начале осени собираются на живописном берегу Московской реки мотогонщики. Тишину осеннего дня разрывает рев мощных современных моторов. На поворотах буристой трассы мотоциклы кроссменов заносит, подбрасывает на коварных кочках, из-под колес соперников, несущихся впереди, бьет ветер шприца, яростно хлещущего по защитным очкам... А потом взлетает в воздух счастливый победитель. Качают его сокурсники — так в Московском инженерно-физическом институте традиционно отмечается начало учебного года.

В 1948 году группа студентов, получив несколько стареньких мотоциклов и отремонтировав их, организовала в институте мотоциклетную секцию. В числе этих энтузиастов был и Владимир Ганцев. Воина оставила этому человеку горестные воспоминания. И еще правой рукой и два пальца на левой руке. В институт Ганцев поступил со справкой о том, что он инвалид Отечественной войны первой группы. Но воля человеческая, по-настоящему нацеленная на цель, способна творить чудеса: уже на первом курсе вместе с товарищами совершил он мотопробег Москва — Ле-

нинград — Москва. Первый, с которого все и началось. Много сил отдал Ганцев развитию мотоспорта в институте. И следующее поколение студентов об этом не забыло: по предложению членов мотосекции Федерации мотоспорта СССР принято решение о включении мотокросса МИФИ, посвященного памяти В. А. Ганцева, во всесоюзный спортивный календарь.

Сегодня осенний кросс собирает сотни зрителей. И всякий раз уже без малого четыре десятка лет не подальше от стартового горodka можно встретить высокого седовласого человека с крупными запоминающимися чертами лица. Это один из орга-

низаторов еще первых соревнований, ветеран мотосекции МИФИ Георгий Жемочкин.

— Для меня мотокросс, — говорит Георгий Валентинович, — это не только спорт с присущим ему накалом страстей и непредсказуемостью результатов. Это еще и доскональное знание всех узлов и деталей мотоцикла, конструкторские навыки, любовь к технике. А какой же мальчишка, скажите, ее не любит? Я, например, таких не встречал. И потому повторяю и буду повторять: для подрастающего поколения, для молодых людей, готовящихся нести службу в рядах Вооруженных Сил,

занятия техническими видами спорта.

та, в частности мотоциклетный, являются неоценимым подспорьем.

Надо заметить, что в Московском инженерно-физическом институте так считает не только Жемочкин. Целиком разделяет эту точку зрения и знаменитый профессор кафедры физиологии, прославившийся в прошлом хоккеист Вячеслав Старшинов. Да и сами студенты гордятся своей мотосекцией, своими гонщиками. И потому, наверное, традиции, заложенные во времена Владимира Ганцева, остаются крепкими и по сей день.

Петр ВОРОНКОВ

фото Владимира ЧЕШВИЛИ

Сергей ИВАНОВ

НЕ СТРЕЛЯТЬ!

Был вечер. Люба в коротком сарафанчике, босая, обирала с грядки огурцы. И думала о том... эх... о том, как эти двое мальчишек сидят в кабинете напротив нее. А Николай Егорович запрятался где-то совсем в углу за сейфом. Так что не только ребята, но и Люба, кажется, забыла про него... Входит Сережа Камушкин.

— Привез?

— В поход ушел с какими-то товарищами...— Сережа ездил к тому, которого все зовут «Солдат-Юдин», а на самом деле он Валентин Сомов... И сорок рублей совпадают. Теперь Люба почти уверена: это был тот самый, которого она засекала на станции...

Мальчишки перепуганы... и не как маленькие дети, которым показали милиционершу — злую тетку, а по-настоящему: понимают, что сильно могут загреметь!

— Так зачем же вы это сделали?

Бормочут что-то невнятное... Такое странное ощущение — что и правду говорят, и в то же время врут!

— Четыре глаза — и ни в одном правды! — Шутка Николая Егоровича заставляет мальчишек вздрогнуть. Они и правда забыли про дядьку в сером костюме, тихо сидящего в сером углу.

— Ну? Сказать, о чем вы нам врите? Или вы сами скажете? Вас сколько было-то, а? — И не давая им наврать: — Вас же трое было! — Любе: — В третьем все дело!

Правильно! И моряк будто бы видел троих. И три папироски за кустом на Школьной дороге... Главное, они совершенно не могут объяснить, что хотели делать с этим револьвером.

Говорят, в истории с пострадавшим Глебовым просто тренировались на смелость. Чушь какая-то! И поэтому похоже на правду.

Но для чего бывают «тренировки»? Для «соревнований»? Стало быть, они все-таки готовили что-то серьезное?.. Зубов как услышал Любины мысли:

— Ребята! Имейте в виду. Теперь вся ответственность за совершенное этим револьвером лежит на вас! И вдруг, уже не в мыслях, а наяву, Люба услышала очень знакомый голос:

— У вас собаки нету? Мне надо войти!..

— Заходи! — ответила Люба громко. — Заходи, Соловьев!

И удивилась: как он меня нашел?.. А дело в том, что Люба носила им молоко, когда была совсем молодой девушкой. А потом бабка стала сама «к лесникам» ходить. Ну и Славка там был раза три. И видел Любу.

Они кое-как приплелись с Деминым из милиции. Сели на террасе. И когда молча съели все, что — тоже молча — дала им Славкина бабка, Демин с сомнением предложил:

— Ну что? Пойдем, посетим, что ль?

— Предательницу?.. Ну, пойдем.

Аленина мать листала каталог цен на товары легкой промышленности, изданный в ФРГ в 1978 году. Отец дышал лунной праной: четыре такта вдох, два — задержать дыхание, шесть тактов выдох.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала мать приветливо. — А, к сожалению, Алиски нет. Она уехала к подруге. — И добавила своим легким, как у опереточной героини, голосом: — К какой-то Лере Черниковой...

— Это она вам сама сказала? — напряженно спросил Славка.

— Нет. А что?.. Она записку оставила... в почтовом ящике... — И тут Аленина мать сама чуть удивилась, зачем это дочь оставила записку не дома на столе, а в ящике почтовом — словно чужая.

— А! Ну тогда все в порядке! — Голос у Славки был неправдоподобный, будто у той кошки, которая мышонка спать укладывала.

Они вышли за калитку.

— Чего? — спросил Демин. — Ты чего?

— Беги за мной! — прошептал Славка.

Записка как записка. Что же так напугало в ней Славку Соловьева? Для этого надо вернуться на

Рисунки Виталия Федорова

несколько часов назад, когда Алена, полная удивлений и опасений, вышла из калитки «солдат-юдинского» дома, постояла-постояла... Ну что ж, будем брать врага за рога!

Сперва она хотела потрясти Крысу, а потом: к чему эти крысотрясения? Надо сразу к Свинцову.

Итак, еще раз: что мы имеем? Юдин отсутствует сутки? Думаю, не исключено и похищение. Она, конечно, отлично знала, что похищение исключено. Да ведь хотелось, чтобы оно не исключено было, чтобы — пусть не совсем, но хоть немножечко — как в кино...

Неужели она во все это только играла? И потом будет играть — направляя тяжелое дуло пистоля на девчонок из компании неизвестной нам Маши Селезневой?.. В чем же суть этой свешей всех с ума взвешивания?! Просто в том, что дети стали играть во взрослые игры? Что они сделали поступки, ранее полные смысла, лишь игрой?! Полные любовного смысла, полные трагического смысла, полные веры, полные надежды... Игрой?!

Она вошла в калитку. Никого не было кругом. Проща к дому. Подергала дверь — заперто... Вспомнила, как она обнаружилась — и сегодня же, кстати! — Демина. Обошла вокруг дома. Увидела сараюшку с окном. И рядом удочки!

Она, конечно, не знала, какие именно удочки у Солдата-Юдина, а все же могла бы поклясться, что это те самые.

И здесь Алена совершила ошибку — постучала... Секунда, и Свинцов, который тщательнейшим образом наматывал кольцо за кольцом на малокалиберный патрон тонкую медную проволоку, чтобы патрон этот не выхлялся в гнезде револьверного барабана... Свинцов успел накрыть все куском ветоши.

Не дождавшись приглашения, Алена вошла сама: — Привет!

А Свинцов был слишком напряжен, чтобы ответить. Потом наконец до него дошло, что это Алена! Они вообще-то не особенно были знакомы. Но Свинцов замечал, что Алена им интересуется. Вернее, по своей неуверенности мог лишь подозревать об этом...

И еще плюс Крыса рассказывал, известный юбочник, как она прыгает, выдрючивается, а у нее под «мини» трусы в мелкий цветочек... Или какие-нибудь иные подробности в этом же роде... Свинцов потом, когда проходило волнение, под каким-нибудь предлогом врзал своему адъютанту, и тот никак не мог понять, чем опять не угодил Виталию Ивановичу.

Несколько секунд Свинцов и Алена смотрели друг на друга, а нервы их работали на повышенном напряжении... «Чего ты пришла все-таки, — думал Свинцов, — поговорить?..» Сумасшедшая мысль его посетила: что, если его взгляды возымели действие и Алена пришла «сама», как некоторые девчонки якобы приходят к некоторым мальчишкам...

— Рыбу удишь? — вдруг спросила Алена... Это было просто до смерти не то, чего ожидал Свинцов. Ему стало страшно, а вернее, обидно: вот и еще одна девчонка плевала на него. Алена в это время подумала: «Надо сразу взять власть!»

— Виталий Свинцов! Мы с тобой можем... крепко подружиться. — Она улыбнулась ему, чтобы окончательно обезоружить. — Но сперва: где вещь, которую он тебе принес? Он принес не только удочки!

Теперь совсем иной страх наполнил душу Свинцова. Много раз уже тут мелькало слово «деньги», являясь образ денег. Но в этом моменте действия образ хрустящих бумажек встал так грозно и огромно, что для Алены уж не осталось места. И если бы она могла сейчас заглянуть Свинцову в душу, она бы ужаснулась, сколь малым микробом существует там.

Револьвер — десять тысяч... И надо было скорее спастись от этой лягушки, которая собиралась все поломать!

Сейчас скажу: «Какая еще тебе вещь?» Нет, скажу: «А ну вали отсюда!» И матерком как шарахнул! Не поможет!

При том, что на лице его не отразилось ни тени... — А зачем тебе эта вещь?

— Значит, надо! — ответила она властно и важно. Он постоял, изображая мучительное раздумье.

— Ладно! Поехали!

— Куда это еще?

— Туда, куда надо... Она у Юдина... Мне-то лично в это путаться неохота!

«Припутается», — подумала Алена, — припутается как миленький...» Ей теперь хотелось взять за хобот этого «главаря» и вести, куда пожелаешь... К Машке Селезневой! А ведь неплохо будет с ним туда войти.

Свинцов гнал мопед, круто объезжая лужи, нисколько не жалея мотор и колеса. Это всегда приятно в людях — когда они не обожают железки, как родную бабушку. Когда, вернее, они могут себе это позволить... И куртка на Свинцове была, кстати, очень не слабая... Чтобы приручить его, Алена покрепче обняла лихого Виталия Ивановича — скользкая дорога вполне к этому располагала.

А он все время чувствовал у себя за спиной лишь опасный груз, рюкзак со взрывчаткой.

Наконец Алена увидела поляну среди леса и три строения. Адъютант Крыса бежал к ним, готовый сде-

лать то, что ему прикажут. Это все понравилось Алене. Она не чувствовала никакой опасности.

Свинцов, однако, проехал мимо, остановился у низенького, приземистого строения, так что Крысе пришлось возвращаться.

— Там? — спросил Свинцов. Крыса кивнул.

Свинцов отвалил железную щеколду. «Во, казemat!» — подумала Алена. И вдруг оказалась внутри! Это Свинцов, сильно взяв ее за руку, ввел за собой. В свете, идущем из двери, Алена увидела Солдата-Юдина, который сидел на широкой лавке под низким и закопченным потолком. Огромная, как танк, стояла печь. И тогда Алена догадалась, что это бывшая баня. И услышала едва уловимый, уже почти забытый этим помещением запах дыма.

Юдин встал. Физиономия у него была не с обычным лисим оттенком, а какая-то испуганная и бледная. Впервые Алена царпнула тревога. Она оглянулась на дверь. В ней стоял Крыса. И такая поза у него была... Если бы Алена сейчас захотела выйти, он бы, пожалуй, не пустил!

И тут Свинцов вынул из-за пояса пистоль — совершенно оттуда, где его таскал Славка!

— Почему она все знает? — И свободной левой рукой Свинцов дал Солдату-Юдину оплеуху. Солдат сразу заплакал, но молча, без криков и всхлипов, а лишь тихонечко, тонко: «Ннн». Так, наверное, мухи плачут, попав в гости к пауку.

Алена еще не верила, что мухой сейчас станет и она. И поэтому она не могла не восхититься выдержкой Свинцова. Спокойненько ее обдурил, приволок сюда. Однако Алена еще не позволяла себе бояться.

— Эй, Свинцов! — она сказала. — Я не люблю, когда при мне бьют детей.

Она ведь еще не понимала, что Свинцов обморочил ее только из-за денег.

Прищурившись, Свинцов смотрел на Алену.

— Ну хватит, Виталик. Если ты собираешься со мной дружить, то так себя вести не надо. — Она протянула руку.

Свинцов быстро отступил:

— Тихо, детка. Он заряжен... Крыса!

Тут же Крыса оказался около Алены, толкнул ее, словно она не была девчонкой. От неожиданности Алена неловко попятилась, задела печку, села на скамью, ударились затылком о стену... И поняла: с ней церемониться не будут.

Что-то надо было сделать. Только не умирать от страха!

— А ведь ты наврал, Свинцов! Револьвер-то не заряжен!

— Да?

— Я его лучше тебя знаю! Это старинное оружие, и пули для него нужны старинные!

— Да? — снова сказал он с идиотской надменностью. Сел на лавку около Алены, вынул из кармана два патрона, аккуратно обмотанных проволокой. — Револьвер-то старинный, а голову надо иметь современную, понятно? — Он щелкнул собачкой, трянул ствол, как это делается в ковбойских фильмах. И, как в ковбойских фильмах, револьвер переломился наполовину. Свинцов вставил патроны, засмеялся и направил дуло прямо на Алену. В животе лягушкой плюхнулся страх. Невольно Алена отпрянула. Такая злость охватила ее и снова страх... «Ладно. Я отпущу!»

Свинцов и Алена слишком увлечены были соревнованием друг с другом. И не заметили, какая растерянность и какой страх появились на лице у Крысы при виде револьвера.

— Кстати, а зачем тебе пистоль? — спросил Свинцов, пряча револьвер за пояс.

— А тебе зачем? — Она старалась хотя бы в насмешливости голоса ему не уступить.

— А я его отобрал у хулигана! — Он показал на Солдата-Юдина, который с тоской и страхом следил за всем происходящим. — А теперь и ты попалась! И вот я думаю проверить: если этой штукой совершено преступление, я снесусь с милицией. А если нет, то поклонитесь мне в ножки, я пистоль выкину, а вас отпущу. Так что сидите тихо!

Поговорка верно замечает: на всякого мудреца довольно простоты! И Свинцов, когда обманывал Алену, очень удачно следовал этому умному правилу. Он только не знал, что всякий может сделаться таким «мудрецом».

Вот и Алена сейчас прилагала очень мощные усилия, чтобы не выдать ехидства и догадки: «Говоришь, миленький, что отнесешь его в милицию? А зачем патроны делал?..»

Спросила спокойно:

— И сколько же ты собираешься меня тут держать? — Два дня... Устроит?

Тут на нее снизошло вдохновение. Алена чисто подвечной, бессильно ударила Свинцова в плечо и громко зарыдала. Только Солдат-Юдин, который много наблюдал за Аленой, сразу подумал: «Врет!» Но, естественно, промолчал.

Сейчас не было на земле более безграничного повелителя над Аленой, чем Свинцов, — так он себя ощущал. Хочешь, щелбан ей врежь, чтобы заткнулась, хочешь — дружески потрепи по щеке, хочешь — что хочешь!

— Замолчи! — сказал он сурово. — Вообще не выпущу.

Алена рыдала, закрыв лицо руками. Сквозь сомкнутые пальцы проступали слезы — это было волнующее зрелище.

— Знаешь, мама как беспокоиться будет! Можно, я хотя бы записочку напишу? — и замерла: «Ну, хватай крючок, акула».

И «акула», естественно, согласилась в великодушии своим. Тогда Алена, к удивлению Свинцова, но все же к удивлению Солдата-Юдина, достала из заднего кармана штанов блокнот и карандаш... Юдин-то знал, что Алена просиживала над этим блокнотом довольно много времени. Сидит и сидит, как памятник. Ей нормально — она может комаров отгонять. А Солдату-Юдину каково в засаде?

Она, конечно, не просто так сидела. Она сочиняла стихи! И даже неплохие, хотя и диковатые, такие слишком уж на современный лад. Одна из ее поэм называлась «Смерть юной наркоманки» — про девушку из Лондона, которая была далекой праправнучкой Отелло и Дездемоны...

А странно все-таки: ей бы, Алене Леоновой, стихами заниматься, а она силы гробила, чтобы войти в «круг» Маши Селезневой.

Сейчас холодной рукой Алена пролистнула свою поэму, вырвала чистый лист и написала... что она уезжает к Лере Черниковой. С Лерой Алена училась с шестого класса по восьмой. А в четвертой четверти восьмого класса эта Лера вышла однажды к себе на балкон седьмого этажа и сделала сальто вниз через перила. Она, оказывается, была влюблена в какого-то там тренера по какой-то там гимнастике! Она и сама была кандидат в мастера... Очень такая приличная девочка, немного бледная, никогда не лезла никуда. А уже два раза была за границей.

В лесу смеркается рано и быстро. Еще в Скалбе никто, наверное, не думал и свет зажигать, а здесь, на поляне, было уже глухо. В окошке их прокопченной тюрьмы виднелся закат. Но закат был где-то далеко, а сумерки близко! Потом вдруг и вовсе стало темно... Это в окошко просунулся Крыса.

— Я в дом ухажу. Смотрите, гады, кто крикнет, прямо буду убивать! — сказал он голосом злым, но каким-то неуверенным. Алена и Солдат-Юдин ведь не знали, что Крыса жутко боится истории с револьвером и мечтает бежать.

Крыса убрался восвояси — опять стало светлее. А уж тихо — до ужаса.

— Эй! — прошептал Юдин. — Давай крикнем!

— Иди ты отсюда, придурок! — сердито ответила Алена. Она еще раз посмотрела в окошко, которое было никак не больше, чем кирпич. Темнело. И не хотелось кричать в этой глухой тишине — накликивать.

— Кто здесь услышит? Лешие?!

Свинцов в это время с идиотской тщательностью виток за витком наматывал проволоку на патрон. И говорил себе: «Настучит Алена!..» И тут же появлялась высокая стопка — деньги. Свинцов даже не знал, какой величины ее себе представить — десять тысяч. Но что-то огромное! И он думал: «Алена? Куплю... Юдина-то просто можно припугнуть... А Крысу тоже куплю!»

Он сделал еще один патрон, сунул в гнездо барабана — годится!

Уже совсем стемнело. Уже Демин и Славка побежали к Любе Марьиной... Свинцов сунул пистоль за пояс: «Хватит с него — четыре патрона!» Ведь самодельный тот был тоже четырехзарядным.

Выключил свет в мастерской, запер дверь... словно уходил отсюда навсегда... Опять мурашки по спине... Вбежал в дом. Родители неторопливо пили чай. Свинцов почувствовал, что он голоден как собака и хочет чаю. Но не смог бы просидеть здесь и минуты.

— Сынок! — сказал отец очень мягко. — Ты бы...

— Не могу, зарез! — глухо пролаял Свинцов. — Я сегодня не дома ночую, мам... У друга...

— Да ступай-ступай! Ты большой... Смотри там, акkuratней! — И подмигнул сыну.

Градус сидел один за бутылкой портвейна. На промасленной серой бумаге лежала горка жареной мойвы с вылупленными черными глазами, стояло блюдо с крупной серваторой солью и рядом полголовки несвежего лука. И кирпич хлеба, от которого Градус просто отламывал куски.

— Ты куда лезешь? — спросил он Свинцова с обычным своим презрением и скукой. — Тебя звали?

— Готово! — ответил Свинцов и, не спрашиваясь, сел к столу. — Ты налей товарищу!

Градус осторожно взял револьвер, повертел в руках — тоже с заметной осторожностью: он не умел обращаться с оружием.

Свинцову жутко хотелось что-нибудь ему сказать такое — излишне веселое. Сдержался. Молча взял пистоль, быстро показал, как его делать. Вынул патроны, потому что Градус осваивал науку не слишком ловко. Наконец, когда у него все стало получаться, Градус стукнул Свинцова по плечу и спросил радостно, словно лишь теперь увидел пистоль:

— Ты где его надыбал?

— Долго рассказывать! — Свинцов с удовольствием жевал мойву. Как ни странно, она была вкусна!

— Ты давай рассказывай! — выпучив коричневые маляньиные глаза, Градус глядел на Свинцова.

— Ну, у одного хмыря болотного... Он приходит... Гарусову Геннадию не везло в жизни. Он родился тугодумом. Тому много разных причин, описанных в специальной литературе. И не об этом сейчас речь. Но Градус родился им! И это значило, что в школе его тянули из класса в класс на привязи необходимости и борьбы за высокий процент.

А он был не глупый, не умственно отсталый. В специальную школу взять его не имели права. Просто ему на растолковку надо было времени раза в два больше, чем другим. Это теоретически. А практически, конечно же, никому ты не объяснишь, что я, мол, не дурак. Его за дурака и держали... Василь Василич — у них такой был математик, страшно рассеянный человек: «Гарусов», — он говорил. Потом: — Ах, да... Садись-садись. Три».

Кому же понравится такое житье? Врезал бы обидчикам, да спортивными статьями Градус тоже не отличался. Тогда он и встретил на своем пути Усача. Усач всех принимал... Как-то у него Градус увидел потрясущую зажималку. Усач ее называл «симпотная».

— Нравится? — хлопнул Градуса по плечу. — Вот подрастешь, курить будешь — подарю!

С тех пор, наверное, он и закурил по-настоящему. Однако подарка не последовало...

Усач их учил уму-разуму: нету денег — достань, а товарища опохмели. И на следующем «занятии»:

— Что значит «украл»? Ты разберишься. Ты за десять минут, за мгновение заработаешь четырнадцать тыщ «Ковбойкам» надо четырнадцать тыщ зарабатывать десять лет! — «Ковбойками» он называл работу. — А мог бы и четырнадцати тысяч не заработать и на десять лет свободы лишиться. Так что, сынки, никакого воровства нет, все честно! Рискуешь — имеешь. А если ты «ковбойка» по натуре — тогда иди гуляй...

Усач придумал брать магазин, в который можно было влезть через заднюю стенку... Там когда склады делали, то материала не хватало и один пролет просто зашили фанерой — временно. Потом строители ушли на другой объект, ну и... как это обычно бывает! А Усач узнал. Говорит продавщице:

— Чего это у вас, Люсенька, дуэт?

Она ему, дура, и расскажи, что стенка тоненькая...

Но, оказывается, всю эту стенку уже опутали сигнализацией, пока они «телепальцы»... На дознании Градус все брал на себя, как малолетка, которому ничего не будет, то есть вел себя «по законам». И ничего не добился. Никакого слуха по колониям не ходило о том, какой он орел. Там были свои законы. Пришел в барак, узнай, кто главный, подлизись, отдай, чем богат, и замри. Потом тихо оглядывайся, кто еще тебе может в рыло дать, кроме главного. А кому ты. Все, наука окончена.

У этой девчонки, Алены, родители сказали:

— Да мы не знаем, когда она вернется! — И с таким недоумением, словно Люба спрашивала о чем-то неприличном.

Потом пошли к тому, которого называли Солдат-Юдин, который продал револьвер. И который ушел в школьный поход... Поход тоже был какой-то странный — с одними удочками.

— Да тут уже приходила, спрашивала, Леоновых дочка... — Отец разговаривал, а другим глазом все время глядел на «Динамо» — «Днепр».

Мать вышла за ними на крыльцо. Спросила шепотом:

— Ничего не случилось? Правда? — И все тайком, чтобы семейное счастье не развалить нечаянным скандалом. Но муж ее всем интеллектом был погружен в телевизор.

Двое мальчишек — Демин и Соловьев — ждали ее у калитки.

— Алена была у Солдата? Так... И потом исчезла... — Переглянулись. — И Солдат исчез!

— Вы не каркайте, умники! — сказала Люба. В голосе ее была не столько сердитость, сколько желание тревогу отогнать.

Потом она произнесла им фамилию: Старостин. Мальчишки опять переглянулись... Пошли к Старостинным.

Но эта мать Любу просто обругала:

— Из милиции? Да хоть откуда! Нету его. В походе... Не знаю. На это школа есть!

— Чего дальше? — спросила Люба у мальчишек, которые ждали ее в темноте берез у калитки.

— Чего ж, все ясно теперь, — сказал мальчишка, который звал себя Демин. — Надо к Свинцову двинуть, согласен?

И тот, которого звали Славка, кивнул.

— А кто такой Свинцов? — спросила Люба, хотя и помнила, конечно, фамилию в истории о самопальчике.

— Да самый главный в этом деле, я так думаю, — сказал Демин мрачно. — Согласен, Славист?

И Славка снова кивнул.

Тут Люба уж не выдержала:

— Вы что же? Опять саботажничаете? Самый глав-

ный — Свинцов, они меня таскают по каким-то второстепенным ребятам!

— Ну мы же не знали! — сказал Славка расстроенно. — Пока всех не обошли, мы откуда же могли догадаться-то?

И тут Люба — совсем не по ситуации — неожиданно рассмеялась. Ей вспомнился деревенский участковый, который вполне уверенно говорил ей: «Ну, а если тебе не скажут, кто убил, как же ты узнаешь?»

Вот и эти двое мальчишек были обычные сундуки. Мирные жители. И никакими особыми методами дедушки не владели.

Перед свинцовским домом Славка спросил Демина:

— Пойдем?

— Да ну его в хвост! Не хочу я светиться!

— А я пойду!

— Виталик? — спокойно переспросила свинцовская мать. — Он сказал, что будет ночевать у товарища...

— А не знаете, у кого?

— Да он... Нет, не говорил.

В другой комнате у телевизора сидел мужчина... Люба узнала директора железнодорожных мастерских товарища И. В. Свинцова.

— А скажите, пожалуйста, — вдруг вступил Славка. — Тут к нему девочка такая должна была зайти сегодня. Дачница, симпатичная такая, вы ее знаете, Алена Леонова...

— Я не видела...

— А вот парнишка такой невысокий, с удочками. Вчера?..

— Я вот не приметил... — И на Любу посмотрела с удивлением и строгостью: чего это пришедший с вами «ребенок» задает мне столько вопросов?

— Извините, — сказала Люба и приобняла Славку за плечи. — Это мой младший братишка. Он у вашего Виталия куртку оставил, такую джинсовую... Где оставил-то? — строго спросила она у Славки. — Где тир, что ли, брат?

Мать даже изменилась в лице:

— Да нет! Мы... Нашему Виталику чужого-то не надо! И отец у нас, слава богу... Пойдемте-ка! — Она повела их на задний двор. В свете, падавшем из окон, нашла ключ на гвозде, вбитом в березу, открыла мастерскую, включила свет.

— Удочки! — сказал Славка.

— Ты куртку смотри! — будко строго сказала Люба. И увидела на верстаке в ящике железную трубку с...

мушкой на конце. А вот и рукоятка вместе со спусковым крючком. — Что это? — спросила Люба у матери.

— Железки его! — ответила та удивленно.

Н-да! Вот и пожалеешь, что начала осмотр таким полузаконным способом.

— Нету куртки-то, Слава?

Славка поднял что-то, чего Люба не заметила, протянул ей... малокалиберные патроны! Люба повернулась к матери:

— Да у вас тут целый военный склад!

— Я не понимаю! Может, я позову мужа?

Лучше сейчас, чем потом, подумала Люба, тяжело будет, но лучше сейчас.

— Да, зовите! — сказала она.

Иван Витальевич явился в домашних тапочках, в свободных домашних штанах, но «поверху» в парадном пиджаке. Хороший пиджак придает мужчинам определенного сорта уверенность. Строго сказал:

— Прошу прощения!

— Капитан милиции Марьяна! — ответила Люба. Протянула отцу полусобранный пистолет и патроны.

— Что? — спросил Свинцов-старший, сердито глядя на жену, потому что надо было на кого-то смотреть сердито. — Опять старая история? Ты мне говоришь — куртка!

— «Старая история» была отобрана у него три года назад. А это новая история! Вы все же не знаете, где сейчас ваш сын?

Иван Витальевич смотрел на Любу, соображая, чем ему это все может грозить, насколько ему стоит бояться лично Любы и насколько законно все, что здесь происходит.

— Так. Понимаю вас, — сказал он наконец. — А что, если мы поговорим обо всем этом завтра?

— Есть подозрение, что у вашего сына боевой револьвер.

Иван Витальевич покраснел, словно минуту или две до этого ему не давали дышать. А мама (теперь Люба уже не могла думать про нее «мать») вдруг сразу потерялась. Мучение было на лице ее. И по мучению этому быстро текли слезы, словно старались догнать одна другую:

— Виталий ничего дурного сделать не мог!.. Я мать, понимаете... И куртку мы вернем Любу!

Самому бы Градусу умереть, до этого не додуматься... А Усач привел его в микрорайон... Так называлось в Скалбе место, где, далеко отодвинув лес, заняв бывшие колхозные пашни, встала добрая сотня каменных домов — пяти-, семи-, двенадцатизэтажных... Какой там микрорайон!.. Новый город!

А вся остальная Скалба была деревянная, личная.

И вот Усач привел Градуса, посадил под сосну, сказал:

— Смотри, сынок!

Они увидели, как к дому напротив... сберкассы это была, вернее, отделение Госбанка, подъехала «Волга».

— Видишь, — сказал Усач, — это кассирша, баба рыхлая. Замахнись — глаза закроет!

Кассирша перешла по тоненькому мостику через канаву, завернула за угол, вошла в дверь.

— В машине Гришка с пистолетом, — продолжал объяснять Усач. — Он по идее должен ходить с ней. А чего тут ходить, он считает. Тут же ей пройти от кассы до машины двадцать шагов. А не видит того, что ей за угол заворачивать! — усмехнулся. — Ладно, не наше это дело! Но Гришка иногда с ней ходит. А уж точно он не ходит, если день полочки выпадает на среду.

— Почему?

— Вот именно — почему? — опять усмехнулся Усач. Он умел так с презрением усмехаться. Градус тоже потом научился. И в колонии ему за это доставалось.

— Ну? Не знаешь, почему? — ткнул его в темя твердым пальцем Усач. — Эх ты, грудная жаба!

— Почему грудная жаба? — улыбаясь, спрашивал Градус. Ему нравился Усач, и когда он его хвалил, и когда он его ругал.

— А потому грудная жаба, потому что ты головастик. Тебя еще, как головастика, надо грудью кормить. Только не бабьей, а жабьей! Вот отчего имя твоё «грудная жаба».

— А среда здесь при чем?

— В этом тонкость! Как среда — газета ваша печатает кроссворд. И Гришка-дундук его угадывает. Вот так! «Человек из шести букв»? Ответ: «Дундук»!

— Так сегодня среда! — вдруг с радостным ужасом догадался Градус.

— Ша, киндер! — И Усач крепко положил ему руку на голову, что даже в шее у Градуса что-то трюкнуло. И потом долго болело. — Ша! Киндер! — потому что из сберкассы вышла кассирша с чемоданчиком. — Вот тут ее и надо брать! И у всех вроде на виду. А никто не видит! И сразу на велосипед, чемоданчик на руль. И по тропинке фугуй. Гришка на «Волге» не проедет, а пеший — он курит по две пачки в день.

Градус смотрел, как толстая кассирша развалистой своей походкой перебралась через канаву, сказала что-то в окошко машины, села... Машина тронулась! С чемоданчиком, с деньгами.

— А что же мы, Усач?

— Пушка нужна!

Теперь современные говорят «пистоль». А Усач по-староблатному «пушка».

— На кой она здесь нужна-то?

— Кассирше предьявить, понял? Уж кассирши в пушках разбираются? — Усач хмыкнул. — А когда чемодан взял, ее по черепу слегка... чтобы она сразу-то не заорала. И чтоб у тебя время было на отъезд.

— Да что ее, нельзя кирпичом шархануть?

— Молчи, дура, — сказал Усач, как будто его тоска брала. — В таком деле, очень может, стрелять и не придется. А пушка нужна!.. Как тебе растолковать попонятней? Дело — крупняк! На такое дело без пушки идти — бога гневить, форта не будет!

И тут как раз подвернулся Свинцов со своим тиром. Эх! Как же мечтал Градус прийти к Усачу и выложить пистоль! Усач только головой покачает: «Молодец, сынок!» И больше ни слова. А Градусу больше ничего и не надо!

Но потом все мечты вдребезги — когда они погорели на магазине... Усач загремел, Градус загремел...

Когда он приехал обратно в Скалбу, про Усача нигде

и никто не слышал. Мужик, однорукий Серега, у которого снимал Усач, сказал, что не появлялся Эдик и уже три года должен быть рублей, а если Градус, мол, не отдаст сейчас же...

Градус хотел двинуть ему в рожу и сказать, что он отсидел свое. А потом подумал, зачем ему это надо — шум. Да и бить однорукого... Он дал пятерку, плюнул и ушел... Конечно, на бутылку Серега сшибал, а не какой не долг!

Потом вроде для смеха Градус сходил к сосне, у которой они сидели с Усачом, и увидел, что все осталось, как было. Все буквально: и кассирша, и канава, и Гришка, который по средам изучает свой кроссворд.

Градус вообще-то не хотел на Скалбе застревать. Но тут сестрица нашла его:

— Гена! Здравствуй!

За три года ни разу не вспомнила, сухаря ржавого не прислала, а как он в бывшем материнском доме поселился... Сестрица Тонечка... Она, конечно, не одна приехала с мужем. Одна-то она Градуса боялась. А тут все-таки свидетель.

— Я хочу с тобой поговорить по поводу дачи.

В смысле этого вот дома. Где она жила и выросла!.. А как за московского вышла — значит, стала «дача»!

Но Градусу она предложила неплохие условия. Полторы тысячи денег, справку на три месяца, что у него радикулит, постельный режим, чтобы он мог погулять лето красное. А Градус за это дарственную на свою долю земли и дома, что мать завещала.

Градус сразу говорит:

— Согласен!

Лето отгуляю, потом костерчик разожгу посреди комнаты — и аля-ую! Вот и дарственная! И, подумав так, он прибавил:

— Чтобы только ваших харь я за лето не видал!

Только одно ему не нравилось: что надо на велосипеде уходить. Ведь любой дурак побежит — догонит... И когда он услышал за окном треск свинцового моледа, опять его осенило: вот оно! Выгоды те же, велосипедные, а гоняет как зверь! Уж его пешком не догонишь!

Но теперь, дослушав рассказ Свинцова, Градус просто в ужас пришел. Столько народу припутать! Вот возьми они сейчас да сбеги отсюда?.. Чего? Трудно, что ли? Ножичком где надо проковыряй, и хорош! Прибегут к папке-мамке... А те в ментовку...

— Ты что сделал, хмырь?

Конечно, Свинцов стал божиться, что не убежит... Такое глупое положение получилось у Градуса: не верить — значит надо прямо сейчас куда-то исчезать, а здесь все бросить навсегда.

Исчезать ему было некуда, денег осталось с гулькин хвост. Приходилось верить этому слезняку.

— Уйду! — смотри, Свинца! — И то был голос уже вооруженного человека, Градус это сам услышал.

— Ты не бойсь, — говорил Свинцов, — они сами бояться! Один малолетка, одна девка. Да Крыса на охране!

— Девка?.. А сколько лет?

— Шестнадцать! — ответил Свинцов, подмигивая, как будто он жутко понимал в этих делах.

— Товаристая?

Но ему не требовалось никакого свинцовского ответа. Он сидел, мечтательно прищурился:

— Сидит там, да? Ждет?!

И потом без всякого перехода поднялся, сделал два шага и упал на кровать. Через секунду уже спал, ничего не видя и не слыша.

Свинцов стянул тапки, лег на диван, под который Градус заметал мусор. «Сплю в одной комнате с настоящим вором!» И правда заснул.

В ту минуту, когда уснул Свинцов, Люба Марьяна поняла, что ей не уснуть, и встала. Подумала включить свет. Но для того, чтобы просто сидеть и мучиться бессонницей, света вполне хватало от луны, висящей в верхнем правом углу окна.

На мгновение Люба испуганно замерла и тут же улынулась. Ее испугало привидение, глядевшее на нее из зеркального шкафа, — нечесаное, в длинной ночной рубашке... Вот тебе и милиционерша со стажем работы. Сама себя испугалась!

Но очень скоро вся ее веселость отлетела без следа. Чувствовала Люба: что-то недоделано... Что же? Да вот. Например, Свинцов. Ведь Люба прикидывала его как вариант! И отставила. Просто пожалела — зачем мальчишку трясти? Был когда-то «самопальщиком». Но уже три года ни одной помарочки. А кто старое вспомнит... И в девяти случаях из десяти она была права... Девять из десяти — ведь это очень много! С таким кпд удачи ни один человек не живет. Только самые везучики... Значит, можно его игнорировать, этот один шанс из десяти. Можно, но только не тогда, когда револьвер попадает в руки мальчишек!

Сказал матери: «Переночую у товарища», — может значить все, что угодно! Этот, которого они зовут Солдат, сказал, что уходит в поход, и пропал. Девочка пишет записку, что уехала к подруге, которой нет в живых.

Что же она хотела? Просто напугать. Она хотела предупредить. О чем? О том, может быть, что она попала в западню?

Свинцов: «Переночую у друга...» Друг (Старостин то

есть) «ушел в поход»... Есть тут хоть какая-нибудь доля истины? «Поход» — это значит, они все-таки выбрались из Скалбы... Или сидят в каком-нибудь из домов?

Ну? Что ты выбираешь? Выбираю какое-то логово вне поселка! Почему? Ну, потому хотя бы, что эту Алену надо где-то держать в плену! Ведь если она разорется и если ее услышат... Ох! Страшно подумать, что могут сделать два орла шестнадцатилетних с одной девочкой!

Нет. Раз ей разрешили написать записку... Или вынудили? Люба включила свет, разглядела на столе эту бумажку... страничку из блокнота... Почерк твердый. И в слове «Алена» над «е» точки не забыла поставить. И знаки препинания все в порядке: мама, запятая, я... и так далее...

Скорее, можно представить, что она эту записку писала со злостью и с веселостью внутри! Ну правильно: она же им в руки отдавала мину!

Господи, так ли все? Не слишком ли я много фантазирую? Нет, берем эту версию. Где-то у них логово... Это же дело-то знакомое: мальчишки всегда устраивают в лесу секретные посты, крепости...

Шалаш или землянка, костер. Трое мальчишек, пленница и револьвер... Люба вспомнила, как она показывала малокалиберные патроны, найденные у Свинцова, Славке и Степке: «Подойдут?» А те только ушами хлопают...

Да не должны бы подойти-то! Музыкальный Игорь Адольфович клянется, что пистолет старый. Вернее всего, дореволюционный. Мальчишки показывают то же... А тогда практически никакой унификации боекомплекта не существовало.

Да, хорошо у меня получается! Нашему бы теляти да волка съест!

Однако, делать нечего, надо терпеть. Завтра в семь явятся Славка со Степкой, Люба пойдет по всем свинцовским друзьям-приятелям. Лишь бы лесная компания ничего не натворила!

Потом Люба стала думать про Демину и Славку... Уж такие оба симпатичные и готовы помогать... и на «вы», и Любовь Петровна... А если бы все вышло не так?.. Подросли вы, подростки — до чего хрупкое время жизни! Из маленьких выросли, в большие еще не попали. Стоят на ничейной земле, качаются. И любая беда их рада подстрелить!

Глебов вроде к ним ничего не имеет, тогда... ну так и закроем это дело, товарищи! С улыбкой вспомнила, как Глебов: я, говорит, решил их внутренне простить и поэтому не хотел вам сообщать. «Внутренне простить». А внешне прощай?

И тут пришли ей в голову странные слова: «равнодушная доброта». Решил простить... А револьвер по твоей милости гуляет где-то?!

Едва Славка и Демин расстались с Любой, едва оказались одни под фонарем, неуверенность и тоска опять подступили к ним... Из-под фонаря они побрели в темноту, незаметно стараясь касаться друг друга плечами.

— Давай у меня посидим немного, Дем?

Если бы посмотреть на них чужими опасливыми глазами, а особенно в этот глухой час, они бы могли показаться и высокими, и широкоплечими... Человека в грузчики брали — что уж там толковать!.. Но сами они сейчас себя воспринимали просто мальчишками, и у них было только одно желание — спрятаться куда-нибудь, лучше всего под одеяло. И вылезти, когда уже все пройдет и кончится.

Дверь открылась, вошла бабка, и Славка обрадовался ей, хоть было на кого немного переключиться:

— Привет, баб... Дай поесть... Ты чего не спишь, баб?

— Не сплю — тебя караулю! — ответила бабка в своей обычной, чуть сварливой интонации, которая, впрочем, ничего не значила. Дверь в дом осталась открытой, было слышно, как бабка стучит ножом по резальной дощечке — готовит бутерброды. И одновременно она выговаривала внуку.

Славка слушал ее и улыбался. Ему, «пережившему столько», казались забавными бабкины стоны из-за того, что сюда приходили Аленыны и юдинские родители... Конечно, придут: любимые детки усвистели в неизвестность...

А бабка считала, что их визиты и на Славку бросают тень. Ведь не к кому-то пришли другому, а к ее внуку.

Они и у бабки-то очень подозрительно выспрашивали: мол, сами вы не знаете ли чего?

— Да не надо тебе ничего этого знать, — сказал Славка, все еще радуясь отдыху от тяжелых мыслей, который дала ему перепалка с бабкой. — Много будешь знать, скоро состаришься!

Тут бабка грохнула перед ним поднос с бутербродами, чашками, чайником и конфетами:

— Ты мне прекрати! Ты мне это брось!

И заплакала. И тут же ушла в дом, прикрыв за собой дверь, потому что ни секунды не хотела плакать для показа.

Она понимала, каким слабым корешком связана с внуком. Поесть приготовить, рубашку простирнуть. Да и то все только летом. А зимой ей говорят с подозрительной заботливостью: «Ты отдыхай, мам, отдыхай!»

В детстве у нее произошел случай, лет, может быть, в шесть или в семь. Она неосторожно открыла дверцу и упустила своего щегла — казалось, такого ручного, казался, такого послушного... Выпорхнул — и нет!

«Будущая бабка» стояла босая посреди зеленого московского двора, прижимая клетку к груди, ни на что не надеясь и ожидая, когда к ней подступят слезы.

Вот и с внуком было то же. Она держала пустую клетку в руках, а прирученная птица давно улетела...

Славка вдруг встал:

— Ты рубай... это... Ладно, Дем?

И ушел, и долго-долго не появлялся.

Демину было грустно. Тоска и страх отошли назад.

А напротив села в пустое Славкино кресло печаль. Демин думал о матери... вообще обо всем этом, о чем ему не хотелось ни говорить, ни думать словами, а только вот так: будто бо слышится какая-то музыка, а будто б и не слышится...

Ему было грустно, и он ел. И не замечал этого... А потом буквально с ужасом увидел, что съел все, что держит в руках последний и притом уже надкушенный бутерброд!

И, давась этим последним хлебом и сыром, Демин бежал! Дома, в конуре своей, он разделся кое-как, залез под одеяло. Ему сразу стало холодно, словно стыд, грусть и вечная его несчастливость лежали вокруг пузырями со льдом.

Но постепенно Демин согрелся. Он же был молодой, он же был крепкий парень! Все утихомирилось в душе. Сам не замечая того, он стал мечтать — думать, как он кормит Славку. Они сидят в доме за столом, о чем-то разговаривают интересном и едят — отличное времяпрепровождение! А потом ему приснилось, что он кричит матери: «Мам! Принеси котлеты!»

Но говорят, мясо снится не к добру. И непременно проснешься испуганный, потом лежишь в темноте и все стараешься вспомнить, съел ты кусок или только видел... Не Демин этих примет не знал, и не просыпался, и всю ночь был счастлив...

Градус проснулся рано, лежал весь расслабленный, как бы ослупив себя. Нигде ничего не болело, и он как сейчас готов был на войну... Втайне он гордился своей способностью «не болеть» после выпивок. Он думал, что у него такой организм особый — лучше, чем у других... На самом же деле все объяснялось значительно обычной и... печальней: просто Градус был еще молод!

С дивана, стоящего напротив, раздавался какой-то сап. Градус тихо повернул голову... Свинцов и во сне был такой весь ухоженный, такой уверенный!.. А как на денежки польстился. Мало денег ему!

Никаких, конечно, тыщ Градусу давал Свинцову не собирался... Надо его как-то заматросить! А то, что Свинцов не заложит, Градус был уверен: утретса пустышкой и будет молчать, потому что он же соучастник, Свинцов-то! Градус еще ничего не делал, а Свинцов уже соучастник!

Медленно он стал соображать, как все-таки отделаться от Свинцова, — не получалось.

Странно подумать — ему мешала та девка, про которую вчера рассказывал Свинцов. Она снилась Градусу в одной и той же тяжелой и сладкой сцене, будто бы Градус обнимает ее, а девка упирается ему руками в грудь — сопротивляется, но по глазам и еще каким-то признакам, которые были понятны Градусу только во сне, ясно, что и она хочет обниматься.

Чтобы избавиться от наваждения этого, Градус поднялся... Стол раскинулся перед ним в том перво-данном беспорядке, который вчера «в состоянии под бабкой» был совершенно незаметен... По недооженной мойве, по голове, по выпученным черным глазам ползали две мухи... И было непредставимо, что эти рыбки когда-то плавали по совершенно чистой и никогда не виданной Градусом воде! По морю...

«Чегой-то я?» — подумал он с удивлением и даже с каким-то страхом. Вид зажатых задохнувшихся рыбок почему-то вызвал у Градуса ощущение горечи от неудачности, глупости, тщеты всего того, что он делает в жизни... Задумал съезд материн дом...

Чтобы избавиться от этих мыслей, он ухватился взглядом за стоящий на улице свинцовский моледа. Представилось, как он катает на моледе ту девку и она едет, прижимаясь к Градусовой спине...

Он коленкой толкнул Свинцова в зад, обтянутый «суперрайфлом». Свинцов легко перекатился с правого бока на живот, потянулся еще во сне и открыл глаза. Увидел Градуса... И Градус понял, что Свинцов ему не очень рад.

— Поехали пленных твоих смотреть! — сказал Градус. Это действительно было правильным делом, но ведь Градусу-то думалось только о девке. Он представил, как это может произойти между ними — совсем по-другому, чем во сне. Поэтому она едва ли поедет с ним на моледе и будет прижиматься к его спине!

Нет! Свинцов будет держать ее за волосы, башкой к земле, а Градус — снимать с нее штаны.

От этой вроде бы вождельной картины его опять зло взяло и обида. Обида, потому что все в его жизни было не так, некрасиво — не по-настоящему.

Задев плечом Свинцова, он вышел на улицу.

— Я поведу! — глянул на недовольного Свинцова. — Не жале! Десять новых купишь!

Алена спала на лавке, подложив под голову ладонь. Около нее на полу спал Солдат-Юдин.

То ли взгляд был такой прожигательный у Градуса, то ли он всхлипнул от будущего удовольствия, но Алена вдруг проснулась, села. Сразу увидела какого-то дикого парня, который пялился на нее в банное крохотное окошко.

Ей бы прикинуться, ей бы сказать, что, мол, откройте меня, пожалуйста. Но она как-то сразу догадалась: он не для того приехал.

— Чего выставился?.. Свинцова давай сюда!

— Ша я тебе все дам! — сказал Градус и улыбнулся.

— Передай своему подонку, я кричать буду!

— Будешь кричать, я тебя... — И, засмеявшись, Градус отошел от окна.

Алена и Юдин остались как бы вдвоем.

— Что это за дурак? — спросила Алена.

— Я забыл, как его звать, — прошептал Солдат. — Он в тюрьме сидел...

— Так! Слушай, Свинца, — начал Градус. Но посмотрел на Крысу: — Шарь отсюда!.. Слушай, Свинца, — продолжал он, когда Крыса отлетел на вполне дипломатическое расстояние. — Так делаем: этого там какого-то вынем, а к ней зайдём.

— Зачем? Ты что, дурак?

И тут же Свинцов ощутил то, чего не ощущал с тех пор, как ушел из бокса, — вкус затрецины!

— Ша, киндер!

Молнией перед Свинцовым прокрутилась пленка с кинофильмом про то, что собирался сделать Градус...

Градус это сделает, ему все равно потом убежать! «И если даже я сейчас не буду участвовать — это же я Алену сюда посадил!»

— Ну? Чего запякинулся? — Градус цепко взял его за плечо.

— Куда я парня-то дену? — Собрав силу и волю, Свинцов сбросил его руку. — Ты тоже умный... А если убежит?..

Вдруг он якобы кое-что сообразил... Он уже заметил, что голова у Градуса была, как говорится, не самым сильным местом.

— Мы с Крысой пойдем, его сперва свяжем, а потом уж... Э! Крыса!

Быстро пошел к бане, Крыса послушно спешил за ним... Откинули щеколду, вошли в полумрак. Свинцов шепнул:

— Быстро дверь припереть! Лавку давай сюда!

Крыса скинул Алену, подтащил лавку.

— Вы чего делаете, скоты?! — закричала Алена.

Шум сейчас был даже кстат... Они уперли один конец лавки в дверь, другой удачно уперся в печку.

— Вы чего делаете, подонки?!

— Видала того парня? Ну вот и догадайся, зачем он к тебе приехал...

Извлекли Юдина, который при виде Свинцова сразу залез в угол, как зверек.

— Все за печку ложись! — тихо командовал Свинцов. Может быть, впервые в его команде были смысл и сила. Ему так хорошо вдруг стало, как не было уже много дней.

— За какую еще печку? — Алена бунтовала по инерции, а сама уже присела на корточки — так, чтобы ее не видно было из окошка: сообразила! — Ты что, обурел?

— У него пистоль, дура! — сказал Свинцов, словно это не он дал Градусу оружие...

Сколько времени прошло, Градус не знал. Чтобы как-то скоротать эти ползучие секунды, он решил закурить. Постучал себя по карманам, опять постучал — уже и общупывая. Не было ни спичек, ни сигарет!

Не найдя папирос, он почувствовал желание немедленно что-то делать, пойти туда самому, связывать Солдата-Юдина или хотя бы в упор смотреть на эту девку.

Он толкнул дверь. А показалось, что толкнул стену: дверь нисколько не поддавалась, она была заперта — это Градус понял сразу. Но, конечно, не поверил себе, толкнул плечом, сильно... Да не может быть! Постучал крепким от нелегкой работы кулаком:

— Э! Свинца!

Какое-то время была тишина, и Градусу представилась странная картина — как звук его голоса летит по каким-то темным пространствам, прежде чем попасть к Свинцову.

— Свинца! — И со всею своей немалой силой Градус стал дергать ручку. А вот это было уж совсем глупо: дверь открывалась вовнутрь. С третьего или четвертого раза ручка отлетела. Он опять стал бить в дверь плечом.

— Я тебя достану, Свинца! Сам открой!

— Ты! Градусов! — Он услышал голос девки. — Лучше уходи отсюда! За мной скоро приедут!

Ясно — девка врёт... Но, может, она и не врёт! И кого-то из этих, сидящих внутри, все равно будут разыскивать. Или вдруг появится грибник... Невольно Градус почувствовал тайно торчащий за поясом пистоль.

И сразу представил, как он пойдет на грибника, вообще на любого, как тот попятится... Сейчас бы и Усач от него попятился! Сейчас бы... На миг он вспомнил всех, кто унижал его и в колонии, и вообще во всей его жизни!

— Ладно! — Запер дверь на тяжелую щеколду. — Я посижу, а теперь вы посидите!

Для чего-то пнул дверь ногой — подметка треснула и наполовину отлетела, у кроссовки получился такой известный классический вид, про который говорят: «Каши просит».

Досада и злость на весь мир охватили Градуса. Он вырвал пистоль, обежал баню, сунул пистоль в окошко:

— Сидите?.. — и нажал курок...

Почувствовал, как револьвер слабо дернулся у него в руке. И одновременно плеснул звук, острый, как пика. И выше этого звука взвизнул, как чиркнул, еще один: это пуля, ударившись о дикий камень, которым была обложена печь, отскочила в угол, упала бесформенной мертвой пчелой...

Может, Градусу было бы легче, если б он услышал, как Солдат-Юдин завыл от страха, и увидел, как Крыса схватился руками за волосы, словно думал, что они сейчас улетят... Но Градус ничего этого не видел и не слышал. Он гнал по лесной дороге, потом по скалбинским улицам. Вбежал в свой затхлый дом, увидел бутылку на столе. И сейчас, наверное, настоящий блатной должен был опрокинуть стакашек и сесть подумать, как положено. Но ведь Градус не был настоящим... Это он только Свинцову таким казался...

Быстро Градус передел рубашку. У него как раз была одна чистая и почти новая; сестрица мужнину отдала. Градус сперва вообще не хотел ее надевать. Хотел ее керосином всю облить, а после возить по дому, а после поджечь. Но теперь ему вдруг стало все равно. Он надел эту рубашку... Увидел на стуле забытую Свинцовым кожаную куртку, сбросил пиджак, надел ее. Куртка была маловата, но как-то не хотелось поднимать с пола пиджак... Пнул его ногой. Вынул из-под матраса кошелек с деньгами. Все!

Нет! Побежал в сарай. Там, в углу, видал он, валялась цепь от давным-давно подошедшего Джека. Градус поднял ее — цепь зазвенела. На секунду он вспомнил рыже-серого Джека, который катал Градуса... Прямо эту цепь Тонька цепляла за передок сделанных дедом санок.

Побежал к мопеду, сунул цепь в ящик под сиденье и потом туда же замок от дома. Теперь больше не надо было запирать: ведь Градус не собирался сюда возвращаться... Подумал: «А не поджечь ли все-таки?..» И понял, что уже нет времени. Уже его могут искать... раз он стрелял! А так тем более — пожар, сестре позвонят. А сестра еще могла пригодиться!

Больше уже не взглянув на материнский дом, не думая об улице, по которой ходил всю жизнь, ну кроме того, что сидел в колонии, Градус помчался к станции и еще немного по узкой пешеходной дорожке — туда, где начинался микрорайон и где была та самая сберкасса... Метрах в сорока — пятидесяти торчали какие-то кустики и стояла сосна. Тут они, между прочим, тогда и сидели с Усачом, когда... ну и тому подобное. И тут Градус поставил мопед, примотал его цепью к сосне, запер цепь на замок.

Все, начиная с того момента, когда он надел свинцовскую куртку, Градус делал словно по чьей-то команде. Ему всегда тяжело было соображать: одно сделаешь, а чего дальше-то? Сейчас не успевал одно придумать — готово другое! Как будто Усач ходил у него за спиной и подсказывал...

Уже в поезде, сидя, как приличный, с билетом в кармане, он подумал: «В парк Горького пойду». Ему есть хотелось. «Там и пожру! Пивка выпью!»

Треск мопеда пропал. Свинцов радовался этому и... Жалко мопеда было до ужаса. Где его теперь разыскивать? И еще в каком виде найдешь! А уж такой мопедик отлаженный — лучше мотоциклов гонял. И прав не надо!

Тут он заметил: Алена смотрит на него.

— Ну, Свинцов, открывай!

С одной стороны, чего тут, действительно, как жабам под мокрой бочкой... А с другой — вдруг не уехал? Свинцов вспомнил его глаза... какие-то фиолетовые... когда он говорил, что собирается сделать с Аленой...

— Ну чего ты сифонишь, смелый мальчик? — зло спросила Алена. — Самой мне, что ли, эту вашу лавку ворочать? Вон у тебя есть этот... грызун. Пусть очистит мне выход!

— Куда дергаться-то? — нехотя проговорил Свинцов. — Посидим пока...

— Я здесь «пока» уже сутки сижу! — Она постояла несколько секунд, ожидая с их стороны какого-нибудь движения. — Ну в чем дело, идиот? Тебя, что ли, изнасилюют?

Крыса смотрел на Свинцова: будет тот реагировать на слово «идиот»?.. Не реагировал. Свинцов думал, как ей ответить, как ей объяснить, что у Градуса кулаки — такие «неподарки». Да если еще в одной руке будет пистоль, то второй он сможет спокойно фингалить тебе лицо, а ты даже пальцем шевельнуть не посмеешь?

— Юдин! Ко мне! Как только выходим, получаешь двадцатник. — Алена хлопнула себя по карману джинсов.

Свинцову было смешно и обидно слушать про жалкие двадцатники. Но о потере своей он не мог сказать никому.

— Ты чего там роешься-то? — сказала Алена спокойно и властно. — Иди ко мне!

Свинцов быстро обернулся, словно почувствовал, что в спину его должны ударить... Солдат-Юдин, стоя на коленях, что-то тихо искал в углу. И как раз когда Свинцов обернулся, он дернулся и сунул это найденное в карман.

— Дай! — тихо сказал Свинцов. Были в его голосе страх и угроза.

И тут же Крыса догадался, что нашел Солдат-Юдин: пулю! И сразу вспомнил малокалиберные патроны, которые вроссыпь валялись у Свинцова по ящикам с инструментами...

А Свинцов, выходит, по-настоящему бандит...

— Крыса! Взять его!

Одно дело — размышлять о преступлениях начальства, но совсем другое — когда тебе в мозг поступает четкий приказ!

Крыса разом вскочил на ноги, как это было показано в одном заграничном боевике.

— Сам отдай! — сказал Свинцов очень мягко, тоже, конечно, подражая какому-то там герою.

— Нету у меня ничего! — закричал Солдат-Юдин и закрыл лицо сведенными крест-накрест руками.

— Бей его, Крыса!

Но как только Крыса сделал шаг по направлению к Солдату-Юдину, Алена быстро заплела ему ноги и сильно толкнула ладонью в затылок, совершенно не думая о том, что Крыса сейчас грохнется лбом о стену...

Свинцов, который следил за Юдиным, услышав грохот, отскочил в сторону, саданулся боком о печку, согнулся от боли.

Тут же Юдин проскочил за спину к Алене в тот крохотный закуток, который служил бывшим хозяевам бани раздевалкой.

— Юдин! Быстро дверь! — А сама ждала, что будет делать Свинцов. Он уже выпрямился, шагнул к Алене. Судьба Крысы сейчас никого не интересовала. Юдин пытался за спиной, стараясь вынуть скамью. Не сможет, не успеет... Свинцов протянул руку, чтобы просто отшвырнуть Алену.

У нее еще было полшага, на которые она могла отступить.

— Тихо-тихо! — Она сказала и начала медленно расстегивать рубашку.

В прошлом году к ним в дом приходила одна довольно дикая баба, родители потом с ней раззнакомились — вернее всего, из-за ее как раз дикости.

Так вот эта баба учила женскому карату. У них занималось несколько женщин, ну и Алена — на правах дочери — тоже... Один из ее приемчиков был такой: вы начинаете расстегивать пуговицы на блузке или на кофте. И потом наносите ногой удар в пах. И потом убегайте!

«А зачем расстегиваться?» — спросила Алена мать и оглянулась на Алену.

«А затем! — веско ответила каратистка. — Чтобы удар был внезапный, чтобы мужики его не ждали».

«Да, мне кажется, они и так не ждут... от женщины!»

«Они от женщины всего ждут!» — ответила «баба-каратэ». — Поэтому расстегивайтесь!»

Теперь Алена увидела, что Свинцов не мог ничего делать, не мог ничего вымолвить. Он только стоял и ждал, когда же из-под рубашки мелькнет Аленин лифчик.

И тогда она его ударила. Даже и не пришлось слишком молниеносно дрыгать ногой. Она ударила примерно с той скоростью, с какой футболисты подают угловые удары, то есть могла прицелиться, чуть ли не замахнуться...

Свинцов сразу согнулся в те самые три погибели, про которые так часто говорят... И тут Солдат-Юдин буквально простонал:

— Не могу, Ален!

— Ну-ка вместе! — Она ухватила за лавку. — Раз-два! Взяли!

Пока Градус долбил в дверь, лавка довольно-таки крепко засела там.

— Юдин! — крикнула Алена. — Я не отвечаю за твою жизнь!

Эти слова подействовали и на нее саму. Она дергала так, что, казалось, руки сейчас оборвутся.

Скалясь от боли, Свинцов полурастянулся. Бессмысленными глазами смотрел на Алену.

— Дай мне! — Она глядела на Свинцова, а руку протянула назад, к Юдину, который на корточках от страха сидел за ее спиной. Лишь мгновение она соображала, что это такое, перекачивая в пальцах изуродованную пулю.

— Имей в виду, Свинцов. Сейчас за мной придут! Помнишь записочку, нет? Она была зашифрована!

Крыса сел в углу, матернулся — тяжело, как взрослый мужик.

— Свинцов! Если этот дурак меня тронет, я скажу, что ты дружишь с уголовником! Что ты дал ему пистоль и патроны!

— А я скажу, что ты пришла за пистолем. Что это у тебя был пистоль!

Крыса уже более менее очухался. Только по тому месту, которым он саданулся об стену, стучала боль, все пышнее надувая темно-синюю огромную шишку. А на самой коже ни царапинки — можно сказать, очень удачно упал.

Он представил в скудных мечтах своих, что каким-то образом выбрался отсюда. А эти трое остались внутри. И он, Крыса, обкладывает дверь хворостом... И бежать — ничего не видеть, не помнить...

Но тут в его мечтах получалась пробуксовка. Он хотел убежать с поляны и не мог — так бывает иногда во сне. И поэтому Крыса слышал, как они там мечутся, в горячей бане, и кричат. От этих страшных видений Крыса застонал.

Солдат-Юдин все сидел на корточках за спиной у Алены, его глодали стыд, и в то же время он не имел сил подняться, как будто бы весь склеился в этом положении комочка...

— Хорошо... — сказала Алена с волнением, но твердо. — Я пришла за пистолем. Но ты, Свинцов, виноват куда больше. Ты вот у меня где! — Алена подняла сжатый кулак.

Свинцов вздохнул, распрямился окончательно: — Ладно. Пусть я погорю... — И вдруг крикнул: — Хоть слово скажешь, я тебе!..

— А мне зачем? — Алена вдруг усмехнулась. — Нам выйти надо отсюда, дурак! И когти рвать! — Дальше она быстро рассказала про милицию, которая приезжала к Славке. — А пистоль мы выкинули, понял?

Секунду Свинцов соображал.

— Крыса, ко мне!

Он прошел мимо Алены, и Крыса за ним. Но Солдат-Юдина не мог отказать себе в удовольствии пнуть ногой. Второе ухватились за проклятую лавку.

— А-ха! А-ха!

Алене пришла в голову совершенно никчемная мысль, что ее там не хватает, как мышки-норушки... И здесь раздался отвратительный скрип дерева об дерево, лавка поддалась... Алена сразу хотела выйти.

— Пулю! — Свинцов протянул руку.

Алена усмехнулась ему в лицо:

— Пулю мы выкинем туда, куда мы... — все четверо, поняли?... — выкинули пистоль! Пошли искать место! Восхищение и ненависть развевали Свинцову душу. Он смотрел на Алену, которая так и забыла застегнуть пуговицы на груди.

— Ну ты волчица! — Он покачал головой.

— У Англии нет постоянных врагов, запомни это, дружок, у нее есть только постоянные интересы! Или, в переводе на твой глупый язык... Ну, открывай дверь-то!.. Пауки в одной банке должны помириться!

Она прошла к двери, взялась за ручку, дернула... В ответ ей железным голосом брякнула щеколда.

Много народу помогало Любе в этом странном деле. Но помощь их получалась какая-то недействительная. Ускользая, револьвер оставал за собой целый шлейф новых свидетелей, соучастников, фактов, а сам неуловимо все бежал впереди зловецким и манящим огоньком. Вот и сейчас Любе «помогли»: если бы щеколда не была задвинута и если бы она оказалась чуть менее могучей, то, наверное, милиция «узнала» бы, что револьвер лежит на дне болотного, а Виталий Свинцов и его верные друзья просто ходили в тренировочный поход, потому что собираются стать юными полярниками! И привет.

Но получилось неудачно для «юных полярников» и более менее удачно для Любы. Потому что это Любин отец Петр Васильевич сделал в свое время такую надежную баньку-крепость и поставил такую

щеколду — миша-клякастый не смог бы вырваться... Когда был в силе Петр Васильевич, он любил работать крепко. Может, не очень красиво, но чтобы на века!

А при чем здесь Любин отец? А при том, что раньше был на этом месте лесной кордон, жил лесник Марьян со своей семьей. Такие совпадения!

Когда Люба от второго или от третьего свинцового приятеля выяснила, наконец, где этот «лагерь новых-крепких», она, как говорится, чуть не упала... Ведь Марьяных семья и теперь ездила на бывший кордон. На той прекрасной поляне был отведен им покос. И мать еще рассказывала, помнится, что шуганула оттуда каких-то ребят...

— Туристов? — спросила Люба.

— Да нет, наши, скалбинские вроде!

Шуганула, чтобы не вытаптывали траву... Ну да! Этот разговор в мае, в конце был!

А сейчас, в конце августа, капитан Марьяна и не вспомнила о нем, потому что поляна, на которой столько всего хорошего и волшебного случилось с маленькой Любой, никак не соединялась с плохим, с преступлением...

И вот теперь на милицейском «козле» она прибыла на поляну своего детства. За рулем сидел Сережа Камушкин, на заднем сиденье Демин и Славка.

Сережа Камушкин подбежал к бане, приложил палец к губам, показал на запертую щеколду, шепнул:

— Я начну. — И потом громко: — Все четверо здесь? — с нарочитым звяком отодвинул щеколду. — Выходи.

Они вышли помятые, неловкие, яркий с непривычки свет мешал им смотреть прямо... «Тепленькими надо брать», — подумал Сережа.

— Значит, так, сперва подумай, чего врать, а потом говори... Оружие у вас было. И вы все ответите за его хранение!

— Я-то здесь ни при чем, например! — с обидой сказал Крыса и подвинулся к Сереже. — Я его не видал и не держал. Вообще ничего не знаю... про это дело!

— Ну, положим, видел! — заметила Алена.

И тут они все на некоторое время заткнулись... «Идиоты», — подумал Свинцов... Он-то пока не проронил ни слова. А эти уже признали, что пистоль был тут, что они его видели... Идиоты!

— Кто украл его у Славки? — Сережа смотрел на Свинцова. — Ты?!

В этой наступательной манере тоже был свой фокус. Сережа не спросил, кого как зовут. Он их якобы уже всех знал. Вообще знал все. А теперь только любопытствовал, кто сколько наврет. Или не наврет.

— Мне он не нужен. — Свинцов пожал плечами.

— Зачем же украл?

— Юдин украл!

«Кто же из них Юдин? — подумал Сережа. — А, щуплый!» И повернулся к Юдину:

— Почему понес револьвер к Свинцову?

Юдин, который до этого чувствовал себя самым маленьким тут, самым незаметным, почти невидимкой, вздрогнул и покраснел. И в то же время ему не хотелось ударить в грязь лицом перед милиционерами...

— А если вам нужен керосин, вы пойдете в булочную? — Солдат-Юдин очень прямо посмотрел на Сережу.

У Камушкина была отличная реакция, и во время допросов он был готов ко всему. Однако ж ему стоило большого труда не произнести глуповатое: «Ч-чего?!» Но и паузы было достаточно для пронизательного Солдата-Юдина, чтобы понять: его слова произвели впечатление.

— Я же понимал, кому нужно оружие, а кому нет!

— Что ты врешь, шарманка? — возмутился Свинцов.

— А ну тихо! — прикрикнул Камушкин. — Допустим, Виталий, ты его нехотя взял... — И улыбнулся, как бы показывая, что уж он-то Свинцова претлично знает. — Но зачем все-таки?

Свинцов уже понял, что эти люди были дома. И в мастерской, наверное, тоже. И видели там полусобраный пистоль...

— Я для тира... Я тир хотел дома сделать.

«Тир — стрелять — заряжен!» — об этом Люба и Камушкин подумали одновременно, переглянулись. Сережа кивнул. И повернулся к Свинцову с лицом таким — почти веселым: мол, свисти-свисти, интересно слушать!

— Для тира... Хорошо! А где же оно теперь, твое спортивное оружие? — Не дал и секунды на «подумать»: — Только не надо мне, что потерялся, что вы сами на щеколду заперлись...

Это был риск. А вдруг все-таки он ошибся? Вдруг револьвер где-то спрятан? А заперли их совсем по другому поводу?

— Ну? — Сережа улыбнулся. — Конкурс! Называется: «Кто первый скажет правду про...» — довольно-таки натурально сделал вид, что некое имя так и пляшет у него на языке.

«Врет», — подумал Свинцов, — врет!» Он посмотрел на Алену: молчи, не надо трепаться... И еще что-то хотел сказать и хотел поймать глаза Юдина...

— Градус! — вдруг произнес Крыса. Его давно ни о чем не спрашивали, и хотелось напомнить о себе:

такое вот чисто денщицкое желание, что, мол, для вас всегда рад стараться!

И опять Сережа Камушкин проявил свою просто отличную реакцию. В секунду пролетела перед ним вся скалбинская шпана, и выскочили нужные данные...

— Только не надо по кликухам, вы ведь не на толковище! Надо было сказать: Гарусов Геннадий...

— Максимович, — кивнула Люба, как будто они это все знали сто лет.

Но обоим так мееютно сделалось. Вот револьвер и доплыл до парня, вернувшегося «из мест...».

Парень, вернувшийся из мест заключения, — это еще не факт для испуга. Но если он вернулся и теперь интересуется огнестрельным оружием...

Заряжен или нет?!

— Я уж вам объяснял вроде. — Сережа как бы засомневался. — Принцип такой: чем больше правды, тем лучше... Всем! Знаете, как говорят: в подводной лодке или все побеждают, или все погибают! — Вдруг резко: — Свинцов! А все же как дело было? Вот идешь ты по улице, а навстречу друг Гарусов: «Кореш, дай пистоль!»

У Свинцова в голове шла работа сразу по двум отделам. В одном бегали клерки, высыпали тучи честной и лживой информации, а он, Свинцов, решал, что говорить, что не говорить.

В другом отделе за круглым столом сидело пять или шесть Виталиев Свинцовых. Они смотрели друг на друга, бухали вразнобой, а то и вместе кулаками по столу и кричали друг на друга: «Гад, Крыса, а?! Гад — Крыса!»

И теперь эти, из второго отдела, совершенно не согласуясь со Свинцовым из первого отдела, вдруг гаркнули:

— Никого не встречал я. Это он его привел! — И рука сама поднялась. Палец ткнул в ненавистного Крысу.

Тут же пожалел: зачем?! Еще одна нитка вылезла из клубка. А Свинцов совсем не хотел разматываться до конца. Но Крыса уже задрожал, подумал, что его хотят прижать к стенке, сказать, что он сообщник... Какой ты сообщник, простофиля, сиди молчи, ничего не будет!

Нет! Крыса не молчал. Он вопил. Он за секунду выболтал, чего «менты» в жизни бы не узнали. Про четырнадцать дней, которые дал Свинцов Градусу, и про то, что Свинцов велел Крысе стеречь у ворот и — самое плохое — что обещал за это сто рублей!..

— Щедрый ты парень! — резко бросил Камушкин.

— Да я просто так... наврал! — Это могло быть нормальной правдой. Но прозвучало очень неуверительно.

— Следующий вариант! — засмеялся Сережа.

— Ну... он мне в общем-то, Гарусов, тоже обещал...

— За то, что постреляет в тире?! Сколько обещал-то?

Свинцов едва выговорил баснословную сумму. И вдруг подумал: даже лучше! Просто подумают, что я дурак... В этот момент он как раз и сообразил, что именно оказался дураком, что Градус никогда ничего давать ему не собирался...

— И что же он хотел сделать... коли такие суммы отваливал?

— Я не знаю, — ответил Свинцов и потупился. Вот это уж была его личная тайна. Никто здесь не мог его разоблачить — ни Крыса подлый, ни Юдин, ни Алена... Никто из них не знал, что ради тысяч Свинцов уговорил себя предать отца.

А Сережа и Люба пытались понять, правду сейчас говорит Свинцов или он все-таки знает... По идее преступник не станет открываться какой-то шестерке. Но мог и сболтнуть. У таких «конспирация» не в почете...

Далее. Десять тысяч — это что-то реальное или простое вранье?.. Но некогда было тут философствовать, в лесных чащах. Надо искать человека с оружием.

— Там есть патроны? — спросила Люба.

— Есть...

Уже сев в машину, Люба оглянулась: они стояли, все шестеро виноватых, и смотрели, как их здесь оставляют посреди леса и посреди страха. Они все стояли отдельно, только Демин и Славка касались друг друга плечами.

— А знаешь, Любовь Петровна, что он хочет?

— Кто?

— Револьвер? Он выстрелить хочет.

— Я что, давала подписку о невыезде? — Алена требовательно, испытующе посмотрела на мальчишек. — Меня там вообще не было! Надеюсь, вы не забыли?

Демин и Славка переглянулись: не забыли, успокойся.

— Чего тогда вяжетесь? Меня в Москве ждут!

Она скорее хотела уехать, исчезнуть, слиться... А лето, Скалба, дача — все это давно прошедшее, плюсквамперфект.

— Ладно, мальчишки, давайте я вас в щечку чмокну.

— Просто дело в том, — сказал Демин неуверенно. — Мы же ей можем понадобиться!

— Кому?! Этой? Со свисточком?

— Что ж, она не человек?

— Человек, человек, успокойся. И хочет как лучше! — Тут Алена усмехнулась презрительно. — Все, солнышки, привет!

И продолжали стоять посреди своей родной улицы Ломоносовской. Каждый был волен повернуться и молчать. Но почему-то никто не уходил — ни Алена, ни ребята.

Про Славку и Демина все было понятно: они ее любили... Да, вчера злились, презирали, что Алена сс Винцовым, что Алена нагло воспользовалась их благородством!

Но вот увидели ее и опять полюбили. И поняли в душе: благородство, с которым они выручали ее из этого дела, не должно требовать оплаты — на то оно и благородство.

Но еще стыла в них какая-то обида, а может, недоумение: что, неужели она вот так просто возьмет их и бросит здесь? Однако этого ни Славка, ни Демина ей не могли произнести... Они и себе этого не могли произнести. Потому что это лишь у по-настоящему взрослых людей есть такое чувство и такие слова.

«Ты меня хочешь бросить? — Они говорят друг другу. — Хочешь бросить? Стыдись!»

У юных совсем иное: пришел человек, ушел человек — имеет право! Они понимают свободу куда просторнее, чем взрослые.

Любовь, обида, недоумение... А что же Алена? Почему не уходила она? Почему «тупо торчала рядом с этими чехлами»?

Невозможно догадаться. Невозможно! Ее, оказывается, удерживало явившееся вдруг удивление: вот кто объяснит, почему эти двое так ко мне относятся? За что? Ведь за просто так!

Номер первый: Славка. Ходила за его денежку на дискуху, попивала соки-воды, вертела им, как вздумается... Так за что? За просто так! Когда увидела, что он уже всерьез залипает: да ну тебя, мальчишка, в баню!

Номер второй: Демина. Это уж вообще нигде, никогда, ничего. И не светило ему, и даже ничем не пахло... Ну, влюбился там, ладно, влюбился. Но видит же: все броски мимо денег. Значит, успокойся, отойди. А он не отходит!

Нет, что-то в ней есть! И это «что-то» Алене важно было понять... Она потому что при помощи... ну, в общем, того, чем приманила Славку и Демина... она при помощи этого же собиралась подсобить в классе, а может, и в школе свою собственную группу. У Селезневой команда, и у Леоновой команда — ну, как теперь? А потом можно и слиться в один дружный коллектив, где Алена получается уже на равных... как минимум!

Надо только понять, чего в ней такое. И спокойно пользоваться, как оружием. Как пистолетом!

Может, все-таки красота? Она не понимала или забыла, что существует на свете так называемое бескорыстное служение — не за славу, не за аванс и получку, вообще ни за что, а лишь за доказательство того — может быть, глупейшего для многих — постулата, что все-таки есть они, верность и преданность... То, что обозначается редко употребляемым теперь «устарелым» словом благородство...

Алена еще раз посмотрела на Славку, на Демина. Может, по блеску их брильянтовых от напряжения глаз и носов удастся определить?.. Ладно, додумаюсь. Главное, оно существует, а стало быть... Мысли ее уже тянулись к Москве...

— Все! Прощайте, дети.

И ушла. Славка и Демина спустились к речке, по мосту перебрались на тот берег. Здесь, у сосняка, стоял некий странный предмет: на двух толстых плахах лежало бревно, немного обтесанное поперек. Трудно поверить, но это была лавочка!

А соорудил ее Любин отец, который, как мы помним, мастер был не очень знаменитый, но делал все прочно. Лет пятнадцать назад прилегающие к Скалбе леса и поля были объявлены лесопарковой зоной. Стало быть, для отдыха трудящихся необходимо возвести лавочки. Петр Васильевич и возвел!

Теперь Демина и Славка сели на эту лавку верхом, как на коня, только лицом друг к другу. Каждый хотел сказать важное. Славка уже сделал вдох, чтобы начать свою историю про... Но Демина первым начал, словно ни с того ни с сего стал говорить — о матери, о завоевании сарая... Славке вроде бы и страшно было слушать его, и жалко, а в то же время думалось: прибавляет!.. Потому что он просто не мог в это поверить, «благополучный мальчик»!

Демина замолчал, и теперь бы Славке начать, что вот и у меня, старик, тоже... Но ведь никакого «тоже» у него не было. Имелись некие случаи из школьной практики «как мы один раз Марьяшу довели» и прочие мелочи, которые сейчас никак не подошли. Мелькнуло в башке: мол, надо и ему что-то придумать на манер деминского рассказа... И почувствовал: это не придумаешь. Это или было с тобой, или нет!

Тогда очнулось самое важное, что было в Славке, — его душа, его умение сострадать. И Славка стал просить Демина, что давай, переезжай ко мне, к нам. Квартирища трехкомнатная на три рыла жильцов. А родители мои, хотя и вроде твоей матушки, только...

И тут испугался, вдруг когда-нибудь его мать с от-

цом сделают с ним то же, что деминская мать с Деминым. И он сказал, что родители такие же, только... Посчастливей, поудачливей — вот как надо было докончить, но Славка не нашел этого точного слова.

В Скалбе Градус оказался на следующее утро, в половине одиннадцатого... Волнение всю раскручивало свою динамо-машину... Ну? Сказал Свинца или нет?... Словно кто-то подтолкнул его в спину. «Что ж ты, сынок?» Так Усач сказал бы! Свинца? Не должен! На тебя наступать — на себя наступать.

Но страшно было — ноги не шли. «А риск, сынок? Взял чемодан и беги. И год живешь без звука. Кто не рискует, тот не пьет шампанское!»

Тебе-то хорошо, сказал он невидимому Усачу... Хотел подняться на платформу — оттуда была видна сосна с мопедом и касса... «Стоп! Они тебя разыскивать могут. Девка тебя видала, Крыса раскололся... Но где ты? Может, вообще отсюда урыл куда подальше! Надо сесть у сосны и ждать бабу — не мельтешить. Баба приходит от одиннадцати до двенадцати!»

У сосны Градус оглянулся — никого, невольно присел за кусты, вынул ключ, стал открывать замок... Спокойно же ты, спокойно! Кому я тут на фиг нужен? Если что увижу — уйду!

Он открыл замок, бросил его на землю, чтобы никогда больше не поднимать, нисколько не думая, что мать этим замочком пользовалась лет двадцать, наверное...

И вдруг у него за спиной произнесли:

— Извините, это ваш мопед?

Градус глотнул воздуха: «А!» Повернулся резко. Подумал: надо на «вы». И не смог, сказал с диким кажим-то хрипом, потому что за сутки почти не сказал никому ни единого слова:

— Ну, мой. А твое какое дело?

Он мог вообще не участвовать в этой истории. Ведь он свидетель был, просто свидетель. И показания свои выложил. Но что-то мешало Александру Степановичу Глебову жить спокойно. И он отправился в милицию... Зачем? Ну просто... Может, они его снова порасспросят — что-то всплывет.

Однако милиция была холодна, озабоченна, никто с ним говорить не хотел. Та симпатичная следовательша куда-то уехала. В ее кабинете сидел капитан Камушкин. А у них, как известно, отношения не сложились...

Глебов тихо прикрыл дверь. Опустился на стул напротив Любиной комнаты: буду ждать!

Любы он не дождался, но так вышло, что из-за неплотно прикрытой двери к Глебову приполз разговор. Капитан Камушкин давал кому-то данные для ориентировки:

— Да, Гарусов Геннадий Максимович! — резко кричал он. — Девятнадцать. Рост средний... Что?.. Без особых... без особых примет, говорю! Нос прямой, лоб со впадиной, лицо одутловатое, надбровные дуги выражены, глаза карие, небольшие, глубоко посаженные... Ну, а где я тебе возьму особые? — Наступила пауза. Потом Камушкин опять закричал: — Мопед у него примет!.. Черный, лакированный, на передней вилке золотые змеи... Я не видел, так хозяин сказал... На бачке буквы золотом: «эс», точка, «вэ», точка. Все!

Глебов нисколько не верил, что найдет. Да он как бы и искать не собирался. Все же походил часа два по поселку... Кончай, глупости это все! Вернулся домой и словно забыл обо всем. Но не забыл... Когда на следующее утро жена Виктория строго попросила его взять Таню и сходить за огурцами для засолки, он подумал: опять пошщу!

Овощной был у станции. И здесь Глебов посадил трехлетнюю свою Таню на плечи, журавлиным шагом пошел по шпалам — там было, он знал, сырое место. А Танька распевала модные детские песни и крепко держалась за отцовские уши, как за уздечку... Наконец Глебов увидел дорожку. По ней уже можно было пройти к отделению банка и «Овощам — фруктам»...

Вдур в кустах он увидел мопед! Золотые змейки! (На самом деле Свинцов-то пытался изобразить два языка пламени.) И буквы на бачке... Глебов испугался. Таня сидела у него на плечах, держась левой рукой ему за лоб, а правой за ухо... Он оглянулся... Куда ж Таню-то деть?.. А! В банк можно!

Он вбежал в помещение так громогласно, что женщина, выдающая деньги, невольно посмотрела на лежащий у нее под «прилавком» пистолет.

— Мне ребенка надо у вас оставить! — тихо, чтобы не слышала Таня, заговорил Глебов. — На несколько минут!

Он больше ничего не сказал. Да он и не мог больше ничего сказать. Но женщина, которая только что при виде Глебова проверяла, на месте ли ее оружие, теперь произнесла:

— Ну... оставьте.

— Это детский сад? — спросила Таня.

— Да... ответила кассирша. — Это детский сад для одного ребенка. — Она взяла бланк побольше, шариковую ручку и сказала: — Все рисуют, и ты рисуй!

Ее лаварица улыбнулась и показала головой, но без осуждения. Это было последнее, что увидел Глебов. Он выбежал на улицу. Вот он, автомат! Нашел две копейки, стал набирать Любин номер — занят!

У сосны никого не было. И мопед стоял на месте:

никелированный руль подсвечивал сквозь уже покрасневшие листья — если только знать, куда смотреть.

Он набрал снова... Длинный гудок, еще полгудка!

— Капитан Камушкин слушает!

— Здравствуйте! — сказал Глебов... И уже чувствовал, добра не будет от этого звонка. — Любовь Петровну Марьяну можно к телефону?

— Любовь Петровна на задании.

И короткие гудки.

Отчаяние и злость охватили Глебова... Двухек больше нет — это он знал твердо. Ничего! В банке же есть телефон... Вбежал! Признаться, милая та женщина опять глянула на свой пистолет.

— Господи! Что же вы так врываетесь?

Таня сказала:

— Па-па! — и продолжала рисовать.

У обоих окошек стояли посетители, и Глебов понял: это будет слишком долго и слишком неудобно — ждать, просить, звонить. Уж сам не зная зачем, он опять выскочил на улицу, производя, по-видимому, впечатление пьяного или с ума спрыгнувшего.

И увидел около сосны человека.

Ну, вот и все.

И Глебов пошел к этому человеку. К пареньку, вернее. И даже невысокому. «Рост средний...» Тот отстегнул цепь, бросил ее и замок, словно это был ненужный хлам.

Вдруг Глебов понял, что не испытывает перед ним страха. И поэтому не сможет... не смог бы ударить его или напугать резким окриком. И если бы даже в руке у него был тот обрезок трубы...

— Извините, это ваш мопед?

Стон, похожий на стон от боли, вырвался из этого мальчишки. Он вздрогнул так крупно, словно его схватила судорога. Произнес глухим, как из подземелья, голосом:

— Ну, мой. А твое какое дело?

— Ваша фамилия Гарусов?

Градус попятился и расстегнул «молнию», за которой на боку тяжело лежал револьвер.

Можно так сказать — «бурчало в душе»? Наверное, нельзя. И все же это было бы самым правильным словом, чтобы описать то состояние, в котором сейчас находится Свинцов. Именно вот бурчало, как иной раз бурчит в животе, когда на вокзале где-нибудь сплывешь так называемый пирожок «с котятками».

У отца «начинался конец месяца» (опять же — если так можно выразиться), и он просто физической возможности не имел «проработать» сына. Он приходил несуетливо поздно, а уходил несуетливо рано. Вагоны, которые ремонтировали его Матерские, всем нужны были позарез — могучим валом с юга на север по стране катилась уборочная. В тот вечер, когда Люба заходила к Свинцовым, ей, можно сказать, повезло, что она застала Ивана Витальевича! На следующий вечер — когда и следовало бы поговорить, все выяснил — Свинцов-старший явился уже не «сегодня», а «завтра», то есть после двенадцати часов. Выпил сто граммов «боевых», съел холодный ужин. Эмма Леонидовна сидела напротив, кутаясь в халат.

— Ну что Виталька? — спросил отец, отдуваясь после еды, как после работы — он был крупный мужчина.

— Да... все обошлось!

— Ладно, мам! Пойдем спать. — Иван Витальевич обнял жену, и она привычно уткнулась в его грудь, зажав в своем сердце тревогу, как в кулаке.

Утром, когда Виталий вернулся (из леса, как мы знаем, из «банного заключения») — такой весь не в себе, без мопеда, без куртки (опять куртка фигурировала), мать решила поговорить с ним. Но по святому и железному правилу, унаследованному еще от покойной бабки, а та была женщина мудрая, Эмма Леонидовна «накормила мужика» хорошим плотным завтраком и потом уж приступила к делу:

— Сынок, где ты сегодня ночевал?
— Ну, мама! — И Свинцов изобразил голосом человека, который имеет право провести ночь у женщины. — Я же не все должен тебе объяснять!
— К нам из милиции приходили!
— И что они приходили?
Но мать не обманул его безразличный голос. Как раз испугал, потому что она видела его пойманные глаза.
— Расскажи мне! Я ведь тебе не враг!
Свинцов поднялся из-за стола.
— Чего-то не получается у нас разговора... Трудно стало тебе объяснять! — и усмехнулся «со значением».

Это было у них в семье! Во время редких — но, как говорится, метких — ссор отец решающе-обидным доводом приводил тот, что мать всю жизнь просидела дома, «за печкой». Дипломированный инженер, а интеллекту с гулькин хвост, на уровне сельской бабушки — триста километров от железной дороги!
После такого его намека мать обычно уходила в спальню — плакать. Отец какое-то время угрюмо сидел за столом, а потом уходил за нею — мириться.
Сейчас Свинцов впервые в жизни использовал этот отцовский «довод» — не словом, а почти только голосом. Но матери и того хватило. Она быстро и испуганно посмотрела на Свинцова. Встала и ушла... в спальню. А Свинцов продолжал сидеть за столом...

Теперь ему стало еще мутной... А зачем она лезет со своей материнской заботой? Она же о себе заботится-то, о своем спокойствии. А что на самом деле будет со Свинцовым... да плевать им... Родители!
Но долго он не мог думать эти сухие и лживые мысли. Вышел на улицу... Высокие серые облака оклеили небо сплошной замазкой.

Неволью он пошел в сторону, противоположную той, где стоял дом Крысы. И так оказался на речке... Ветер подул, Свинцов поежился и вспомнил свою любимую куртку с «молниями». И вспомнил, где забыл ее. Да плюс еще мопед — улика!

Но это уже было все известно милиции, значит, не страшно. И тогда Свинцов подумал о пропавших вещах: да плевать мне на вас. Другие будут!

Не доходя до моста, Свинцов остановился. Он увидел сидящих Славку и Демину. Демин рассказывал, а Славка слушал. Ничего не было такого особенного в их сидении. Но Свинцов все же сразу как-то понял две вещи: что эти двое вместе и что он там абсолютно лишний.

...Тихо вошел к себе на участок, пробрался мимо дома — чтобы мать не заметила и не пристала опять с вопросами... Но мать заметила его, только не стала окликать, затаилась, отшагнув к занавеске. Увидела, как сын вошел в мастерскую. Потом, минут через тридцать пошла туда — Виталий спал на старом диване, уткнувшись лицом в стену. Сердце сжалось у матери, она вошла внутрь — заскрипела дверь, сын сразу повернул голову:

— Чего ты?
— Ничего. Молоток взять. Я отбивные хочу делать на обед... — спиртным от него не пахло...
Мать взяла молоток и вышла. Потом еще заглядывала в окошко раза два — он все там же лежал...
Перед вечером он зашел на кухню, молча сел к столу.

— Ты не заболел? — она спросила.
— Простыл вроде.
— Выпейшь таблеточку? — Она дала ему таблетку и видела, как Свинцов сунул ее в карман, но сделал несколько глотков из чайника, будто правда запивал.

Потом он пошел к себе в комнату и снова лег...
Он очнулся среди ночи и понял, что спать больше не сможет, сколько ни старайся, услышал, как на кухне ужинал отец и как мать говорила с ним спокойным голосом. И страшно сделалось Виталию Свинцову, он подумал, что Градуса ведь поймают — конечно, поймают! — и допросят, и Градус скажет, что Свинцов знал про старуху кассиршу.

И если бы можно сейчас подвести проводки к его душе и узнать на приборах, о чем он думает, чего боится, то стало бы ясно: он боится не за кассиршу, которую должны стукнуть по голове «тяжелым тупым предметом», он боится только одного: чем больше Градус наворокает дел, тем ему, Свинцову, страшнее будет отвечать!

И он решил идти в милицию! Сразу утром. Но был едва только час ночи, и, чтобы убить время, Свинцов взял «Трех мушкетеров», стал рыскать по книге, найдя любовь и дуэли. Время от времени ему казалось, что теперь он сможет заснуть, тушил свет, и сразу начиналось — как он приходит в милицию и... И опять включал торшер. Принимался читать про Миледи и госпожу Бонасье.

Вдруг его прорвало на еду. В темноте он прошел на кухню... Доставал из холодильника что придется и ел.

Пока он ел, окна посинели, побледнели полупрозрачно. И в окне Свинцов увидел яблоню, которая на его глазах вытаскивала из темноты, яблоню, знакомую до последней ветки, и дальше, когда темнота совсем поредела, знакомую до последней ветки сосну.

Он встал и пошел к себе опять по темному... по уже разбавленному серой рассветной водичкой коридору...

Дверь в спальню родителей была приоткрыта... Отец спал на спине — огромный, с большой сидящей головой. Грудь его и живот вздымались под одеялом горой. Мать притулилась на его руке, на его плече, маленькая и вся принадлежащая ему.

Они и во сне помнили друг о друге. И никто им был не нужен! И Свинцов в том числе! Но эта мысль не тронула его ни обидой, ни болью... В доме становилось все светлее. И все страшнее становилось на душе у Свинцова! Лег, укрылся с головой — в темноте ему жилось не так жутко. Еще закрыл глаза на всякий случай...

То ли от задушенного едой желудка, то ли от страха, то ли от бесконечных Миледи он захотел спать. И потом изо всех сил не спешил просыпаться. И лежал, слушал, как бьется сердце. Так мучающийся зубной болью всю ночь клянется себе ранним-рано бежать к дантисту. А утром медлит, стонет и мечтает, что как-нибудь пройдет само...

Наконец Свинцов встал — мать, как всегда, делала что-то на кухне. Свинцов быстро надел школьную форму, проверил, на месте ли комсомольский значок...

Когда вышел, дверь на кухню была открыта: мать хотела увидеть Свинцова, но как бы нечаянно, чтобы не вызывать его раздражения.

Он сказал:
— Привет! Я в райком комсомола... Да просто вызывают по делу. Хотят посадить комсоргом школы!

Это даже отдаленно не было правдой. Но мать о том знать не могла. Она, как и все добрые матери, думала, что «дети растут, а мы стареем». И конечно же, «у Виталия свои дела...». Тут ей припомнился визит лесниковой дочки, и мать быстро отвернулась — будто бы посмотреть, не убежит ли молоко:

— Ты мне потом расскажешь?
— Конечно, — ответил он уверенно.

Школьная форма отрезала Свинцову все пути, кроме как в милицию. Теперь, если бы кто-нибудь его встретил: «Ты чего-то, Виталий Иванович?» Он мог бы ответить: «Да... В милицию вызывают по одному дельцу...» — и подмигнуть.

В любом другом месте он в этом наряде ни под каким видом показаться не мог бы... Но никто не встретился ему. И ни один друг его не провозжал на столь страшное дело. Никто даже просто подумать не мог: «Как там все же у Свинцова?»

Он вошел в милицию. Лоб его сам собою сделался хмурым, озбоченным, а глаза немного робкими — юный друг милиции. Дежурный так и квалифицировал его. Крикнул:

— Любовь Петровна! К вам тут молодое пополнение!

Из Любиного кабинета высунулся Камушкин...
— Что-то новенькое вспомнил? — спросил Сережа без всякого намека на доброжелательность.

— Товарищ капитан! — сказала Люба тихо. — Перестань!

Они энергично принялись выдавать из Свинцова его сведения. А Свинцов старался говорить так, как будто бы он обо всем только сейчас догадался. И от этого получалось медленно.

— Ну, счастливым ты будешь парнем, Свинцов, если он еще не успел ничего натворить! — сказал Сережа, а сам уже крутил телефонный диск. — Госбанк? Здравствуйте! Капитан Камушкин!

Далее Сережа приказал кассирше из Мастерских денег не выдавать и вообще задержать ее.
— А Наталья Михайловна после одиннадцати бывает, — ответила заведующая.

В это время Глебов звонил, и у Любы было занято...
— Надо ехать, Любовь Петровна. У нас полчас в кармане.

— Прихватим еще кого-нибудь, Сереж...
— Да брось ты! Что мне этот «Градусник»! — Сережа усмехнулся криво.

Николай Егорыча сегодня не было — расклеился под плохую погоду, вместо него командовал Камушкин, стало быть, он и определял, кого и сколько брать на операцию.

Зазвонил телефон. Сережа снял трубку, услышал раздражающе-интеллигентный голос этого «пострадавшего». Какой-то, правда, излишне нервический. Но у Сережи у самого было слишком нервически на душе.

— На задании она! — И бросил трубку.
— Кто там? — спросила Люба. Камушкин в ответ лишь махнул рукой:
— Ничего существенного.

Он еще забежал к себе в комнату, взял из сейфа пистолет. Он был совершенно уверен, не понадобится ему эта хлопушка. Но положено. Да и бережного бог бережет! «Газик» был уже готов — Люба сидела за рулем.

— Ваша фамилия Гарусов?
Градус попятился и расстегнул «молнию», за которой на боку тяжело лежал револьвер.

— Дайте его, пожалуйста, мне! — Голос Глебова был спокоен и тверд... Это он так подумал про свой голос. А Градусу голос его представлялся злым и насмешливым... «Пожалуйста»... Сволочь!

— Уйди, мужик! — выкрикнул Градус и быстро пошел прочь.

Какое-то время Глебов смотрел ему вслед. Так было всегда: что-то происходило, какое-то событие резкое, а Глебов стоял и смотрел ему вслед. Сейчас Глебов ясно почувствовал, что его участие в этих событиях безопасно. Да нет, при чем здесь «безопасно»? Участие необходимо. Вот и все.

Глебов чуть согнул руки в локтях, как он делал, когда занимался трусцой, и побежал. Даже и не очень торопясь, потому что собирался не поймать этого мальчишку, а лишь остановить его.

Градус услышал, что за ним бегут, обернулся и тоже побежал... Пистоль бил по ребрам, и тогда его пришлось вынуть.

— Стойте! — кричал мужик. — Стойте!
Градусу совершенно некуда было деться. К домам микрорайона не побежишь. А на той стороне полотно тянулось болото, за болотом канава, которую Градусу было не перепрыгнуть, за канавой перепаханное совхозное поле.

Тут он сообразил, что вооружен и убегает от безоружного.

— Стой-те!
Градус не умел бегать и чувствовал, что задыхается — от сигарет, от жизни проклятушей. Подошва на правой кроссовке, которую он испортил, когда пнул в дверь бани, вдруг подвела его — зацепилась за шпалу. И теперь хлестала и цеплялась на каждом шагу.

Градус опять остановился. Нажал на спусковой крючок. Раздался звук, словно хлопнули в жестяные ладони: пам! И он почувствовал в руке слабую отдачу. Мужик остановился, молча смотрел на Градуса. Между ними было шагов шесть или семь.

Люба услышала выстрел, резко свернула к полотну. Она увидела Градуса и Глебова. И Градус, обернувшись, увидел «раковую шейку».

— Уйди, мужик! — На этот раз он прицелился...
По колдобинам машина ехала не быстрее бегущего человека — прав был Усач... Мужик стоял перед ним, как мишень в тире у Свинцова: на лбу кружочек, на коленке и на животе, чуть повыше, куда умелые люди бьют «поддых». Теперь Градус навел пистоль в этот «поддых». И рука его не дрогнула: когда-то они со Свинцовым брали тяжелые железки по форме типа пистолета и целились в зеркало. Такое упреждение будто бы делал какой-то чемпион мира по стрельбе. Для твердости руки. Называется: «Не спеши и прицелься». И теперь рука Градуса как бы вспомнила, какие мышцы надо закрепить. И закрепила их.

Глебов словно бы увидел полет пули, весь ее путь. Почувствовал отдельно, как она ударила и как вошла внутрь. И что-то пронеслось про роман Хемингуэя, где рассказывается о таком же слу...

Он начал падать. И понял, как больно ему сейчас будет, когда он ударится о камни насыпи раненым местом. И упал. И почувствовал эту ожидаемую страшную боль.

Теперь Градусу путь был свободен. Но страшно было оказаться рядом с упавшим, переступить через него... Градус побежал вниз, где были болото и канава, прыгнул, ухнул чуть не по пояс, стал выбирать, чувствуя, как мешает в правой руке револьвер.

Машина остановилась.
Люба выскочила из машины, наклонилась к Глебову. А Сережа Камушкин побежал через насыпь.

Все рухнуло. Она представила лица Демина, Славки, этой девочки, Свинцова. Всех их уже подхватила метель и уносила, кружа, как бумажных... «Осужденные, встаньте!»...

Единственное, что сейчас могла сделать Люба, — это приподнять раненому голову.

— Таня там, — сказал Глебов. Но тут же понял: эта женщина ничего не знает про Танечку. Он хотел сказать, что в банке и что надо Вику, жену... Нет, так много ему было не сказать. И он только вымолвил: — Дочь...

Попробовал показать глазами в сторону банка... Потом все исчезло...

Сережа Камушкин живо перемахнул насыпь. И увидел преступника, выбирающегося из канавы.

— Стой! — крикнул Сережа и пальнул в воздух.

А сам чувствовал несмываемую вину перед тем, что произошло: ведь он звонил же, этот Глебов!

А сам продолжал делать то, что должен был при задержании убийцы, особо опасного преступника. Поставил ноги чуть шире плеч, взял пистолет двумя руками. Нашел мушкой правую ногу преступника.

Градус почувствовал удар, как будто камнем. Нога его вместо того, чтобы прыгнуть вперед, осталась зади — Градус упал со всего маху. Револьвер вырвался из руки. Но лежал рядом. Градус вздохнул, выплюнул густые, с землей и кровью слюны. Потянулся к пистолу. И понял, что впервые в жизни не может встать. Боль веревкой прошла от ноги до самого мозга. Он услышал, что к нему бегут. И заплакал.

В это время на другом конце Скалбы Демин собирал рюкзак, а Славка сидел рядом на чурбане, вынесенном из сарая. Они решили ехать сегодня — все-таки следовало немного пообщаться.

Рука еще болела... По идее надо бы зайти к этому мужику, извиниться или... чего-то хотя бы сказать!

Составил Н. Ермаков, Славянск Донецкой области

Читайте
в ближайших номерах:

Строим детский дом.
Читатели поддерживают
инициативу «Смены».

Новые стихи
Беллы Ахмадулиной.

С неба
на землю.
О юных
парашютистах
Донецка.

Евгений Богат.
Из неопубликованного.

Никарагуа
и ее
дети.

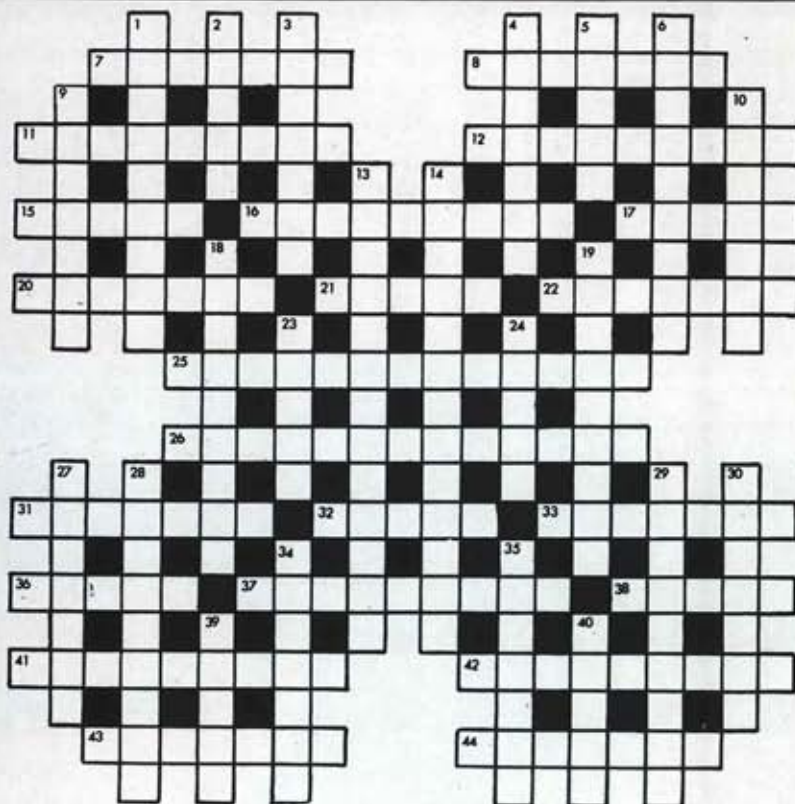
Лири Константина
Батюшкова.

Вениамин
Смехов.
Трудные
дни
театра.

Морские продукты
на нашем столе.

Подписка на
«Смену»
не закончилась,
она продолжается.
Вы можете выписать
журнал в любом
почтовом отделении,
в агентстве
«Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу журнал
поступает
в ограниченном
количестве.

По горизонтали:

7. Центр культуры и науки в Испании, самый крупный из городов Европы в IX—X веках. 8. Победитель конкурса. 11. «Пятый океан», ответственный за погоду на Земле. 12. Персонаж комедии Д. Фонвизина «Недоросль». 15. Сибирский лес с преобладанием пихты. 16. Отрасль геологии, основанная на гипотезах мобилизма и фиксизма. 17. Спутник Юпитера, открытый в 1905 году. 20. Черный американский медведь, большой любитель рыбы. 21. Ударный инструмент, игрой на котором в Средней Азии часто сопровождают танцы. 22. Цветное стекло для мозаики. 25. Население советского города, дважды прославившего себя героической обороной. 26. Каждый из могикан по отношению к другому в романах Ф. Купера. 31. Композитор, основоположник итальянской скрипичной школы. 32. Крупная

беззубая рыба, из плавательного пузыря которой делают лучший сорт рыбьего клея. 33. Русский композитор, автор романа «На заре туманной юности». 36. Острокрылая птица, способная при перелетах за сутки одолеть путь от Ленинграда до Киева. 37. Город в Калининградской области. 38. Причина гибели «Куин Элизабет», крупнейшего в мире океанского лайнера. 41. Древнегреческий драматург, чьи произведения первым напечатал венецианский типограф Альд Мануций. 42. Птица, претендующая на «геройство» в стихотворении Поля Элюара: «Тысячи птиц — в костлявых капканах веток. Тысячи веток — в когтистых капканах птиц». 43. Окрашенная в коричневый цвет шубная овчина. 44. Часть Петропавловской крепости, где томилась в заключении княжна Тараканова.

По вертикали:

1. Самоцвет, старинное название которого «стрелы Амура». 2. Картина Джорджоне с аллегорией победы духа над силой. 3. Сестры Федоровы (вокальная группа). 4. Вид предприятий, возникший в эпоху машин. 5. Стиль, принесший Г. Прозуменшиковой золотую олимпийскую медаль. 6. Сопоставление, сравнение. 9. Член экипажа корабля, самолета. 10. Качество, делающее нас человечнее. 13. Зодчий, монтажник, плотник (общее дело). 14. Метод исследования, основанный на измерении человеческого тела. 18. Лекарственное растение, из которого получают также желтую краску. 19. Отдельный лист с названием раздела, части, главы книги. 23. Согнут калачом, укусить нельзя и пройти нельзя (загад-

ка). 24. Произведение Гёте как дань его любви к Байрону. 27. Приходить в телачий... (чрезмерно и бесосновательно радоваться). 28. Автор самого известного письма к Н. Гоголю. 29. Наука о живой клетке. 30. Род валенок. 34. Торговое действо, которым был широко известен Нижний Новгород. 35. «...Перуна был деревянный, с серебряною головою и золотыми усами» (Н. Полевой. «История русского народа»). 39. «Ваша книга странно взволновала — в ней сокрытое обнажено, в ней страна, где всех путей начало, но куда возврата не дано» (размер стихотворения Максимилиана Волошина, посвященного первой книге Марины Цветаевой). 40. Комната в гостинице.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, опубликованный в № 9

По горизонтали:

1. Демихов. 6. Теляпия. 10. Акула. 11. Шарабан. 12. Миксина. 13. ...длина... 14. Цежение. 15. Нарцисс. 16. Якорь. 25. Звездонаблюдатель. 26. Очковтирательство. 30. Штраф. 36. Кенгуру. 37. ...инфанта. 38. «Тоска». 39. Гуарани. 40. Ландтаг. 41. Хорек. 42. Родиола. 43. Анискин.

По вертикали:

1. Душица. 2. Мережа. 3. Хибины. 4. Вандея. 5. Чусито. 6. «Тамань». 7. Леккарь. 8. Прилив. 9. Яранск. 17. Квадрат. 18. Рулетка. 19. Свеча. 20. Ездок. 21. Борть. 22. Удаль... 23. Атасу. 24. ...слива... 27. Юкагир. 28. Инсайд. 29. Турако. 30. Шутиха. 31. Ростра. 32. Фиалка. 33. Эфенди. 34. Знаток. 35. Жаргон.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 10 (1440)

май 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)

Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

*Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.*

*Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.*

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 03.04.87.
Подписано к печати 24.04.87.
А 07096. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 1237. Заказ № 462.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

ИГОРЬ СКЛЯР

Первый большой успех пришел к Игорю Скляру после исполнения главной роли в музыкальном фильме К. Шахназарова «Мы из джаза». Его герой обаятелен, пластичен, музыкален. Песни композитора М. Минкова «Старый роуль», аранжированная под джаз, пользуется популярностью у слушателей, и до сих пор она в репертуаре артиста.

Многие любители эстрадной песни сначала не знали, что Игорь Скляр — драматический актер, что работает он в ленинградском Малом драматическом театре. В театре его работу видят только ленинградцы да еще приезжие счастливицы, добывшие билет. Для всех же нас Игорь хорошо знаком как певец. Но песни его зрители и предстают они перед нами маленьким спектаклем. Ибо во всех песнях Игорь присутствует как драматический актер.

Часто приходится слышать: вот, дескать, театральный актер, а поет. Мало ему подмостков, подавай эстраду. Действительно, многие актеры, иногда с «не лишним приятности» голосом, иногда и без особых

вокальных данных, в последнее время «заполнили» эфир. И порой вызывает недоумение — почему вдруг потануло в общем-то хорошего актера, снискавшего заслуженный успех в своем, так сказать, цехе, запеть. Да еще на многомиллионную аудиторию. Но, пожалуй, если бы волею случая Игорь не поступил с первой попытки в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии, он пришел бы так или иначе на эстраду. Для этого у Игоря все данные.

Игоря музыка «преследовала» с детства. Его родители не профессиональные музыканты — инженеры. Но музыку, песни любили, как говорят, неистово, всем сердцем. Отец Игоря играл на многих инструментах: гитаре, мандолине, аккордеоне. И сына учил... Игорь до сих пор вспоминает, как еще в детском саду была сыграна малышам опера о кошках. Ему, как самому голосистому, при распределении ролей досталась главная партия кота-учителя. «Кажется, всю жизнь буду помнить слова из этой «оперы»: «Купила мама Леше отличные кашки...»

Успех песни зависит от многого. Не открою Америки, сказав, что иногда

даже пустышка-однодневка может вызвать вполне искренний восторг и симпатию, если исполнит ее талантливый, необыкновенный певец. Помните знаменитую «Комарово»? Легкая, не лишенная изящности песенка, с блеском поданная Игорем, ворвалась к нам из любимой передачи «Что? Где? Когда?», покорила с «первого взгляда» и надолго запомнилась.

Сейчас можно сказать, что почти у всех песен Игоря счастливая судьба. Они всегда нравятся, даже в том случае, когда вполне отдаешь себе отчет: а, собственно, что в них такого особенного? Но, видимо, во всех этих песнях главным достоинством является исполнение. Добрый, мягкий юмор, лукавство, озорство актера-певца завораживают, привлекают внимание.

Не так гладко и удачно складывалась судьба Игоря в кинематографе. Музыкальные фильмы «Только в мюзик-холле» и «Берегите женщин», снятые на Одесской киностудии, если и не разочаровали актера, не разуверили в перспективности подобных ролей, то творческой удовлетворенности не принесли. Герои

его оказались схематичными, безликими и скучными. Преодолеть слабость сценарного материала Игорю не удалось. И даже обилие музыки в фильмах не спасло. К тому же режиссеры почему-то не доверили Игорю исполнять песни своих героев. Откровенно говоря, он с опаской приступал к следующей музыкальной картине — «Мы из джаза». К счастью, опасения оказались напрасными.

Не так давно в программе Ленинградского телевидения «Горизонт» шел разговор о творчестве Скляра. На вопрос ведущего: «Как вы относитесь к столь возрастающей популярности?» — Игорь ответил: «Популярность приятна. И, что греха таить, к ней стремится каждый актер, ибо актерская профессия на виду, она, так сказать, предполагает известность. Но эта известность не должна губить в актере страсть работать, познавать, постигать. Отними все это — сразу теряется смысл нашей профессии. Очень хочется, чтобы ко мне относились не как «На недельку, до второго...», а серьезнее. Мне предостойт еще это заслужить!»

Евгений ЧИСТОВ